

**НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР им. Н. В. ПАНИНОЙ**

Татьяна ЗАГОРОДНЮК

**КОНЦЕПЦИИ ПОСТСОВЕТСКОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА
Т.И.ЗАСЛАВСКОЙ И Н.В.ПАНИНОЙ**

Монография

Киев—2013

ББК 60.5

314

314 Загороднюк Т. Концепции постсоветской трансформации общества Т.И.Заславской и Н.В.Паниной : Мон. — К.: Институт социологии НАН Украины, 2013. — 164 с.

Zagorodniuk T. Conceptions of Post-Soviet Transformation of Society by T.I.Zaslavskaya and N.V.Panina. — K.: Institute of Sociology of the NAS of Ukraine, 2013. — 2013. — 164 p.

ISBN 978-966-02-7039-8

В монографии рассмотрены место и роль современных концепций постсоветских трансформаций в общей теории социальных изменений. Проанализированы предпосылки создания, основные идеи и структурные компоненты концепции социетальной трансформации российского общества Т. И. Заславской. Раскрыты особенности теоретико-методологического подхода Н. В. Паниной к изучению трансформационных процессов в украинском обществе и осуществлен анализ изменений социально-психологического состояния населения Украины за двадцать лет независимости в ракурсе нормативно-личностной концепции. Показано, что концепции Т. И. Заславской и Н. В. Паниной взаимодополняют научные представления о постсоветской трансформации и определяют пути создания фундаментальной теории.

Для академических социологов, преподавателей, аспирантов, студентов и всех, кто интересуется историей социологии и вопросами трансформации постсоветских обществ.

In the monograph there are considered a role and place of modern conceptions of post-soviet transformations in the general theory of social changes. There are analysed the pre-conditions of creation, basic ideas and structural components of T. Zaslavskaya's conceptions of socio-ethal transformation of Russian society. There are exposed the features of N. Panina's theoretical-methodological approach to the study of transformation processes in Ukrainian society and analysed the changes of the social-psychological status of population of Ukraine for twenty years' period of independence in the foreshortening of normatively-personality conception. It is shown that conceptions of T. Zaslavskaya and N. Panina mutually complement the scientific ideas of post-soviet transformation and determine the ways of creation of fundamental theory.

For academic sociologists, lecturers, post-graduate students, students and others who are interested in history of sociology and questions of transformation of post-soviet societies.

Научные рецензенты:

О.Д.Куценко, доктор социологических наук

Ю.И.Яковенко, доктор социологических наук

А.В.Рыбщун, кандидат социологических наук

Научный редактор:

Е.И.Головаха, доктор философских наук

Утверждено к печати Ученым Советом Института социологии НАН Украины. Протокол №8 от 26 ноября 2013 года.

ISBN 978-966-02-7039-8

© Загороднюк Т.Ю., 2013

© Институт социологии НАНУ, 2013

ББК 60.5

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
<i>Раздел 1. Трансформационный подход к разработке теории современных социальных изменений</i>	11
<i>Раздел 2. Концепция социетальной трансформации российского общества Т. И. Заславской</i>	23
2.1. Эволюция научных интересов Т. И. Заславской и предпосылки создания концепции социетальной трансформации российского общества	24
2.2. Основные идеи и структурные компоненты концепции социетальной трансформации российского общества Т. И. Заславской	33
2.3. Акторы трансформационного процесса в концепции социетальной трансформации российского общества Т. И. Заславской	48
<i>Раздел 3. Особенности теоретико-методологического подхода Н. В. Паниной к изучению трансформационных процессов в украинском обществе</i>	60
3.1. От социальной адаптации в стабильном обществе к механизму преодоления постсоветской аномии	61
3.2. Теория и методология социологического исследования трансформационных процессов в трудах Н. В. Паниной	75

3.3. Анализ изменений социально-психологического состояния населения Украины в ракурсе нормативно-личностной концепции трансформации общества Н. В. Паниной	94
---	----

Раздел 4. Сравнительный анализ концепций постсоветской трансформации общества Т. И. Заславской и Н. В. Паниной	112
4.1. Общее и особенное в деятельностно-структурном (Т. И. Заславская) и нормативно-личностном (Н. В. Панина) подходах к изучению трансформационных процессов	113
4.2. Прогностический потенциал концепций Т. И. Заславской и Н. В. Паниной и перспективы их дальнейшего развития	124
Заключение	136
Литература	141

CONTENTS

Introduction	7
<i>Chapter 1. Transformational approach to the elaboration of theory of modern social changes</i>	11
<i>Chapter 2. T. Zaslavskaya's conception of socio-ethal transformation of Russian society</i>	23
2.1. Evolution of T. Zaslavskaya's scientific interests and pre-conditions of creation of the conception of socio-ethal transformation of Russian society	24
2.2. Basic ideas and structural components of T. Zaslavskaya's conception of socio-ethal transformation of Russian society	33
2.3. Actors of transformational process in T. Zaslavskaya's conception of socio-ethal transformation of Russian society	48
<i>Chapter 3. Characteristics of N. Panina's theoretical-methodological approach to the study of transformational processes in the Ukrainian society</i>	60
3.1. From social adaptation in stable society to the mechanism of overcoming of post-soviet anomia	61
3.2. Theory and methodology of sociological research of transformational processes in N. Panina's works	75

3.3. Analysis of changes of social-psychological status of Ukrainian population in the foreshortening of N. Panina's normatively-personal conception of society transformation	94
--	----

Chapter 4. Comparative analysis of T. Zaslavskaya and N. Panina's conceptions of post-soviet society's transformation	112
4.1. General and Specific in the active-structural (T. Zaslavskaya) and normatively-personal (N. Panina) approaches to the study of transformation processes	113
4.2. Prognostic potential of T. Zaslavskaya and N. Panina's conceptions and their further development perspectives	124
Conclusion	136
Literature	141

Введение

Украинское общество более двадцати лет находится в процессе кардинальных изменений, затронувших каждого его члена в отдельности и его социальное устройство в целом. В процессе постсоветской трансформации происходит постепенное изменение нормативно-ценностной системы общества, базисного типа личности, возникновение новых движущих сил социального процесса, формирование новых социальных акторов, институтов и социальной структуры. Достигнуты определенные успехи в становлении рыночной экономики. Открытыми остаются вопросы строительства правового государства и развития гражданского общества. Успехи и неудачи украинского общества на пути реформирования требуют дальнейшей концентрации внимания социологической науки на решении актуальных вопросов характера и направленности социальных изменений. Определяя настоящее состояние общества как «стабильную нестабильность», задаваясь вопросом о том, закончился трансформационный процесс или нет, украинские ученые пытаются сконцентрировать усилия на поиске теоретического объяснения и прогнозирования процессов, происходящих в обществе. В этих условиях особую ценность приобретают работы отечественных и российских социологов, которые, находясь в эпицентре событий, связанных с трансформацией общества, разрабатывают теорию социальных изменений с учетом специфики постсоветского социального пространства. Сравнительный анализ уже существующих концепций, особенно созданных в начале 1990–2000 годов, на первом этапе трансформаци-

онного процесса, может послужить отправной точкой для обобщающих теорий и осуществления социологических исследований, имеющих существенную теоретико-методологическую и практическую значимость.

В основе создания общей теории социальных изменений находятся фундаментальные труды классиков социологической мысли: эволюционный подход О. Конта, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, теория социального действия М. Вебера, диалектическая теория классовой борьбы К. Маркса, теория циклического развития О. Шпенглера и А. Тойнби, концепция циркуляции элит В. Парето, теория социальной стратификации и социальной мобильности П. Сорокина, социология Ф. Знанецкого, концепция социальных систем Т. Парсонса и Н. Лумана, теории конфликта Р. Дарендорфа и Л. Козера и др.

Современные социальные изменения в постсоветских обществах принято рассматривать как модернизацию, транзит, трансформацию.

В странах Восточной Европы социологи акцентировали внимание на изучении процессов социальных изменений на постсоветском пространстве. В Польше эти проблемы изучали В. Адамский, Э. Внук-Липинский, Х. Доманьский, Э. Мокржицкий, А. Рихард, Я. Станискис, П. Штомпка; в Чехии — И. Вечерник, П. Махонин, М. Тучек; в Венгрии — Р. Роберт, П. Тамаш, З. Шпедер; в Германии — К. Зегберс, В. Цапф, П. Шульце; в Болгарии — Н. Генов.

Особую значимость для понимания процесса посткоммунистической трансформации имеют концепции «зависимого развития» Д. Старка, (разработана совместно с Г. Грабером и Л. Брустом), «хаотичного капитализма» Д. Лейна, «капитализма без капиталистов» И. Селеньи и Дж. Ияла, эволюционной модернизации и культурных изменений Р. Инглхарта.

Разработке различных аспектов теории постсоветской трансформации украинского общества, его институциональных изменений, стратификации, социально-психологических и культурных особенностей, социальных установок и практик, адаптации, концептуализации процессов

политических изменений посвящены работы С. С. Бабенко, В. С. Бакирова, А. И. Вишняка, В. М. Вороны, Е. И. Головахи, А. П. Горбачика, Е. Г. Злобиной, С. Л. Катаева, Н. В. Костенко, П. В. Кутуева, О. Д. Куценко, С. А. Макеева, В. А. Матусевича, Н. В. Паниной, В. Е. Пилипенко, И. М. Поповой, А. А. Ручки, Л. Г. Сокуржанской, Н. И. Соболевой, А. Г. Стегния, В. П. Степаненко, В. В. Танчера, В. И. Хмелько, Н. А. Шульги и др.

В российской социологии различные аспекты постсоветских трансформационных изменений представлены в трудах А. Г. Вишневского, Л. Д. Гудкова, И. Е. Дискина, Л. М. Дробичевой, Б. В. Дубина, А. Г. Здравомыслова, Т. И. Заславской, С. Г. Кирдиной, Ю. А. Левады, Н. И. Лапина, Н. Ф. Наумовой, Р. В. Рывкиной, Ж. Т. Тощенко, М. А. Шабановой, О. И. Шкаратана, В. А. Ядова, О. Н. Яницкого и др.

Несмотря на большое количество научных разработок, касающихся отдельных проблем трансформирующихся постсоветских обществ, до сих пор не создана обобщающая теория, объясняющая суть и перспективы происходящих в них социальных изменений. Наиболее перспективными с этой позиции представляются концепция социетальной трансформации российского общества Т. И. Заславской и нормативно-личностная концепция Н. В. Паниной, которые могут послужить основой для создания обобщающей теории постсоветской трансформации и развития общей теории социальных изменений.

Сущность научной проблемы, на решение которой направлено данное исследование, заключается в неспособности модернизационного и транзитологического подходов выступать в качестве эффективного средства прогнозирования характера и направленности социальных изменений. Кроме того, она состоит в недостаточной степени теоретического осмысления уже имеющихся в украинской и российской социологии концепций постсоветской трансформации. Не создана общая теория постсоветской трансформации как форма организации научного социологического знания, дающая целостное представление о ее закономерностях. В настоящее время существуют лишь

отдельные концепции этого процесса — определенные способы понимания и трактовки, основные точки зрения, руководящие идеи для его освещения, которые характеризуются субъективностью и находятся в процессе апробации и верификации. Если в российской и украинской социологии уже имеются работы, направленные на изучение социетальной концепции трансформации российского общества Т. И. Заславской, то в настоящее время еще нет ни одной значимой научной работы, в которой был бы осуществлен всесторонний анализ нормативно-личностной концепции постсоветской трансформации Н. В. Паниной. Для дальнейшего развития социологии в Украине необходимо целостное представление об основных идеях, структурных компонентах и прогностическом потенциале данной концепции, о методике и методологии эмпирического исследования процесса социальных изменений, которые являются научным наследием Н. В. Паниной. Сравнительный анализ нормативно-личностной концепции постсоветской трансформации украинского общества Н. В. Паниной и деятельностно-структурной концепции социетальной трансформации российского общества Т. И. Заславской призван продемонстрировать разнообразие научных подходов к изучению процесса социальных изменений в современной украинской и российской социологии и тем самым придать новый вектор ее развитию.

Эмпирической базой исследования являются результаты социологического мониторинга украинского общества, проведенного Институтом социологии НАН Украины и Центром СОЦИС в 1992–2012 годах. Выборочная совокупность каждого опроса в среднем составляет 1800 человек и репрезентирует взрослое население Украины в возрасте от 18 лет. Руководитель проекта — академик НАН Украины В. М. Ворона, методология проекта — д. соц. наук Н. В. Паниной, авторы программы и инструментария — д. соц. наук Н. В. Панина и д. филос. наук Е. И. Головаха. Использованы материалы Европейского социального исследования (ESS), проводимого в Украине Институтом социологии НАН Украины.

Раздел 1

Трансформационный подход к разработке теории современных социальных изменений

Процессы социальных изменений, происходящие в различных странах мирового сообщества, имеют ярко выраженные социально-экономические, социально-политические, социокультурные и геополитические особенности. Одной из основных задач, стоящих перед мировым социологическим сообществом на современном этапе функционирования глобализированного мира, является «изучение, обоснование и развитие теорий социальных изменений» [238].

Казалось бы, социальные изменения должны были прежде всего интересовать социологов, разрабатывающих теоретические основания исследования социальных феноменов, поскольку стабильное и неизменное в социальном мире можно найти, определить и изучить только в диахронных сравнительных исследованиях. Однако вплоть до середины прошлого столетия именно этому аспекту социологического познания уделялось крайне мало внимания. Обобщая опыт теоретического осмысления проблемы социальных изменений в социологии, Алвин Босков в работе, опубликованной в 1957 году, пришел к следующему выводу: «Хотя социальные изменения в той или иной форме были весьма популярной темой в течение пятидесяти лет, предшествовавших Первой мировой войне, но ей уделялось удивительно

мало внимания как со стороны настоящего, так и предшествующего поколения социологов. Действительно, несмотря на широкое использование этого термина, социологи склонны были заниматься *структурой, организацией и конфигурацией*... Другими словами, за последние годы изучение социальных изменений стало чем-то второстепенным, хотя такие ученые, как М. Вебер, Р. Макивер, П. Сорокин, Г. Беккер и Ф. Знанецкий, опубликовали глубокие работы по одному или нескольким аспектам этой проблемы» [20, с. 298–299].

Столь неутешительный диагноз состояния теории социальных изменений был поставлен, несмотря на то, что именно к социальной динамике было приковано внимание наиболее выдающихся социальных мыслителей предыдущего столетия. В их трудах социальные изменения рассматривались в контексте эволюции человеческой цивилизации. Основными категориями при этом выступали те, с помощью которых можно было раскрыть пути и механизмы социальной эволюции. Основной целью создания этих теорий было объяснение направленности и движущих сил общественного прогресса как ключевой категории в ее связи с эволюционными или же революционными общественными изменениями [6; 21; 131; 177; 191].

Именно прогресс был в центре внимания наиболее выдающихся социологов вплоть до начала XX столетия. Но уже Первая мировая война пошатнула уверенность социологов в неотвратимости прогресса. В период между двумя мировыми войнами идея линейного социального прогресса утратила первоначальную привлекательность, и вместе с ней был утрачен интерес социологов к социальной динамике в ее классическом понимании, вдохновлявшем К. Маркса, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма и М. Вебера. Для профессиональных социологов того времени все более очевидным становилось понимание сложности и неоднозначности социальных изменений, которые не только не выстраиваются в единый линейный порядок, подчиняясь развитию производительных сил, или созреванию «социального организ-

ма», или смене типов солидарности, или распространению рациональности. В общественной мысли того времени доминировали, скорее всего, категории цикличности исторического развития, упадка и катастрофы [99; 136; 182; 206].

Репутация прогрессистских теорий особенно пострадала в 30–40-е годы прошлого столетия, которое было признано многими мыслителями-гуманистами как самое деструктивное в истории человечества, несмотря на очевидный прогресс науки и технологий. Категории эволюции и прогресса к этому времени утрачивают в западной социологии былую объяснительную силу и привлекательность, и им на смену приходят новые социологические категории: транзит и модернизация. Эти категории на какое-то время оживили идеи социальной эволюции и прогресса как основополагающие для западной цивилизации, представив их в новой форме. Теории модернизации и транзитология были ответом западной социальной мысли на два основных вызова послевоенного времени: экономическая отсталость постколониальных государств и традиционных обществ и угроза демократии со стороны тоталитарных и авторитарных режимов [13; 14; 132; 178; 222].

В последние десятилетия среди ряда категорий, отражающих различные аспекты социальных изменений, все чаще используется категория «трансформация», и прежде всего для характеристики тех социальных процессов, которые происходят в посткоммунистическом социальном пространстве. С этим согласны многие специалисты, изучающие страны Восточной и Центральной Европы. Даже те из них, кто скептически оценивает возможность создания строго научных теорий социальной трансформации, а не новых разновидностей политической доктрины перехода к западной модели общественного устройства, констатируют тот факт, что «в социальном дискурсе термин «трансформация», обозначающий открытый процесс изменений, стал принятым в качестве заменителя для транзита. Однако транзит, в смысле «переход к «западной модели», продолжает быть политически гораздо более влиятельной идеей» [230, p. 108].

Но в том-то и дело, что влияние модернизационного и транзитивного дискурсов основывается прежде всего на идеологических предпосылках, ориентирующих государства, вовлеченные в процесс кардинальных общественных преобразований, на определенную систему ценностей и политических предпочтений, тогда как в теории трансформации акцент ставится на самом процессе изменений, когда предметом познания становится не идеальная модель преобразований, а реалии, которые могут в разной степени соответствовать (или противоречить) декларированным целям модернизации и транзита. Разработка теорий трансформации стала магистральным направлением социальной мысли не только в связи с принципом «деидеологизации» проблематики социальных изменений. Уже в рамках неомодернистских теорий, возникших в ответ на критику классических моделей модернизации и демократического транзита, значительное место стало отводиться собственному историческому и культурному опыту развивающихся государств, а не только тому вопросу, в какой мере они способны воспроизводить западный опыт [98; 102; 161].

Особенно остро проблемы применения модернизационных теорий к изучению современных социальных изменений стали проявляться при попытках объяснения того, что происходит в современном посткоммунистическом мире. Так, профессор социологии Хельсинкского университета Э. Аллард, оценивая национальные доклады, посвященные успехам и неудачам модернизационных процессов в постсоциалистических странах, уже в начале нынешнего столетия писал: «Мой первый вопрос таков: действительно ли концепции модерна и модернизации существенно важны для описания постсоциалистических стран Центральной Европы?.. Концепция модернизации — отправная точка анализа того, насколько хорошо и в какой мере достигнуты основные цели демократии, роста и защищенности. Тем не менее, у меня возникла неловкость при встрече с концепциями модерна и модернизации. Фактически они могут мешать наблюдению за некоторыми важными тенденция-

ми. Во всяком случае, мой комментарий содержит критику концепции модернизации. Может быть, признак плодотворности этих концепций именно в том, что, критикуя их, можно найти новые проблемы, достойные исследования» [3, с. 60–61].

В своем обзоре Э. Аллард в целом высоко оценил работы специалистов по вопросам постсоциалистических изменений в странах Центральной и Восточной Европы. Его главная претензия к ним заключалась в том, что они не учитывают вызовы современной ситуации множественности модернов, критических аргументов, выдвинутых постмодернистами, и опасности разработки социальной политики на основе взглядов об идеальных условиях будущего. Действительно, теорию множественных модернов (Ш. Айзенштадт) [219], неомодернизации (Э. Тирикьян) [236], контрмодернизации (А. Турен) [237], демодернизации (А. Коэн) [106], модернизации без вестернизации (С. Хантингтон) [200], позднего модерна (Э. Гидденс) [26], рефлексивной модернизации (У. Бек) [11] можно рассматривать как переходные концепции от неэволюционной парадигмы к теориям социальной трансформации, которые основываются на ряде принципов, позволяющих избежать и чрезмерного упрощения современной картины изменяющегося мира, и не попасть в классическую ловушку историцизма, который Карл Поппер считал основной угрозой для открытого общества.

Следует заметить, что ведущие специалисты постсоциалистических стран восточной и Центральной Европы, участвовавшие в оценке модернизационного проекта, и их коллеги, работы которых приобрели достаточно широкую известность, — П. Махонин (Чехия) [223], Н. Генев [220] (Болгария), В. Адамский, Х. Доманьский [49], А. Рыхард [232] (Польша), З. Шпедер [205], П. Тамаш [188], И. Селеньи (Венгрия) [180], В. Цапф [201], К. Оффе, Х. Визенталь (Германия) и другие — имеют достаточно оснований рассматривать процесс социальных изменений в их странах в терминах классических теорий модернизации демо-

кратического транзита хотя бы потому, что эти страны достигли вполне определенных успехов в реализации декларированных целей построения общества с эффективной рыночной экономикой и политической демократией. И, тем не менее, в последнее десятилетие (особенно, в связи с мировым экономическим кризисом) и в этих странах специалисты все чаще используют категорию «социальные трансформации» применительно к нынешнему этапу посткоммунистических изменений.

Первоначально эта категория получила обоснование в рамках экономической и социально-исторической мысли. Первой фундаментальной работой по проблеме социальных трансформаций является книга К. Поланьи «Великая трансформация» [169], впервые опубликованная в 1944 году. Существенный вклад в развитие трансформационного дискурса внесли исторические социологи Ч. Тили [190], С. Сандерсон [179] и др. Важной вехой в определении места и роли категории «социальная трансформация» стала работа П. Штомпки, посвященная вопросам современной теории социальных изменений: «Когда помимо количественных наблюдаются и базовые качественные изменения, тогда мы можем говорить скорее о трансформации, нежели о репродукции. Такие сдвиги затрагивают основу социальной реальности, поскольку их отзвуки обычно чувствуются во всех сферах («элементах») социальной жизни, трансформируют ее важнейшее, сущностное качество. «Трансформация» — это синоним того, что мы ранее обозначали как «изменение чего-либо», а «репродукция» указывает в основном на «изменения внутри чего-либо» [208, с. 39–40].

Такое понимание специфики трансформационных процессов, предложенное П. Штомпкой, опирается на идею Р. Мертона о принципиальном различии двух типов социальных изменений — адаптивных и морфогенетических. Согласно этому подходу изменения внутри системы способствуют поддержанию системы в равновесии, ее стабилизации. Вместе с тем «понятие социальной трансформации необходимо отличать (по П. Штомпке) от других понятий,

выражающих формы значительных социальных изменений — социальных процессов: морфогенезиса (возникновения совершенно новых социальных условий, состояний общества, социальных структур), трансмутации (модификации, реформации или пересмотра существующих социальных установок), репродукции (компенсаторных, адаптивных, уравновешивающих, поддерживающих процессов, которые позволяют приспосабливаться к окружающим условиям, сохраняя существование общества в неизменной форме). Трансформация означает базовые качественные изменения, когда в основе социальной реальности происходят сдвиги, их отзвуки обычно чувствуются во всех сферах социальной жизни, трансформируют ее важнейшее сущностное качество» [127, с. 262]. В наиболее общем смысле социальную трансформацию можно определить как процесс глубинных институциональных, структурных и личностных изменений, в результате которого социум приобретает новые системные свойства и характеристики.

Данное определение категории «социальная трансформация» позволяет ей занять достаточно определенное место в современной социологической терминологии, отражающей характер социальных изменений, происходящих в странах, где декларированный демократический транзит и экономическая модернизация по западным образцам или остается под вопросом, или осуществляется в направлении, противоположном ожидаемому. И прежде всего это относится к большинству постсоветских государств и обществ. Об этом еще в конце прошлого столетия писал один из ведущих российских социологов В. А. Ядов: «Категории модернизации и переходного периода, переходного общества явно не выражают существа происходящих в России изменений просто потому, что исторический вектор этих преобразований объективно не задан, не предопределен. Наиболее общее адекватное понятие, которое свободно от «векторной нагрузки», — понятие трансформации. Особенность российского трансформирующегося общества не в том, что оно преобразуется (преобразуется вся миросисте-

ма), но скорее в том, что мы находимся в высокоактивной стадии социальных трансформаций, когда нестабильность трансформируемой социальной системы близка к состоянию «динамического хаоса» (по И. Р. Пригожину). Этим нынешнее российское общество отличается от стабильно трансформирующихся обществ с прогрессирующей экономикой и устойчивой социально-политической системой» [211, с. 66].

С такой позицией В. А. Ядова были солидарны и социологи, инициировавшие исследование проблемы постсоветских социальных изменений уже в первые годы после краха социалистической системы в Европе и развала СССР. Они сосредоточили внимание именно на трансформационном процессе, который в каждом из посткоммунистических государств осуществлялся по-разному и имел различные социальные последствия, независимо от общности декларированных целей посткоммунистического транзита (Т. И. Заславская, Н. В. Панина). В их работах с самого начала акцент ставился именно на непредсказуемых и противоречивых процессах общественных трансформаций, хотя в первые годы независимого существования России и Украины для ученых-обществоведов этих стран модернизационный и транзитологический подходы к решению проблем постсоветских социальных изменений имели приоритетное значение.

Преимущества трансформационного дискурса над модернизационным и транзитивным применительно к посткоммунистическим социальным изменениям обосновывает и австралийский исследователь С. Кастлес, подчеркивающий, что социальные трансформации не предполагают ни какого-либо заданного результата, ни того, что процесс по существу будет положительным. И в этом смысле они позволяют «органично ввести теорию социальных изменений в анализ глобальных социальных процессов, которые различным образом влияют на социальные изменения в различных странах и регионах мира» [217].

В современной социологической науке принято специально выделять возникший два десятилетия назад фе-

номен постсоветской или посткоммунистической трансформации, с присущими только ему противоречиями и закономерностями. Сложность изучения этих проблем для постсоветских социологов заключается в том, что исследователь не может смотреть на исследовательскую проблему отстраненно, он находится в «режиме реального времени» с самим процессом.

Необходимо учитывать и тот факт, что научные подходы к процессу социальных изменений в посткоммунистическом пространстве по-разному оценивают представители европейской и американской социологической традиции, социологи, эмигрировавшие из некогда социалистических стран Восточной Европы, и ученые, наблюдающие этот процесс «изнутри». К их числу относятся социологи Украины и России. Именно эти исследования представляют особый интерес. Так, Е. И. Головаха отмечает: «Классические и модные ныне теории, получившие широкое признание в мировой социологии, к сожалению, не могут быть непосредственно использованы для продуцирования адекватного знания в конкретных условиях постсоветской трансформации общества» [32, с. 22]. Несмотря на то, что исследователю трудно быть отстраненным наблюдателем, когда он сам является участником процесса социальных трансформаций, возможность постоянно исследовать эти процессы социологическими методами и постоянно сопоставлять полученные результаты с опытом непрерывных наблюдений позволяет разрабатывать социально и культурно релевантные концепции социальных изменений, происходящих в «его обществе». Именно так рождались и продолжают жить концепции постсоветских социальных трансформаций, разработанные Т. И. Заславской и Н. В. Паниной.

В своей концепции социетальной трансформации общества Т. И. Заславская отдавала предпочтение термину «посткоммунистические трансформации» перед «постсоциалистические», ввиду того, что общества, принадлежавшие к «мировой социалистической системе», не были социалистическими в научном смысле слова, в то время как моно-

полистическая власть коммунистической партии была одним из главных типологических признаков» [81, с. 73]. Она не определяла трансформационные процессы российского общества отдельной категорией. Н. В. Панина и Е. И. Головаха считали, что «посткоммунистическая трансформация социальных институтов в странах «социалистического лагеря» отличается от постсоветской» [35, с. 15], имея в виду трансформацию социальных институтов стран бывшего СССР.

Для понимания нормативно-личностной концепции Н. В. Паниной это принципиально важный момент, так как она разделяла мнение Ю. А. Левады о том, что «в постсоветской ситуации разрушение авторитарных нормативных структур создало ситуацию коррумпированности всех ценностей и нормативных структур общества на различных уровнях (включая личностный) — не менее серьезную и опасную, чем широко обсуждаемая коррумпированность его экономических и политических систем» [129, с. 512].

Тот факт, что концепции Т. И. Заславской и Н. В. Паниной с самого начала основывались на понимании постсоветских социальных изменений как процессов общественных трансформаций, свидетельствует о том, что их авторы стремились избежать главной угрозы, которая сопровождает любую попытку концептуализации в сфере исследования социетальных явлений и процессов, когда выводы делаются об обществе в целом, о его институциональной системе, макроструктуре и базисной личности. Эта угроза связана прежде всего с идеологизацией исследовательского подхода, которая неизбежно сопровождает ученого в том случае, когда он выбирает целеориентированные подходы, каковыми являются различные подходы к пониманию модернизации и транзита. Так, в российской транзитологии с либеральным идеологическим вектором конкурирует направление теоретических изысканий, связанное с определением «особого российского пути». Оно имеет немало приверженцев, и теоретической основой его является так называемая национальная социологическая теория. Если

в советское время единственно научной общей теорией полагался исторический материализм, то «нынче сторонники единственно правильной полагают таковой национальную социологическую теорию. На социологическом факультете МГУ умудрились создать кафедру «консервативной социологии», т.е. опирающейся на наследие русских социологов XIX — начала XX века. Понять такую позицию в рамках науки, а не в рамках идеологии, невозможно» [213, с.10].

Категоричность оценок В. А. Ядова продиктована тем обстоятельством, что идеология в данном случае непосредственно и весьма откровенно вводится в поле научного поиска с очевидной целью превратить ученых в идеологических работников, как это было во времена господства коммунистической идеологии. Однако (хотя и не так конъюнктурно) идеология проникает в социологическую науку и с либеральным дискурсом, который способен подменять научную терминологию идеологической. В результате оценочные суждения основываются не столько на онтологических, сколько на деонтологических основаниях, когда утрачивается грань между исследованием того, что есть, и тем, что должно быть с точки зрения транзита, ориентированного на либеральные цели и ценности. Учитывая это, следует рассматривать выбор трансформационного подхода в познании посткоммунистических социальных изменений как наиболее соответствующий характеру и направленности этих изменений.

Следует отметить, что в современной социологической науке разработаны отдельные концепции процесса социальных трансформаций, его сущности. Польский социолог П. Штомпка в рамках разработанной им теории становления предложил рассматривать последствия различных ситуаций дестабилизации социальной системы как социальную травму, нуждающуюся в последующей реабилитации, которую он называет социальным совладанием. Суть этой теории в трансформационном контексте он излагает следующим образом: «В свете теории социального становления под этим следует понимать сложный, искусственный вид

человеческой коллективности, дающий возможность его творческой самотрансформации. Здесь патологическое состояние проявляется при определенных структурных и культурных обстоятельствах («благоприятный контекст»). Оно вызвано специфическими формами прошлого социального изменения («травмирующие события»). Явление, обозначенное как травма, вызывает ответные реакции («совладание — coping — с травмой»), основанные на способности агентства к дальнейшему социальному изменению» [207, с. 8].

В западной социологии существуют и другие теории постсоветской трансформации, например, *эволюционная теория*, которая базируется на идее проектирования капитализма на основе неоклассической экономики и рационализме в духе марксизма [233], и *инволюционная теория*, или теория зависимой от прошлого опыта трансформации [235]. И. Селенки выдвинул *теорию приспособления траекторий*, которая, по сути, является синтезом этих противоборствующих теорий [180].

В российской и украинской социологии исследованию различных аспектов социальной трансформации посвящено немало работ известных ученых [26; 27; 34; 47; 101; 103; 117; 120; 124; 128; 129; 170; 172; 186; 187; 189; 212], однако в работах Т. И. Заславской и Н. В. Паниной представлены теоретически целостные и эмпирически обоснованные концепции социетальных трансформаций, анализу и сравнению которых посвящены последующие разделы монографии.

Раздел 2

Концепция социетальной трансформации российского общества Т. И. Заславской

Среди множества научных трудов, посвященных различным аспектам исследования постсоветской трансформации, в последние годы особое место занимает деятельностно-структурная концепция социетальной трансформации российского общества Т. И. Заславской. Ее подход к решению проблемы теоретико-методологического обоснования структурных изменений в постсоветском социальном пространстве отличают последовательность, системная концептуализация и эмпирическая верифицируемость основных концептуальных положений. Во многом это обусловлено исследовательским опытом Т. И. Заславской, накопленным при изучении социальных процессов, предшествовавших кардинальному изменению общества в период развала СССР и становления на его руинах суверенных постсоветских государств.

Являясь известным специалистом в экономике аграрного сектора, Т. И. Заславская вместе с Р. В. Рывкиной стояла у истоков экономической социологии в СССР. Начиная с 1983 года, сферой научных интересов Т. И. Заславской являлись проблемы качественной трансформации общества в целом. Научный интерес к проблемам трансформации советского общества отражен в многочисленных трудах Т. И. Зас-

лавской. Автор разграничивала их на два больших периода. Период 1983–1995 годов, когда ее статьи, интервью, доклады на конференциях в основном были посвящены процессу перестройки в постсоветской России. Сама Т. И. Заславская объединила их общим названием «Перестройка и экономические реформы» [67]. В период 1996–2004 годов была собственно создана концепция трансформационного процесса в России. Творческий поиск автора нашел отражение в фундаментальном труде «Социетальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция» [86].

2.1. Эволюция научных интересов Т. И. Заславской и предпосылки создания концепции социетальной трансформации российского общества

Возрождение интереса к социологии в СССР в 1960–1970-х годах нашло отражение в творческом поиске Т. И. Заславской: сфера ее научных интересов постепенно расширилась от частных экономических проблем развития сельских поселений [173], миграции сельского населения [134] до всего комплекса социально-экономических проблем аграрного сектора общества [183]. Одновременно шла интенсивная работа по институционализации нового для того времени направления социологической науки — экономической социологии [71; 88].

В это время в СССР началось проведение массовых социальных исследований, были достигнуты значительные результаты не только содержательного, но и методологического характера, была опубликована знаменитая книга В. А. Ядова «Методология и процедура социологических исследований» [210]. Т. И. Заславская вместе с Р. В. Рывкиной считали важным для повышения методологической культуры социальных исследований обоснование принципов разработки программы конкретного социологического исследования [72]. Они полагали, что «детально разработанные программы исследований, содержащие теоретическую

схему изучаемого явления, формулировку задач и гипотез, обоснование используемых методов сбора, обработки и анализа материала в современных условиях, имеют не меньшую (если не большую) научную ценность, чем конкретные результаты того или иного исследования, описывающие определенную сферу социальной действительности» [73, с. 461]. Программа, в понимании Т. И. Заславской, — «это особый вид описания исследования на стадии его планирования» [73, с. 463]. Наиболее важными аспектами разработки программы социологического исследования она считала: функции программы; ее структуру, то есть необходимые и достаточные элементы, а также способы их увязки друг с другом; необходимую степень детализации программы исследования на стадии ее разработки; специфику программ, предназначенных для научных и прикладных исследований разного масштаба и типа, для изучения разных по содержанию социальных явлений.

Исходя из внутренних и внешних функций программы, была предложена общая схема программы конкретного социологического исследования. В настоящее время содержание этой схемы является общепризнанным. Т. И. Заславская считала важным концептуальное обоснование типа и метода построения выборки. Для социологического исследования «значение правильно составленной, т.е. экономической и в то же время репрезентативной, выборки трудно переоценить» [73, с. 505] потому, что вопрос о типе выборки возникает по отношению к каждому типу единиц наблюдения. На примере изучения трудовой миграции было показано, что если изучение проводится на одном-двух предприятиях, то применима одноступенчатая выборка. Организация такого рода исследований не представляет собой сложности, но их научная значимость невелика. Для крупных исследований трудовой мобильности характерна многоступенчатая выборка, в процессе которой сначала отбираются единицы наблюдения более высокого уровня, а внутри них — уже индивиды. С научной точки зрения самыми «многообещающими» выборками, по мнению Т. И. Заслав-

ской, являются выборки, районированные не по одному, а по целому набору переменных, то есть базирующиеся на многомерных распределениях. Трудность их применения обусловлена их неустойчивостью, что осложняет получение статистических оценок, на основе которых рассчитывается ошибка выборки. Разработанная Т. И. Заславской и Р. В. Рывкиной схема была обсуждена в 1967 году на совместном заседании научного совета по конкретным социальным исследованиям при Президиуме АН СССР и правления ССА, в основном одобрена и рекомендована для практического использования.

Переломным моментом, который для Т. И. Заславской послужил стимулом в начале 1980-х годов к изучению социального контекста развития аграрного сектора СССР, стала разработка исследовательского проекта «Социальный механизм развития экономики (на примере АПК)», научным руководителем которого она являлась. Целью проекта было обоснование программы социально-экономических преобразований в аграрном секторе. Однако исследования показали, что перманентный кризис в функционировании АПК и то, что село оставалось самым отсталым элементом социальной структуры общества, не были частными явлениями. Идея необходимости принципиальной перестройки советского общества и исходные представления о связанных с ней научных задачах были изложены в докладе «О совершенствовании производственных отношений социализма и задачах экономической социологии» [86, с. 18–40]¹. Были сделаны выводы о том, что действующая на тот момент система производственных отношений существенно отстала от уровня развития производительных сил. Необходима существенная перестройка системы государствен-

¹ Доклад на научном семинаре «Социальный механизм развития экономики» (Новосибирск, 1983). Впервые опубликован с грифом «Для служебного пользования». Полный текст опубликован в кн.: *A Voice of Reform. Essays by Tatiana Zaslavskaya* / ed. M. Yanovitch, M. E. Sharp. — N.Y. ; L., 1989. — P. 158–184.

ного управления: отказ от административных методов управления и переход к экономическим методам регулирования производства. По мнению Т. И. Заславской, модель производственных отношений, которая бы соответствовала уровню развития производительных сил, должна была учитывать сложность и многомерность, возможную конфликтность интересов действующих в экономике групп, закономерностей их поведения и взаимодействия, содержание их диалога с социальными институтами и органами управления экономикой. Разработка же стратегии перестройки этой модели предполагала «знание социального положения, потребностей, интересов, реального и потенциального поведения тех общественных групп, которые могут существенно влиять на ход преобразований» [86, с. 33]. При этом важным являлся учет социально-экономического сознания социальных групп, характера их ценностных ориентаций, уровня развития и структуры потребностей, содержания и способов выражения интересов.

В данном исследовании процесс развития социалистической экономики был представлен как результат взаимодействия общественных групп, связанных отношениями сотрудничества, но имеющих разные интересы. Акцент был сделан на значении социального механизма развития экономики. Под социальным механизмом развития экономики Т. И. Заславская понимала «устойчивую систему взаимодействий общественно-экономических групп по поводу производства человеческой жизни, использования природной среды, создания и потребления материальных благ и услуг» [86, с. 34]. Движущей силой этого механизма выступает противоречие между уровнем развития производительных сил и состоянием производственных отношений, которое находит конкретное выражение в интересах общественно-экономических групп. Социально-экономический механизм развития экономики имеет сложное строение: он состоит из множества взаимосвязанных, но относительно самостоятельных частных механизмов социально-экономического воспроизводства. Именно совершенствование со-

циального механизма развития экономики Т. И. Заславская считала ключом к решению актуальных проблем советской экономики.

Таким образом, уже в данном докладе Т. И. Заславская сформулировала основы концепции социетальной трансформации общества на примере развития экономики. Несмотря на то, что они изложены в терминах «перестройки», была выдвинута идея о взаимосвязи социально-групповой структуры общества с функционированием его социальных институтов и качеством человеческого потенциала (в более поздней терминологии), а также ею было дано определение социального механизма развития социалистической экономики. По свидетельству самой Т. И. Заславской, ее научные интересы со времени опубликования «Новосибирского манифеста» «переключились с проблем аграрного сектора на проблемы качественной трансформации общества в целом» [86, с. 12].

Практически отсутствующая в 1980-е годы в СССР надежная эмпирическая база не позволяла Т. И. Заславской в полной мере исследовать процессы социальных изменений. На волне «перестройки» начала бурно развиваться социологическая наука. В 1988 году было опубликовано постановление ЦК КПСС «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых социальных проблем советского общества», согласно которому социология приобрела права самостоятельной науки. Ранее, в декабре 1987 года, было подписано Постановление Президиума ВЦСПС и Госкомтруда СССР «О создании Всесоюзного центра изучения общественного мнения по социально-экономическим вопросам», во главе которого стала академик Т. И. Заславская [44]. Ознакомившись с опытом изучения общественного мнения в Венгрии, Польше и других социалистических странах, побывав в Институте демоскопии в ФРГ, который возглавляла Э. Ноэль-Нойман, она вместе с Б. А. Грушиным, Ю. А. Левадой, Л. Д. Гудковым, Б. В. Дубинным и другими учеными [64] приступила к работе по созданию ВЦИОМ как общесоюзного центра проведения

массовых опросов, ибо «не представляла себе, как можно управлять нестабильным, активно реформируемым обществом без надежной обратной связи, которая информировала бы реформаторов о том, как воспринимают эти реформы разные группы людей и как меняется их положение» [94, с. 15]. Т. И. Заславская считала создание такого Центра признаком цивилизованности страны, «элементом действительно демократического управления» [70, с. 152]. Т. И. Заславская руководила ВЦИОМ до 1992 года, затем была избрана его почетным Президентом, а после ухода из ВЦИОМ команды Юрия Левады — почетным Президентом Аналитического Центра Юрия Левады (Левада-Центр с 2004 года).

Под руководством Т. И. Заславской в марте 1993 года началась реализация основной исследовательской программы «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены», вышел в свет сначала информационный, а затем научно-аналитический журнал [130].

Были разработаны основные принципы проекта, его методология и методика. Т. И. Заславская понимала мониторинг как «некоторую целостную систему отслеживания происходящих в обществе перемен на основе исследования и анализа массовых представлений о них» [185, с. 6]. Научные задачи мониторинга она подразделяла на две группы. Первой из них являлось отслеживание и анализ трендов в системе социально-экономических отношений; динамики условий и уровня жизни различных общественных групп; изменения их ценностных ориентаций, потребностей, взглядов и настроений; отношение к политике государства. Более сложным типом задач Т. И. Заславская считала такие, которые были связаны с проверкой альтернативных гипотез дальнейшего развития российского общества, например определение типа формирующейся в России экономической системы. В эмпирической проверке нуждались также гипотезы о сдвигах в социальной структуре общества: о трансформации правящей элиты, о формировании среднего класса, о люмпенизации массовых групп населения. В проверке нуждались также гипотезы некоторых ученых о рас-

пространении кризисного типа массового сознания, о его расколотости между традиционными и либеральными ценностями, о нравственном и мировоззренческом кризисе общества и тому подобное.

Была разработана структура мониторинга, в рамках которой получила теоретическое обоснование и прошла эмпирическую проверку система социальных индикаторов. Эта система охватывала политическую, экономическую, социальную и духовно-культурную сферы жизнедеятельности общества. Она содержала индикаторы социокультурных установок и взглядов, общего социального самочувствия, политических мнений и предпочтений, оценок социально-экономической ситуации, прогноза ожидаемых перемен, реального и ожидаемого поведения людей. Каждая группа индикаторов была операционализирована в форме вопросов анкет. Методологически важным для анализа динамики социальных процессов являлась стабильность системы индикаторов, хотя совокупность вопросов, конкретизирующих эту систему, развивалась и совершенствовалась на протяжении всего существования мониторинга. Особое внимание уделялось проектированию репрезентативной выборки, так как общий масштаб выборки ограничивался, с одной стороны, финансированием, а с другой — техническими мощностями ВЦИОМа. Основными требованиями к получаемой информации были ее оперативность, регулярность и достоверность.

Практическая реализация проекта всероссийского социологического мониторинга была задачей невероятной сложности. Под руководством Т. И. Заславской была создана организационная структура мониторинга. Директорами направлений являлись Л. Д. Гудков, Л. Г. Зубова, З. В. Куприянова, Ю. А. Левада, Р. В. Рывкина, исполнительным директором — Л. А. Хахулина [185, с. 8]. Были созданы региональные отделения и аналитические центры, опросная сеть в масштабах страны, подразделения по сбору и обработке информации, мощная техническая база, а также компетентный методологический контроль за реализацией проекта [69; 87; 90].

Основным результатом реализации проекта всероссийского мониторинга явилась надежная эмпирическая база для исследования процессов, отражающих политические и социокультурные условия, прямые социальные результаты и положительные или отрицательные последствия преобразования общественно-экономической и политической системы трансформирующейся России. Эта база, по замыслу ученых, должна была способствовать повышению эффективности управленческих решений, направленных на смягчение негативных последствий резких социальных изменений в российском обществе. Более двадцати лет этот проект является источником достоверной социологической информации для ученых России и других стран.

Динамика социально-экономического и социально-политического развития постперестроечных процессов в России требовала научного анализа и осмысления. Марксистская парадигма не объясняла новых явлений; для формирования новой методологии требовались усилия и время. В кризисной ситуации оказались фундаментальные исследования, которые требовали немалых затрат. Т. И. Заславская в 1993 году становится сопresidentом Междисциплинарного академического центра социальных наук (Интерцентра), который был создан по инициативе профессора Манчестерского университета Теодора Шанина и при материальной поддержке Джорджа Сороса.

Одним из основных направлений деятельности Интерцентра, начиная с 1993 года, было проведение ежегодных сессий международного симпозиума «Куда идет Россия?..», постоянным Президентом которого являлась Т. И. Заславская. Формированию междисциплинарного, более глубокого осмысления посткоммунистических трансформационных процессов способствовало участие в этих симпозиумах представителей различных общественных наук: историков, правоведов, социологов, экономистов, политологов, культурологов, философов и др. Ответственным редактором междисциплинарных сборников научных трудов, одним из постоянных авторов этой своеобразной коллективной хрес-

томатии по современным проблемам и перспективам развития российского общества была Т. И. Заславская. На протяжении десяти лет последовательно обсуждались наиболее актуальные теоретические и практические проблемы, возникавшие на пути постсоветского развития России и других стран, возможные и вероятные альтернативы общественного развития [109; 110]. При участии российских, украинских, белорусских, казахских, армянских и западных ученых была сделана попытка исследования наиболее общих проблем социальной трансформации постсоветского пространства [114], а также выявить особенности трансформации российского общества в сравнении с аналогичными процессами в странах Центральной и Восточной Европы и Латинской Америки [113]. На пленарных заседаниях и секциях обсуждались общие проблемы социального развития России (социально-экономические отношения власти и бизнеса, структура и динамика социальных неравенств, проблемы социальной политики, социального управления [115]), а также место современных реформ в контексте институционального развития России на протяжении XX века [112]. В центре внимания участников симпозиума были тенденции исторического развития отношений власти, общества и личности в России, а также динамика этих отношений в период либеральных реформ. Был сделан вывод о том, что при некотором расширении политических прав и свобод россиян наблюдалось существенное сужение социально-экономических [111]. Анализ социальных сил российского общества как макросубъекта модернизационных процессов засвидетельствовал повсеместное распространение неправовых практик, которые реализуются не только в сфере экономики, но и в политике, социальной сфере и в культуре [108]. Сложившаяся ситуация потребовала более детального изучения соотношения формальных институтов и реальных практик, структуры социальных практик в трансформирующемся обществе с формальными нормами [116]. Были подведены промежуточные итоги трансформации российского общества [117]. По мнению Т. И. Заславской,

институциональная структура общества стала принципиально иной, формально-правовая основа базовых социальных институтов России приобрела более либеральные и демократические черты, ускорился процесс адаптации россиян к новым институциональным условиям 75, [с. 393–394].

На протяжении всех этих лет Т. И. Заславская, оперативно реагируя на социальные изменения в России, создавала свою концепцию социетальной трансформации общества; отстаивая принципиальную жизненную позицию, участвовала в политической жизни страны, вела преподавательскую деятельность, способствовала развитию социологической науки в России.

2.2. Основные идеи и структурные компоненты концепции социетальной трансформации российского общества Т. И. Заславской

Социологи Украины неоднократно обращались к изучению концепции социетальной трансформации общества Т. И. Заславской. С. С. Бабенко опиралась на ее выводы при исследовании социальных механизмов трансформации постсоветского общества и разработке программы магистерского курса «Сравнительный социологический анализ посткоммунистических трансформационных процессов» [7; 8; 9]; О. Д. Куценко творчески развивала ее положения в своей концепции классовобразования и при анализе путей системных трансформаций в бывших странах государственного социализма [123; 125]; Т. О. Петрушина ссылалась на ее труды, изучая социально-экономическое поведение населения Украины в условиях институциональных перемен [167]; О. С. Резник, в том числе и сквозь призму ее концепции, рассматривал факторы, субъекты и способы реализации гражданских практик в переходном обществе [174].

Изучая труды Т. И. Заславской, можно достаточно точно определить временные рамки создания ею социологической концепции социетальной трансформации российского общества. Как было указано в параграфе 2.1, 1983 год —

опубликование «Новосибирского манифеста» — оказался переломным в научных интересах Т. И. Заславской. Основные положения концепции были изложены ею в многочисленных статьях и материалах симпозиума «Куда идет Россия?», им посвящена отдельная монография [81]. Опубликование в 2007 году «Избранного» в трех томах, особенно второго тома «Трансформационный процесс в России: в поисках новой методологии» [67], можно считать завершением работы над созданием целостной концепции. Задача данного исследования состоит в анализе трансформационных процессов этого временного отрезка. По мнению Т. И. Заславской, суть преобразовательного процесса, происшедшего в то время в России, нельзя определять как переход (транзит). «Применительно к обществу переход предполагает существование, во-первых, сильной власти, руководствующейся конкретной идеей, во-вторых, авторитетной команды, преследующей ясную и реалистическую цель, опирающуюся на обоснованную программу действий и пользующуюся широкой поддержкой граждан. Причем цели этой команды должны соответствовать интересам общества, а программа — имеющимся у него возможностям» [81, с. 196]. Достаточно убедительным был и вывод Т. И. Заславской о том, что в России ни одно из этих условий не было выполнено.

В то время в России властью уже были предприняты шаги (как в социально-экономической, так и в социально-политической сфере) в направлении от относительно либерального к авторитарному режиму управления. К процессу, который в действительности происходил в России, по определению Т. И. Заславской, более применимо понятие спонтанной трансформации общественного устройства: «Под социальной трансформацией понимается обусловленное внешними факторами и внутренней необходимостью постепенное, не связанное со сменой правящей элиты, но в то же время радикальное и относительно быстрое изменение социальной природы, или социетального типа общества» [81, с. 197]. Основными характеристиками этого процесса являются:

- постепенный и относительно мирный характер протекания;
- направленность на изменение сущностных черт, определяющих социетальный тип общества: институциональной системы, социальной структуры и человеческого потенциала как обобщающего показателя личностного фактора развития общества;
- принципиальная зависимость хода и результатов процесса от деятельности и поведения массовых общественных групп;
- слабая управляемость и предсказуемость процесса, неопределенность итогов, чувствительность к влиянию стихийных факторов;
- неизбежность, длительность и глубина аномии, вследствие распада старых общественных институтов и несформированности новых [174, с. 188].

Теоретические основания концепции Т. И. Заславской базируются на положениях деятельностно-структурной парадигмы, являющейся одной из активно развивающихся социологических моделей решения проблемы трансформации общества. Согласно определению, данному О. Д. Куценко, «данная парадигма строится на понимании фундаментальной для общества роли социальных действий, их подвижной структурной обусловленности и важнейшей роли самоорганизационных процессов в динамике общества» [122, с. 49]. В концепции Т. И. Заславской первичным является деятельностный фактор социальных изменений. Структурные факторы, по мнению автора, ограничивают трансформационную активность субъектов, одновременно являясь ее результатом.

Объектом исследования в концепции Т. И. Заславской выступают посткоммунистические трансформационные процессы как совокупность процессов, принципиально меняющих социетальное устройство посткоммунистических обществ. Откликаясь на призыв известного чешского социолога П. Махонина о создании общей теории посткоммунистических трансформаций [223], Т. И. Заславская сконструировала типологическое пространство, которое вме-

щает в себя траектории сущностной трансформации посткоммунистических обществ, какими бы разными эти общества ни казались на первый взгляд. Для этого были определены социетальные характеристики посткоммунистических обществ, которые служат ключевыми объектами трансформации. Трансформационные процессы, изменяющие эти характеристики, в свою очередь, отличаются от социальной динамики большей глубиной и системностью. Они меняют саму основу, природу общества.

Системное представление о трансформации современных обществ предполагает изучение их движения одновременно по трем осям [184].

Первой составляющей трехмерного пространства посткоммунистических трансформаций является эффективность функционирования социальных институтов. И «наибольшее влияние на определение социетального типа того или иного общества оказывает качество четырех базовых институтов:

- степень легитимности, демократичности и эффективности власти;
- структура, развитость, легитимность и защищенность собственности;
- многообразие и зрелость структур гражданского общества;
- широта и надежность прав и свобод человека» [81, с. 120].

Об эффективности трансформаций в этой сфере можно судить по тому, насколько успешно продвигается *целенаправленное* реформирование перечисленных базовых институтов, насколько успешно совокупность социальных институтов выполняет свои основные функции в посткоммунистических обществах. Главным же критерием качества институциональной системы можно считать ее адаптационную способность, то есть способность общества конструктивно и своевременно отвечать на глобальные вызовы современности, на изменение геополитических и экономических условий, решать проблемы, связанные с природными и социальными катаклизмами.

Второй осью социетального пространства, сконструированного Т. И. Заславской, является качество социально-групповой структуры. Под социально-групповой структурой в данном контексте имеется в виду социально-групповой аспект общественного устройства, в отличие от социальной структуры в широком смысле, включающей и его институциональный аспект. Связь обеих структур выражается в том, что социально-групповая структура определяется системой ролей и статусов, порожденной институциональной моделью общества.

Оценкой эффективности функционирования социально-групповой структуры социетального пространства обществ, находящихся в состоянии посткоммунистических трансформаций, может служить соотношение позитивных функций и негативных последствий (например, закрепление отношений неравенства) сравниваемых социально-групповых структур.

Третьей осью социетального пространства трансформационных процессов является уровень человеческого потенциала. В 2007 году Т. И. Заславская писала: «...уровень человеческого потенциала общества я рассматриваю как самую глубинную и наиболее важную ось такого пространства» [66, с. 316]. Для реализации целей исследования рассмотрим более подробно категорию «человеческий потенциал».

Методологической основой возникновения концепции человеческого потенциала была концепция человеческого капитала. Основоположниками концепции человеческого капитала являются американские экономисты, представители «чикагской школы», лауреаты Нобелевской премии в области экономики 1979 и 1992 годов Т. Шульц [234] и Г. Беккер [12]. Понятие человеческого капитала в научный оборот ввел Т. Шульц. Он использовал это понятие для анализа перспектив развития стран с низким уровнем дохода. По мнению Т. Шульца, для такого анализа традиционные экономические концепции не давали достаточных интерпретативных возможностей. Под человеческим капиталом Т. Шульц понимал общественно значимые качества населения, кото-

рые оно приобретает и приумножает при помощи соответствующих инвестиций. Он рассматривал человеческий капитал как имеющийся у каждого члена общества запас приобретенных знаний и умений, опыта, способностей и мотивации, энергии и здоровья, которые могут быть использованы на протяжении определенного временного периода с целью производства товаров и услуг. Так, рассматривая роль образования в формировании человеческого капитала, Т. Шульц отмечал: «одной из форм капитала является образование, человеческим его называют потому, что эта форма становится частью человека, а капиталом является вследствие того, что представляет собой источник будущих удовлетворений или будущих заработков, либо того и другого вместе» [234, р. 13].

Значительный вклад в развитие концепции человеческого капитала с учетом особенностей национального социально-экономического развития внесли российские ученые С. А. Дятлов, А. И. Добрынин, Р. И. Капелюшников, А. В. Корицкий и другие [48; 51; 100; 105]. Во второй половине 90-х годов начались исследования проблем человеческого капитала и в Украине. Д. П. Богиня, О. А. Гришнова, В. И. Куценко, Г. И. Евтушенко, В. М. Геец, В. П. Антонюк [5; 19; 24; 43; 121] и другие ученые внесли существенный вклад в углубление теоретических основ этой концепции. Ими были раскрыты особенности формирования и развития человеческого капитала, эффективность его использования, пути развития в Украине. Развитие данной концепции позволило по-новому определить место человеческого фактора в социально-экономическом развитии общества, роль социальных институтов, прежде всего образования, науки, здравоохранения; установить зависимость между образованием, развитием человека и уровнем дохода, который он получает [5, с. 19].

В начале 90-х годов XX века была сформулирована концепция человеческого развития ПРООН. Практически одновременно с ней в научный оборот вошло понятие «человеческий потенциал». В переводе с латинского «потенциал»

означает силу, мощь, совокупность возможностей [181, с. 484]. Категорию «человеческий потенциал» можно рассматривать на макро-, мезо- и микроуровнях потому, что она выражает совокупные возможности отдельного индивида, населения конкретной страны, региона, любой общности людей. Областью приложения этих возможностей является социальная и экономическая деятельность. Человеческий потенциал содержит в себе такие характеристики индивидов, как потребности и интересы, уровень жизни, уровень здоровья, общие и профессиональные знания, квалификацию, мотивацию деятельности, отношение к труду, инициативность, способы поведения [202, с. 134]. Категория «человеческий потенциал» охватывает «такие аспекты, как возможности количественного и качественного развития человеческой общности, возможности экономической и социальной деятельности, социального взаимодействия и взаимопонимания» [5, с. 34]. Можно сделать вывод, что человеческий потенциал является более общей категорией, чем человеческий капитал. Человек является предметом исследования обеих концепций, но изучается с противоположных позиций. Он является основным элементом современной системы капитала и фактором производства в концепции человеческого капитала и целью общественного развития в концепции человеческого потенциала. В то же время концепция человеческого потенциала интегрирует в себе в значительной степени концепцию человеческого капитала, так как не только определяет человека и его потенциал основной целью общественного развития, но и основным инструментом достижения этой цели.

В концепции социетальной трансформации посткоммунистического общества Т. И. Заславской «под человеческим потенциалом следует понимать фактор жизнеспособности общества (страны, государства), интегрально характеризующий его человеческие ресурсы как субъекта собственного воспроизводства и развития» [81, с. 168].

Человеческий потенциал общества является феноменом интегральным. Его структуру составляют относительно само-

стоятельные, однако взаимосвязанные элементы. Это социально-демографический, социально-экономический, социокультурный и деятельностный потенциалы. Они по-разному характеризуют способность и готовность общества к саморазвитию, ответу на вызовы современности. Т. И. Заславская считала базовой характеристикой социетальной трансформации именно динамику человеческого потенциала [92; 93], которая позволяет судить об успешности или провале проводимых реформ и структурных преобразований. Показатели развития человеческого потенциала можно использовать как для оценки социальной динамики отдельно взятого общества, так и для сравнения различных обществ, например российского и украинского, имеющих общую «точку отсчета» в трансформационном процессе.

Для иллюстрации качества человеческого потенциала Украины и России в период завершения работы над созданием концепции Т. И. Заславской автором монографии был проведен сравнительный анализ данной характеристики социетального пространства трансформационного процесса [60], а также проанализированы показатели 2005–2007 годов. В то время Украина и Россия еще не были вовлечены в глобальный экономический кризис 2008–2010 годов, который затронул все страны мира, особенно те, экономика которых не сбалансирована, а социальная структура не устойчива. Изучение эффекта наложения экономического кризиса на достаточно противоречивый ход трансформационного процесса в Украине и России является предметом специальных исследований.

Общей характеристикой трансформационного процесса в России и в Украине в этот период было то, что реформы практически не осуществлялись. По мнению Т. И. Заславской, в России в то время они были приостановлены [184], а в Украине имел место масштабный политический кризис.

Эмпирической основой для сравнительного анализа человеческого потенциала различных стран, в том числе Украины и России, явились данные Отчета о человеческом развитии 2007/2008 года по Программе развития ООН, составленные

на основе данных 2005 года [22]. Известно, что индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) рассчитывается на основе показателей ожидаемой продолжительности жизни, грамотности взрослого населения и образования на уровне начальной, средней и высшей школы наряду с показателем уровня дохода, основывающимся на последних данных организаций — партнеров ООН, а также других официальных источников. Этот индекс используется для выявления отличий между уровнем развития человеческого потенциала развитых, развивающихся и недостаточно развитых стран, а также для оценки воздействия социально-экономической политики на качество жизни в этих странах.

Россия, занимая в общем списке стран 67-ю позицию (ИРЧП — 0,802) и опустившись на два пункта по сравнению с предыдущим обследованием, все же, по классификации ООН, относилась к странам с высоким ИРЧП. Украина (ИРЧП — 0,788) в то время поднялась с 77 на 76-е место в мире, однако ее относили к странам со средним уровнем развития. О том, что в Украине и России реформы «пробуксовывали», особенно ярко свидетельствовал тот факт, что посткоммунистические Литва, Эстония и Латвия находились соответственно на 42-м, 43-м и 44-м месте, а бывшие страны «социалистического содружества» Словения, Чехия, Венгрия и Польша — соответственно на 27-й, 32-й, 36-й и 37-й позициях. Перечисленные страны в результате достаточно жестких и непопулярных реформ все же смогли решить задачи реформирования в принципиально новых условиях, включиться в мировую систему в качестве самостоятельных агентов, обеспечить эффективное развитие экономики и социальной сферы, обрести геополитический статус, надежно обеспечивающий их национальную безопасность. Несмотря на то, что и Украина, и Россия занимали не самые худшие позиции в мире, уменьшение продолжительности жизни и сокращение реальных доходов на душу населения привело к тому, что по индексу человеческого развития они не смогли подняться до уровня 1992 года, когда Россия занимала 52-ю позицию в мире по этому показателю.

И только высокий уровень образования населения наших стран являлся той составляющей в формуле расчета ИРЧП, которая удерживала его от катастрофического падения.

Вторым надежным источником, эмпирической базой для изучения человеческого потенциала Украины и России, находящихся в процессе посткоммунистических трансформаций, являются результаты международного социологического исследования, выполненного Институтом социологии НАН Украины в рамках общеевропейского мониторингового проекта «Европейское социальное исследование» (ESS) [39]. Полученные данные стали объективной и непредвзятой информацией о ходе социально-экономических и социально-политических процессов более чем в 20-ти странах Европы. Украинские исследователи присоединились к проекту в 2004 году, российские — в 2006-м. Поэтому сравнение и анализ показателей осуществлены только по данным третьей волны проекта, которая была проведена в 2006–2007 годах. Были исследованы только те из них, которые являются характеристиками человеческого потенциала и выявляют социальное качество доминирующих типов человеческой личности, определяющих успешность трансформации постсоветских обществ.

Одной из важнейших характеристик человеческого потенциала страны является состояние здоровья ее граждан. По данным исследования 2007 года, в Украине его оценили как хорошее и очень хорошее только 29,6% респондентов, тогда как в России — 35,0%. Это были самые низкие показатели среди всех европейских стран. Более того, 45,7% населения Украины ощущало некоторые трудности или ограничения в быденной жизни из-за хронических болезней, инвалидности, физических недостатков, физической слабости или проблем с психикой. В России таких людей было 40,7%. Данные результаты явились следствием политики финансирования системы здравоохранения по остаточному принципу в Украине и недостаточно сформированной страховой медицины в России. Но все же можно говорить о преимуществах даже такой неполноценной страховой меди-

цины. Подтверждением этому служит оценка респондентами состояния системы охраны здоровья своих стран. Украинцы оценивали его крайне негативно, средняя оценка по шкале от 0 до 10 баллов — 2,61. Оценка россиян по той же шкале была несколько выше, но тоже негативная — 3,42.

Была рассмотрена другая важная характеристика человеческого потенциала Украины и России — уровень образования граждан. Среднее значение времени, потраченного на получение образования украинцами и россиянами, в общем, соответствовало европейским показателям, все же являясь их нижними границами (исключение составляла Португалия). Украинцы в среднем учились 11,25 года, а россияне — 12,08. Обращает на себя внимание то, что при более коротком времени основного обучения жители Украины меньше граждан других стран Европы (за исключением Болгарии) склонны были повышать свою квалификацию. Только 12,1% работающих посещали курсы, лекции, тренинги с целью совершенствования своих знаний. Причем количество таких людей в Украине с 2005 по 2007 год уменьшилось на 2,5%. В России люди уже больше понимали ценность дополнительных навыков, поэтому 17,7% граждан приобретали знания, повышали свой уровень. Это, конечно, тоже не соответствовало среднеевропейским показателям.

В ряду рассматриваемых характеристик человеческого потенциала необходимо было оценить уровень политико-правового сознания населения Украины и России. В Украине только 14% населения совсем не интересовалось политикой, в России — 22,5%. При этом действительно разбиралась в политической ситуации очень небольшая часть граждан. Собственное мнение о политической ситуации в стране имели всего 14,1% россиян и 18,1% украинцев. Очень низкой была степень доверия к институтам власти: средняя оценка доверия Верховной Раде по шкале от 0 до 10 баллов — 2,32. Россияне доверяли Государственной Думе немногим больше — 3,38. Однако гражданские институты ни в Украине, ни в России не работали, люди в своей массе были пассивны. Всего 5,2% украинцев являлись членами какой-

либо политической партии, а в работе других общественных организаций, не связанных с политикой, участвовали 1,4%. В России дело обстояло иначе: в партиях состояло только 2,9% населения, тогда как в общественных организациях работало 4,8%. В развитых демократических странах Европы показатель вовлеченности в общественные организации был значительно выше, самый высокий в Финляндии — 33%, что свидетельствует о действенности гражданских институтов.

Исследование 2007 года показало, что в Украине и России высок уровень социального равнодушия, что свидетельствует о неразвитости ценностного сознания и соответствующем состоянии общественной морали. На вопрос о том, как часто в последние 12 месяцев респонденты оказывали кому-либо активную помощь, 51,2% украинцев и 49,7% россиян ответили, что они вообще никому не помогли. Наиболее склонными к оказанию помощи другим людям в Европе были шведы: только 12,8% населения этой благополучной страны не готовы были тратить свое время и силы на других людей. Характеристикой человеческого потенциала также является социальное настроение. По удовлетворенности своей жизнью в целом по шкале от 0 до 10 украинцы занимали самую последнюю позицию — 4,39, причем уровень удовлетворенности за два года незначительно, но снизился: в 2005 году он составлял 4,44, а россияне занимали третью позицию с конца, но все же они скорее были удовлетворены — 5,25.

Центральным, основным понятием социологической концепции Т. И. Заславской является социальный механизм трансформационного процесса. Необходимо отметить, что российские и украинские социологи по достоинству оценили научную ценность данного понятия, используя и развивая его в своих исследованиях [10; 204].

Уже в 1991 году в работах, посвященных проблемам развития советской экономики, Т. И. Заславская предложила и использовала категорию «социальный механизм развития экономики». Эту категорию автор определила как «ус-

тойчивую систему поведения социальных групп, а также взаимодействий этих групп друг с другом и с государством по поводу производства, распределения, обмена материальных благ и услуг; систему, регулируемую, с одной стороны, социальными институтами данного общества (партией, государством, хозяйственным механизмом, институтами культуры и идеологии), с другой — социально-экономическим положением и созданием самих этих групп» [88, с. 59–61].

В 1995 году Т. И. Заславская впервые опубликовала теоретическую схему механизма социально-экономической трансформации российского общества. Эта схема явилась промежуточным этапом разработки общей аналитической схемы социального механизма трансформации посткоммунистических обществ. Она считала процесс социальной трансформации российского общества более объемным, чем простая совокупность процессов преобразования отдельных институтов общества. Механизм этого процесса должен включать в себя «субъектов, инициирующих социальную трансформацию общества, содержание их социальных действий, а также взаимосвязь этих целенаправленных действий с массовыми процессами, вызывающими сдвиги в институциональной и социальной структурах общества» [85, с. 7].

Работа по созданию аналитической схемы социального механизма трансформационного процесса, которая позволила раскрыть строение и принципы его функционирования, была завершена в 2002 году (*рис. 2.1*) [76, с. 10]. С помощью этой схемы можно выявить, «каким образом действия социальных акторов микроуровня меняют макрохарактеристики общества и как изменения этих характеристик, в свою очередь, воздействуют на жизнь и деятельность микроакторов» [76, с. 9].

Системным или результативным можно назвать Блок А. Он дает целостное представление о социальной природе и жизнеспособности общества. Т. И. Заславская обосновала, что он в полной мере содержит в себе социетальные характеристики конкретного трансформирующегося общества, изучаемого в определенный момент времени. Анализ данно-

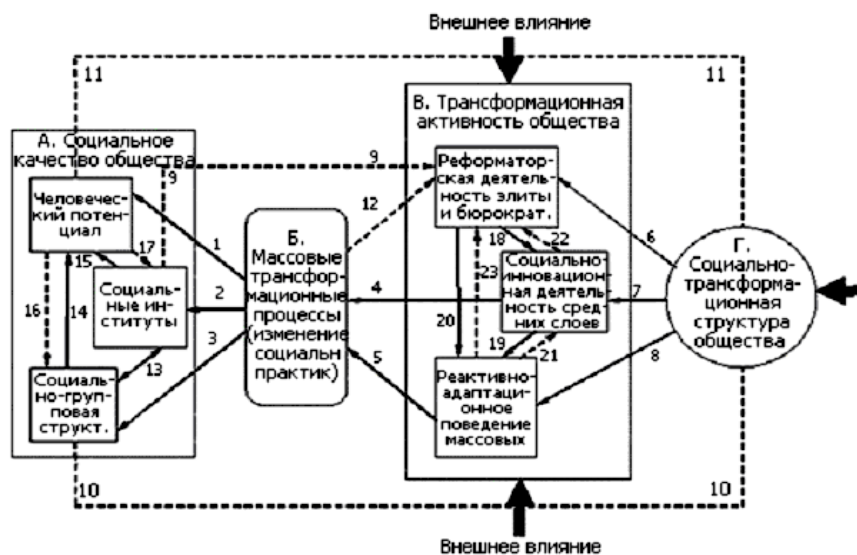

Рисунок 2.1. Социальный механизм трансформационного процесса (аналитическая схема)

го блока в динамике позволяет оценить социетальные сдвиги, происходящие в данном обществе с развитием процесса трансформации.

То, каким образом трансформируется социетальный тип общества, раскрывает содержание Блока В. Для его анализа Т. И. Заславская разработала понятие «трансформационная активность», охватывающее «всю совокупность таких действий социальных акторов разного уровня и разного типа (индивидов, организаций и групп), которые либо непосредственно вызывают, либо косвенно влекут за собой значимые сдвиги в общественном устройстве и/или человеческом потенциале общества» [76, с. 9]. Причем трансформационная активность амбивалентна как по отношению к социальному прогрессу, так и к морали и праву, включает в себя ненормативные или даже деструктивные виды трансформационной деятельности и поведения.

Особое место в предложенной схеме занимает Блок Б, называемый автором «переходным», отражающий массовые процессы, изменяющие базовые социальные практики. По мнению Т. И. Заславской, «он «скрывает в себе» тайну преобразования социальных действий множества микроакторов в макропроцессы и, вместе с тем, выглядит «черным ящиком», содержание которого неизвестно. Выяснить его суть — значит понять конкретный механизм «переработки» индивидуальных и коллективных действий в макропроцессы» [76, с. 9, 11].

Блок Г социального механизма имеет сложное строение, Т. И. Заславская в целях упрощения схемы представила его как целостный элемент, обозначив как трансформационную структуру общества. Этим термином «обозначается система социальных субъектов макро-, мезо- и микроуровня, взаимодействие которых служит движущей силой преобразования общественного устройства» [76, с. 14]. Эффективность трансформационной структуры общества можно определить по отношению социальных сил, ускоряющих своей деятельностью демократические преобразования общества, к таким, которые способствуют сохранению архаичных общественных институтов, или к таким, которые ведут к деструкции институциональной системы в целом. Для объемного описания трансформационной структуры общества было определено понятие уровня трансформационного процесса и его акторов. В концепции Т. И. Заславской под макроуровнем трансформационного процесса понимается «системное преобразование базовых институтов общества (власти, собственности, гражданского общества, прав и свобод человека), изменяющее принципиальные правила игры, а в конечном счете и социетальный тип общества» [82, с. 233]. Акторами данного уровня являются группы, обладающие большей частью властных, административно-правовых и экономических ресурсов общества. Специфика российских реалий такова, по мнению Т. И. Заславской, что к этой группе акторов относятся и руководители организованной преступности, обладающие властью порой не меньшей, чем официальная элита.

Под микроуровнем трансформационного процесса в концепции Т. И. Заславской понимается «существенное изменение базовых социальных практик» [82, с. 233]. Акторами данного уровня выступают индивиды, группы, организации. Их действия, с одной стороны, являются ответом на проводимые сверху реформы и преобразования, с другой — самостоятельным фактором преобразования институтов.

Связующим звеном между макро- и микроуровнями трансформационного процесса, по мнению Т. И. Заславской, является его мезоуровень. На этом уровне осуществляются качественные преобразования отдельных элементов базовых институтов, а также относительно целостных периферийных институтов. Масштаб преобразований носит региональный или отраслевой характер. К этому же уровню Т. И. Заславская относила и преобразования отраслей социальной сферы. Акторами данного уровня являются «политические, экономические, административные и гражданские структуры регионального и ведомственного уровня» [82, с. 234]. В четвертом разделе для реализации цели исследования будет дан более подробный анализ специфики понимания и прогностического потенциала социального механизма трансформационного процесса в концепции Т. И. Заславской.

2.3. Акторы трансформационного процесса в концепции социетальной трансформации российского общества Т. И. Заславской

Как было показано ранее, Т. И. Заславская работала над созданием концепции социетальной трансформации российского общества более двадцати лет. Одной из основных характеристик социальной трансформации, определяющей ее тип, она считала направленность социетальной трансформации на изменение человеческого потенциала как обобщающего показателя личностного фактора развития общества. Она отмечала принципиальную зависимость хода и результатов социальной трансформации от деятельности и

поведения массовых общественных групп в условиях длительной и глубокой аномии, присущей трансформирующемуся обществу вследствие распада старых общественных институтов и несформированности новых [56, с. 188].

Сторонники деятельностно-структурной традиции, к которым принадлежит и Т. И. Заславская, в интерпретации социальных изменений в российском обществе «непосредственно связывают ход и перспективы трансформации с деятельностью, интересами и ресурсными возможностями акторов самых разных уровней» [203, с. 382], изучают механизмы трансформационных изменений на макро-, мезо- и микроуровнях социальной реальности.

Основной движущей силой социетальной трансформации Т. И. Заславская считала взаимодействие ее акторов (субъектов). По определению Г. Г. Дилигенского, «феномен социального актора — одно из проявлений социальности человека, он предполагает способность и волю людей к устойчивому объединению, т.е. определенные мотивационно-волевые свойства личности и определенные свойства культуры, стимулирующие данный тип социального взаимодействия» [46, с. 411].

Т. И. Заславская разграничивала понятия «актор» и «субъект» в зависимости от целей и направленности исследования индивидов в трансформационном процессе. В некоторых случаях обладать выраженными свойствами субъектности может лишь часть акторов, в иных лишь часть субъектов являются акторами конкретных действий. «В качестве акторов трансформационного процесса имеет смысл рассматривать тех социальных субъектов, действия которых непосредственно вызывают или косвенно влекут за собой сдвиги в базовых институтах общества (независимо от осознания этого самими субъектами)» [78, с. 6].

В зависимости от уровня исследования, проводимого в соответствии с деятельностно-структурной парадигмой, в качестве акторов могут выступать индивиды, семьи, группы, организации, корпоративные общности, региональные общности и даже страны. В своей концепции Т. И. Заславская

предложила использовать понятие «актор» применительно только к индивидам, действующим на соответствующем уровне трансформационного процесса. В соответствии с этим положением было предложено относить понятия микро-, мезо-, макро не к масштабам социальных субъектов (от индивидов до макрообщностей), а к тем уровням трансформационного процесса, на котором действуют индивиды.

Под микроуровнем трансформационного процесса Т. И. Заславская понимала «качественное изменение базовых социальных практик, то есть устойчивых систем взаимосвязанного и взаимноориентированного поведения социальных субъектов в экономической, политической и культурных сферах общества» [78, с. 7]. Исходя из того, что Т. И. Заславская определяла социальный институт как «целостный устойчивый комплекс формальных и неформальных «правил игры», т.е. принципов, норм, установок, способов контроля, поощрений и санкций, регулирующих системы ролей и статусов, образцы поведения и типы социальных практик в различных сферах человеческой деятельности» [81, с. 102–103], можно сделать вывод о том, что совокупность определенных социальных практик является формой реализации соответствующего социального института. На микроуровне трансформационного процесса акторы осуществляют преобразование социальных практик посредством механизма *индивидуального* выбора стратегии поведения. Социальные практики в трансформационном процессе могут изменяться, при этом не затрагивая сущности социального института, в то время как изменение социального института всегда сопровождается изменением социальных практик, которое «служит надежным критерием подлинных институциональных сдвигов» [78, с. 7].

На микроуровне трансформационного процесса действуют акторы всех его уровней. Если микроакторы участвуют только в изменении массовых практик, то акторы мезоуровня, выполняя свойственные им функции, на микроуровне проявляют активность, связанную с удовлетворением их личных интересов и потребностей. На микроуровне

действуют и акторы макроуровня как индивиды, движимые личными интересами.

Системное преобразование институциональной структуры, согласно концепции Т. И. Заславской, происходит на макроуровне трансформационного процесса. В результате действий акторов (индивидов, осуществляющих социальные действия на данном уровне) принципиально изменяется нормативно-правовое пространство основных социальных сфер: экономической, политической, культурной. К социальным акторам макроуровня трансформационного процесса Т. И. Заславская относила представителей федеральных и региональных элит, сознательно воздействующих на институциональную структуру российского общества. Их социальные действия могут иметь политико-правовой характер и быть направлены на преобразование нормативно-правовой основы базовых институтов. Второй вариант социальных действий акторов макроуровня носит административно-экономический характер: они направлены на распределение материальных и финансовых ресурсов через механизм государственного бюджета или через деятельность промышленно-финансовых корпораций и групп [78, с. 7]. Власть является главным активом этих акторов и позволяет им направить развитие общества по желательному для них пути благодаря прямому доступу к политическим и экономическим ресурсам государства. К акторам этого уровня Т. И. Заславская относила и «лидеров крупной организованной экономической и уголовной преступности, многие из которых за последние годы приобрели не только огромные капиталы, но и вполне легитимный статус. Став недоступными для правосудия, они оказывают существенное влияние на трансформацию базовых институтов России» [89, с. 441].

В социологической науке во время создания концепции социетальной трансформации российского общества уже достаточно были разработаны макро- и микроуровни его исследования. Т. И. Заславская разделяла мнение П. Штомпки о том, что «проблема макроэффекта микрособытий, равно как и противоположная проблема — микроэффекта

макрособытий, требует специального тщательного и глубокого исследования» [208, с. 30]. Поэтому особый акцент был сделан Т. И. Заславской на изучении социальных акторов мезоуровня.

С одной стороны, акторы мезоуровня испытывают воздействие акторов макроуровня, которые определяют условия и направления их деятельности, с другой — «они выполняют важную функцию передачи социальной информации с макро- на микроуровень общества и обратно» [78, с. 11]. Акторы мезоуровня в процессе освоения и использования правил игры, предлагаемых им акторами макроуровня, активно корректируют, дополняют и приспособливают их к своим интересам. Именно они осуществляют практические инновации в хозяйствовании, в предпринимательстве и социальной сфере, проявляют интеллектуальную и информационную активность, создают элементы гражданского общества. Совокупная деятельность мезоакторов в этих направлениях оказывает влияние на трансформационный процесс: они «подталкивают реальное преобразование институциональной системы в тех или иных направлениях» [78, с. 11]. По классификации Т. И. Заславской, к акторам мезоуровня трансформационного процесса относятся руководители региональных и местных органов управления, директора и владельцы предприятий и фирм, ответственные работники учреждений социальной сферы, начальники воинских частей и т.п. Акторы этого уровня не принадлежат к среднему классу в западном понимании, но со временем будут способны взять на себя его функции [204, с. 109]. Однако именно на этом уровне неправовые практики получили наибольшее распространение, организуются неформальные сети и схемы, позволяющие мезоакторам действовать в обход законов, что вызывает лавинообразный рост неправовых практик на микроуровне.

Т. И. Заславская считала, что движущей силой и главным инструментом борьбы за институциональные переменные служит трансформационная активность индивидуальных и коллективных акторов, и определяла ее как «сово-

купность социально-инновационных действий, являющихся преимущественно рациональным ответом социальных акторов на вызываемое реформами изменение условий их жизнедеятельности и ведущих к изменению базисных социальных практик» [95, с. 14–15]. Была разработана классификация поведенческих стратегий акторов трансформационного процесса. В зависимости от целей, мотивов и средств их реализации выделены четыре класса стратегий: достижительные; адаптационные; регрессивные; разрушительные. В зависимости от функций в трансформации общества Т. И. Заславская выделила три класса поведенческих стратегий: конструктивный, деструктивный и смешанный, неоднозначный.

Многолетние исследования Т. И. Заславской трансформационного процесса в России показали, что при всей неоднозначности результатов реформ происходят позитивные преобразования в обществе в целом и в сфере российской экономики в частности. Для успешной модернизации экономики, которую Т. И. Заславская считала материальной основой общества, нужны акторы, демонстрирующие достижительную, конструктивную поведенческую стратегию, составляющие «профессиональный и интеллектуальный авангард российского бизнес-сообщества, от расширения численности и повышения социального качества которого во многом зависят направления и темпы развития национального хозяйства» [65, с. 27].

Под руководством Т. И. Заславской, в соавторстве с Э. Н. Крылатых и М. А. Шабановой, были проведены четыре волны уникального исследования «авангардной» группы относительно молодых, образованных и преуспевающих предпринимателей и менеджеров, большую часть которых можно назвать, по классификации Т. И. Заславской, акторами мезоуровня. В России, также как и в Украине, определенные слои и группы населения малодоступны для широкомасштабных эмпирических исследований и практически не попадают в массовые опросы, а если и попадают, то их доля фактически приближается к размеру статистической

погрешности. К такой группе относится и изучаемая в данном исследовании. Генеральную совокупность исследования составили слушатели программы MBA (Master of Business Administration), реализуемой Российской академией народного хозяйства при Президенте РФ. Было опрошено в 2004 году — 1016 человек, в 2006 году — 1445 человек, в 2008 году — 1279 человек, в 2010 году — 1104 человека, что в разные годы составляло от 53 до 61% генеральной совокупности [91, с. 6].

В исследовании зафиксированы следующие профессионально-деловые и статусные особенности изучаемой группы: их отличает относительная молодость на фоне весьма солидного стажа работы в бизнесе. Моложе 40 лет во все годы наблюдения были около 83% слушателей при среднем стаже работы в бизнесе девять лет. Более трети не имеют брачных партнеров и детей, то есть обладают личной свободой. Мужчины составляют почти две трети обучающихся.

Изучаемую группу отличает высокий уровень бизнес-образования и установка на его повышение. По данным 2010 года, 69% повышали свою квалификацию, в том числе за рубежом 21%.

Изучаемой совокупности присущ довольно высокий профессионально-должностной и социально-экономический статус, высокая самооценка и удовлетворенность достигнутыми деловыми позициями. Топ-менеджеры (генеральные директора, директора, их заместители, руководители филиалов) составляли 50% слушателей программы в 2010 году, а в 2004–2008 годах — 60%, около 39% являлись руководителями подразделений или функциональными менеджерами. Из всей совокупности пятую часть составляли собственники и совладельцы фирм [77, с. 16]. К среднему слою относили себя 55% респондентов, к социальным слоям выше среднего — 39%. По данным 2010 года, удовлетворенность достигнутым социальным статусом и уровнем реализации способностей высока: 77% респондентов удавалось в «полной» или «достаточной» мере реализовать свои способности, а 68% оценивали достигнутый должностной статус как соответствующий

ший их возможностям и намерениям. Вполне объяснимо, что процент от опрошенных в 2008–2010 годах — 68%, которые считали, что их заработная плата (доход) соответствовала вкладу в деятельность фирмы, несколько снизился по сравнению с докризисными опросами 2004 и 2006 года — 76% и 74% соответственно. Однако даже в разгар экономического кризиса этот показатель остался достаточно высоким. Т. И. Заславская констатировала, что большинству исследуемых «удается успешно конвертировать свой человеческий потенциал в статусно-должностные, экономические и другие значимые ресурсы» [91, с. 9].

В системе ценностных ориентаций все более важными слушатели программы МВА считают достигательные ценности. Если в 2008 году 47% считали ценностью «деловой и профессиональный успех, удачную карьеру», то в 2010 таких уже было 59%. Важной жизненной ценностью является «самостоятельность, независимость, управление своей судьбой» — практически для 50% респондентов во всех волнах исследования.

Не менее важным респонденты считают «высокие доходы, материальный достаток, благосостояние семьи»: в 2008 году — 54%, в 2010 году — 43%. В то же время успешные акторы трансформационного процесса все большее значение придают таким базовым человеческим ценностям, как «семейное счастье, любовь, дети»: в 2008 году — 52%, в 2010-м так считали уже 66%. Эти ценности, по мнению Т. И. Заславской, «можно рассматривать как важные предпосылки (или условия) реализации самостоятельности и независимости» [77, с. 17]. Деловой и профессиональный успех, удачную карьеру можно считать средством ее достижения.

В исследовании было отмечено, что в остропроблемной институциональной среде респонденты демонстрируют «высокий инновационно-деятельностный потенциал». В 2008 году 53%, а в 2010 уже 60% опрошенных совершали инновационные действия: разрабатывали или участвовали в разработке и внедрении передовых технологий; осваивали или принимали участие в освоении новых видов продукции

и услуг; осуществляли успешные организационные новации; создавали собственный успешный бизнес. Успешные рыночные продвижения удалось осуществить в 2008 году 49% респондентов, в 2010 году деятельность уже 56% привела к существенному увеличению объема продаж и доходов компаний; выходу их на новые рынки, открытию новых филиалов и представительств, повышению качества и росту конкурентоспособности продукции, а также легализации части теневых операций и освоению норм цивилизованного бизнеса [91, с. 9]. Можно отметить, что экономический кризис послужил дополнительным стимулом деловой активности респондентов.

Кроме личностных и деловых качеств активных экономических акторов трансформационного процесса, Т. И. Заславская исследовала и некоторые из социальных качеств: уровень и характер консолидации, уровень доверия к институтам и друг к другу, особенности правового сознания и поведения, политическую активность.

Исследование показало, что данной группе предпринимателей и менеджеров присущ так называемый асоциальный синдром, который выражается в «отсутствии культуры совместного действия и стремления к самоорганизации даже для защиты своих общих интересов» [91, с. 10]. В оценке степени развития деловой среды по пятибалльной шкале, где 1 — нулевая, 2 — низкая, 3 — средняя, 4 — высокая, 5 — очень высокая степень развития, степень влияния предпринимательских союзов на успешность деятельности оценили как нулевую и низкую в 2008 году 49%, а в 2010 году — уже 63% респондентов. Соответственно уменьшилось количество высоко оценивающих степень влияния формальных объединений — с 14% до 12%. Данный факт свидетельствует о непрозрачности и неопределенности правил игры в отношениях власти с бизнесом.

В то же время усиливается влияние неформальных солидарностей, деловых сетей и связей: с 2008 по 2010 год с 66 до 73% возросло количество бизнесменов, оценивающих их роль как высокую и очень высокую. Как положитель-

ный результат данного явления можно рассматривать возрастание роли деловой репутации: как высокую и очень высокую ее оценили в 2008 году 72%, а в 2010 — уже 74% респондентов. Растет количество респондентов, которые придают большое значение степени влияния строгости соблюдения деловых обязательств, этики (рост с 41% до 54% соответственно), уровню взаимного доверия бизнесменов (рост с 26% до 33% соответственно), взаимопомощи постоянных партнеров (рост с 29% до 38% соответственно). Приведенные данные свидетельствуют о повышении деловой культуры, цивилизованности российского бизнеса. Т. И. Заславская считала, что приведенные выше результаты исследования свидетельствуют о «спонтанной кристаллизации продвинутой части экономических акторов как особой *социально-деловой общности*» [91, с. 13].

Изучение особенностей правового сознания и поведения исследуемой группы показало и иную сторону усиления неформальных солидарностей и связей. Если в 2006 году 74% респондентов сталкивалось с нарушением своих законных прав в деловой сфере, то к 2010 году количество их возросло до 78%. При решении возникших проблем только неформальные способы использовали в 2006 году 75%, а в 2010 — 58%. Формальные способы выхода из сложившейся ситуации использовали в 2006 году 5% занятых в бизнесе, в 2010 — 14%. Остальные опрошенные предпочитали совмещать вышеуказанные способы. Наблюдается рост числа предпринимателей, которые стараются решать возникшие проблемы в рамках правового поля. Рассматривая ситуацию в целом, Т. И. Заславская сделала вывод о том, что «длительное функционирование в бизнес-среде, пронизанной неправовыми практиками, не может не отразиться на правовом сознании даже самых образованных и экономически продвинутых экономических акторов» [91, с. 13].

Исследование уровня институционального и взаимного доверия показало, что за все годы наблюдения успешные экономические акторы демонстрируют низкий уровень первого и достаточно высокий — второго. По пятибалльной

шкале, где 1 — совсем не доверяю, а 5 — полностью доверяю, уровень доверия местным органам власти, судебной системе (без арбитражного суда) и милиции равен 2 баллам. Уровень доверия Правительству РФ и арбитражному суду немного выше и равен 3 баллам. По мнению Т. И. Заславской, «крайне низкий уровень институционального доверия — важный сигнал неблагополучия современной деловой среды, наличия большого числа барьеров и ограничений не только для эффективной деятельности, но и для становления более цивилизованного бизнеса» [91, с. 16].

Данные опроса не подтвердили распространенное в российской социологии мнение о крайне низком уровне взаимного доверия в бизнес-среде. Так, уровень доверия подчиненным стабильно за годы всех наблюдений по той же шкале равен 4 баллам, с 3 баллов в 2006 году до 4 баллов в 2008—2010 годах вырос уровень доверия партнерам и контрагентам. Был сделан вывод о том, что «в весьма непростой институциональной среде высокие уровни межфирменного и внутрифирменного доверия выступают значимыми факторами (ресурсами) делового успеха и важными атрибутами продвижения к более цивилизованному бизнесу» [91, с. 16].

Интересные и несколько неожиданные данные получила Т. И. Заславская при исследовании политической активности совокупности предпринимателей и бизнесменов: 23% опрошенных вообще политикой не интересуются, ограничиваются отслеживанием информации о политических событиях 56%, вопросы политики обсуждают с друзьями и коллегами 46%, в выборах представительной власти участвуют лишь 22% респондентов. При этом 37% респондентов отметили, что им не близка никакая идеология. Около трети сообщили, что им близка социал-демократическая идеология, приверженцев либеральной идеологии оказалось 16%, умеренно-государственническую идеологию поддерживают 11%. Количество респондентов, поддерживающих авторитарно-силовую, националистическую и коммунистическую идеологию в сумме не превысило 4% [91, с. 17]. Причем политические ориентации слушателей программы МВА

остаются достаточно стабильными на протяжении всего периода наблюдений. Т. И. Заславская считала, что «с точки зрения возможных демократических реформ, они достаточно перспективны. Но чтобы авангард делового сообщества стал ощутимой политической силой, желательны создание партии или хотя бы сильного общественного движения, выражающего жизненные интересы бизнеса и способного активно бороться с теми силами, которые препятствуют как поступательному развитию экономики, так и становлению правового демократического государства» [77, с. 24].

Эмпирические исследования, проведенные Т. И. Заславской для апробации концепции социетальной трансформации российского общества, подтвердили основополагающее значение возрастания человеческого потенциала для позитивного развития социальных изменений. Определяющее значение при этом имеют личностные качества (интернальность) акторов трансформационного процесса, их приверженность общечеловеческим ценностям на бытовом и демократическом — на общественном уровне, стремление к повышению уровня образования. В ходе исследования было зафиксировано наличие экономических мезоакторов, обладающих данными качествами, что дает надежду на успешное развитие процесса модернизации и демократизации России.

Раздел 3

Особенности теоретико-методологического подхода Н. В. Паниной к изучению трансформационных процессов в украинском обществе

В Украине одной из первых над развитием теории постсоветской трансформации общества начала работать Н. В. Панина. Она обладала обширными знаниями социологических теорий в их историческом развитии. Разделяя точку зрения на парадигму как «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают модель постановки проблем и их решений научному сообществу» [119, с. 11], она разработала свой нормативно-личностный подход к изучению и обоснованию основных механизмов постсоветской трансформации украинского общества, проводя научные изыскания в рамках структурно-функциональной парадигмы. Будучи убежденной в том, что «исследование без теории слепо, а теория без исследования пуста» [216, р. 162], Н. В. Панина для апробации своей концепции на основе изучения опыта проведения трендовых исследований в мире, в том числе и в России, разработала методологические основания и методику национального мониторингового социологического исследования. Основные принципы разработки системы показателей и организации мониторинга были сформулированы с учетом спе-

цифики декларированных новообразованным государством целей постсоветских преобразований и специфики проведения массовых опросов в нестабильном обществе [158]. Именно благодаря Н. В. Паниной и ее коллегам вот уже многие годы «визитной карточкой» Института социологии НАН Украины является его мониторинг [62, с. 70].

3.1. От социальной адаптации в стабильном обществе к механизму преодоления постсоветской аномии

Исходные положения нормативно-личностной концепции постсоветской трансформации украинского общества, разработанной Н. В. Паниной, базируются на тезисе о том, что «основой консолидации общества является его ценностно-нормативная система — совокупность основных ценностей и норм поведения всех граждан общества» [140, с. 32]. Н. В. Панина разделяла взгляды Т. Парсонса [229], считая, что ценности общества отражают высшие принципы, составляющие основу согласия, необходимого для организации и стабилизации общественной системы. Под нормами в данной концепции «понимаются определенные стандарты действия, регулирующие поведение людей в различных сферах жизнедеятельности в зависимости от их принадлежности к конкретной социальной группе» [31, с. 90].

Весомый вклад в изучение изменения поведения индивидов под воздействием меняющихся условий жизни Н. В. Панина внесла в психологическую науку в 1975–1990 годах, когда работала над психологическими проблемами адаптации людей пожилого возраста к новому статусу — статусу пенсионеров [139; 143; 144; 145]. Нарботанные методики измерения жизненной удовлетворенности и адаптированности людей были апробированы ею при изучении социально-психологических последствий стрессовой ситуации среди ликвидаторов аварии на Чернобыльской АЭС [142]. Н. В. Панина пришла к выводу, что на поведение людей в стрессовых ситуациях имеет значительное влияние их социальный ста-

тус. Была доказана тесная связь «психо-эмоциональной устойчивости (уровень тревожности, самочувствия, активности, настроения) и удовлетворенности жизнью с личностно-мотивационными качествами личности, характеризующими нравственный потенциал человека, проявляющийся, в частности, в чувстве долга и личной ответственности за судьбы других людей и перспективу развития общества» [137, с. 113].

В начале 80-х годов научные исследования Н. В. Паниной приобрели социально-психологическую направленность. В 1982 году, когда советское общество было еще вполне стабильно и никто не мог предположить, что менее чем через десятилетие Советский Союз прекратит свое существование и начнется новый период постсоветской трансформации независимых государств в него входивших, она опубликовала результаты исследований социального статуса, стиля жизни и процесса социальной адаптации личности в условиях стабильного общества [150]. Эта работа является основополагающей для понимания нормативно-личностной концепции Н. В. Паниной.

Рассматривая содержательную сторону социального статуса, Н. В. Панина пришла к выводу, что она представляет собой совокупность нормативных ролевых предписаний, структурированных в модели поведения индивида как субъекта выполнения общественных функций. Социальный статус посредством взаимосвязанных с ним ролей как нормативных образцов поведения регламентирует социальное поведение человека. Исполняя социальную роль, которая соответствует определенному статусу, индивид обретает социальную и личностную определенность. *Социальная определенность* обнаруживается в том, что, получив информацию об основных ролях индивида, окружающие в своем поведении по отношению к нему ориентируются на определенные шаблоны поведения и взаимоотношений, построенные на общих требованиях к данной роли, сформированные в конкретном обществе и отраженные в социальном сознании его членов в системе конвенциональных и возрастно-

ролевых ожиданий. Сущность *личностной определенности* проявляется в системе личностных отношений самого субъекта к различным объектам социального мира, сформированных индивидом с позиций занимаемого статуса и взаимосвязанных с ним ролей. Личностные отношения и ролевые ожидания являются основными компонентами социального поведения личности. В свою очередь, степень дифференциации конвенциональных и иерархии возрастноролевых ожиданий, предъявляемых к определенному социальному статусу, позволяет прогнозировать социальную и личностную определенность индивидов, обретающих данный статус. Особенности влияния статуса на социальное поведение людей проявляются как в структуре видов деятельности, так и в стиле выполнения каждого вида деятельности. В случае изменения социального статуса происходит не только изменение структуры занятий, но и стиля деятельности. Перестройка стиля деятельности в соответствии с изменяющимися условиями социальной среды, в том числе и социального статуса, представляет собой, собственно, сам процесс социальной адаптации личности.

Важнейшей характеристикой стиля деятельности с точки зрения общественных интересов является ее результативность. В период, когда статус индивида стабилен, результаты деятельности, как правило, приведены в соответствие с ожиданиями (ожиданиями) со стороны общества и лиц, взаимодействующих с индивидом. Для более полного понимания процесса социальной адаптации Н. В. Панина разработала схему этого процесса, представленную на рисунке 3.1 [150, с. 272].

Изучив эту схему, можно сделать вывод о том, что процесс установления баланса в системе, включающей ожидания, предъявляемые к роли, которая соответствует социальному статусу, и результаты деятельности по выполнению этой роли представляют процесс социальной адаптации.

В нормативно-личностной концепции Н. В. Панина выделяла два типа социальной адаптации. Личностно-результативный тип социальной адаптации представляет со-

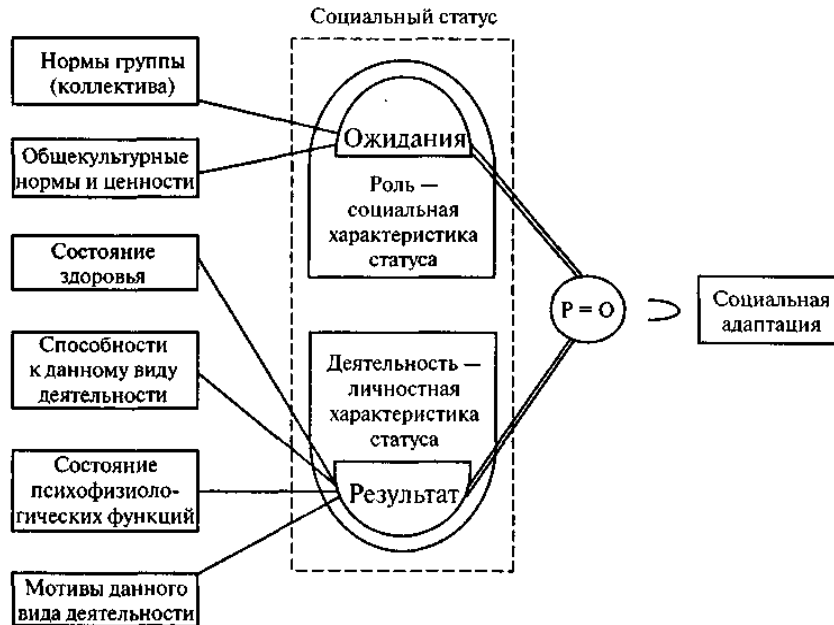

Рисунок 3.1. Процесс социальной адаптации

бой процесс перестройки стиля деятельности, в то время как экспектационно-ролевой тип — процесс изменения ролевых ожиданий к соответствующему статусу. В рамках каждого из указанных типов по направленности изменений она выделяла два подтипа. Прогрессивный подтип — повышение результативности или уровня экспектации; регрессивный — понижение результативности (уровня экспектации). Какую направленность будет иметь тип адаптации, прогрессивную или регрессивную, зависит от особенностей личности (то есть от особенностей присущего ей стиля деятельности), но главным детерминантом процесса социальной адаптации являются объективные конкретно-исторические условия с присущей им ценностно-нормативной базой, формирующей систему ожиданий.

Вне зависимости от того, прогрессивный или регрессивный характер имеет процесс социальной адаптации, можно его рассматривать с точки зрения оказываемого влияния на ценностно-нормативную систему общества. Н. В. Панина в данном контексте выделяла два типа направленности адаптации: социальную и личностную [31, с. 92–93]. Под *социальной* направленностью она понимала тот случай изменений, когда под влиянием личностных компонентов происходят изменения ценностно-нормативной системы общества. Причина *личностной* направленности процесса социальной адаптации противоположна: под влиянием изменения ценностно-нормативных образцов и системы социальных санкций происходит изменение индивидуальных качеств и образцов поведения.

Какую направленность имеет процесс социальной адаптации, личностную или социальную, зависит главным образом от степени стабильности общества, в котором он протекает. В стабильном обществе, которое характеризуется устойчивостью ценностно-нормативной системы и высокой определенностью социального статуса индивида, велика вероятность социальной направленности адаптации. Преимущественно она таковой и является, так как осуществляется под влиянием целостной нормативно-ценностной системы, формирующей социокультурные качества и установки личности, приближенные к структуре ценностной ориентаций большинства общества. Причем отклонение от предписанных нормативных моделей поведения влечет за собою формальные и неформальные санкции со стороны устойчивых общественных институтов. Успешное выполнение социальных ролей в стабильном обществе одобряется и поощряется. Следовательно, социальное самочувствие индивида в стабильном обществе главным образом зависит от того, насколько его поведение соответствует социальным требованиям. В силу этого любое стабильное общество имеет ряд преимуществ, поскольку основой его социальной интеграции и регуляции является устойчивая социальная структура, основанная на определенной иерархической системе

ценностей и нормативной базе, которая регулирует отношения между людьми, детерминирует ценностные ориентиры и моральные принципы.

Кардинальные изменения социально-исторических реалий, начавшиеся в конце 80-х годов прошлого века в тех странах, которые сейчас называют единым термином «посткоммунистическое пространство», в том числе и в постсоветской Украине, дали новое направление исследованиям Н. В. Паниной. Она начала изучать социально-психологические процессы, наблюдаемые в нестабильном, переходном, трансформирующемся обществе.

Основной характеристикой нестабильного общества является разрушение ценностно-нормативной системы как всеобщей основы социальной интеграции. В условиях трансформирующегося общества, когда старая система норм и ценностей уже не выполняет своих функций, а новая еще не сформирована и не институционализировалась, социальные статусы не определены и нет однозначных критериев для их ранжирования, доминирующим фактором направления развития общества являются личностные качества, особенности сознания и психологического состояния индивида.

Вышеописанное состояние трансформирующегося общества принято определять как аномию. М. В. Попович отмечал значимость для украинской науки теоретических разработок Н. В. Паниной в развитии теории и эмпирических исследований аномии [171]. Аномия — «ситуация в обществе, характеризующаяся распадом норм, регулирующих социальное взаимодействие» [1, с. 7]. Классическую трактовку этого понятия можно найти в работах Э. Дюркгейма [50]. Р. Мертон расширил понятие аномии до масштабов общей теории девиантного поведения. Он различал определяемые культурой цели и институциональные средства их достижения и дифференцировал общества в связи со степенью значимости тех или других [133]. Н. В. Панина обосновала положение о том, что «утрата социальными институтами и группами регулятивных функций — аномия (отсутствие

норм) — приводит к полной дезорганизации тех социальных институтов, нормы которых утратили свое регуляторное значение» [138, с. 48].

Аномия как определенное состояние социальной организации характерна для любого переходного общества, но лишь в исключительных исторических обстоятельствах «она достигает глобальных общественных масштабов, когда общество сознательно отказывается от основных идеологических принципов своей организации, не имея, по существу, новой, целостной, отработанной временем ценностно-нормативной системы» [147, с. 7].

Трансформационный процесс в Украине является конкретной иллюстрацией к данному теоретическому выводу. Основной предпосылкой трансформации украинского общества явилось провозглашение независимости Украины и повышение ее геополитического статуса, что повлекло за собой необходимость создания необходимых атрибутов государственности. Второй предпосылкой явился декларированный властными структурами (при массовой поддержке населения) отказ от господствующей в СССР идеологической системы ценностей. После провозглашения независимости в 1991 году в Украине началось строительство нового государства и нового общества, в качестве основной цели которого было провозглашено построение демократических основ в политике и рыночных — в экономике. Однако, поскольку декларированные принципы не обеспечивались законами и политическими решениями, созданием новой идеологической концепции, они не становились действенными регуляторами социальной жизни — доминирующими ценностями и нормами поведения. В реальной жизни предлагаемые властями нововведения, исполнение законодательных актов встречало сопротивление как среди чиновников, так и среди рядовых членов общества. Можно сделать вывод о том, что на протяжении почти двух десятилетий, особенно на первых этапах трансформации, украинское общество пребывало в состоянии аномии, которая выражена в высокой степени деморализованности практически всех слоев населения.

В условиях тотальной аномии полностью разрушается привычная модель адаптации и начинается противоположный процесс — кристаллизация новой ценностно-нормативной системы общества на основе особенностей индивидуального сознания его членов, индивидуальных ценностных предпочтений и ценностных ориентаций, то есть полностью изменяется образ жизни индивидов. Термину «образ жизни» Н. В. Панина дала следующее определение: «под образом жизни подразумевается нормативная, реальная и идеальная структура видов деятельности и способов их осуществления, а также психологическое состояние, включающее социальное самочувствие и психическое здоровье» [138, с. 26]. В нормативно-личностной концепции структурными компонентами образа жизни являются нормативная, реальная и идеальная его модель. Социальное самочувствие и психическое здоровье являются функциональными показателями, которые определяются степенью сбалансированности структурных компонентов образа жизни.

Н. В. Панина считала, что ключевой для понимания причин и последствий социальной трансформации при изменении нормативной системы общества является реальная модель образа жизни социального субъекта (индивидов или социальной группы), которую принято определять как стиль жизни. На его формирование и коррекцию непосредственно влияет нормативная модель поведения, определяемая социальным статусом индивида (группы). При разрушении ценностно-нормативной основы в нестабильных социальных системах, например в украинском обществе, происходит частая смена критериев социального статуса. На стиль жизни непосредственно влияют и индивидуальные предпочтения, которые конкретизируются в жизненных целях и планах. Изучая выявленные взаимосвязи, Н. В. Панина разработала концептуальную модель детерминации образа жизни в стабильном и нестабильном обществе (*рисунок 3.2* [138, с. 26]).

На основании теоретического анализа работ Э. Дюркгейма, У. Томаса, Ф. Знанецкого, Э. Фромма, Р. Мертона, Г. Беккера, Е. Лемерта и других, а также эмпирических ис-

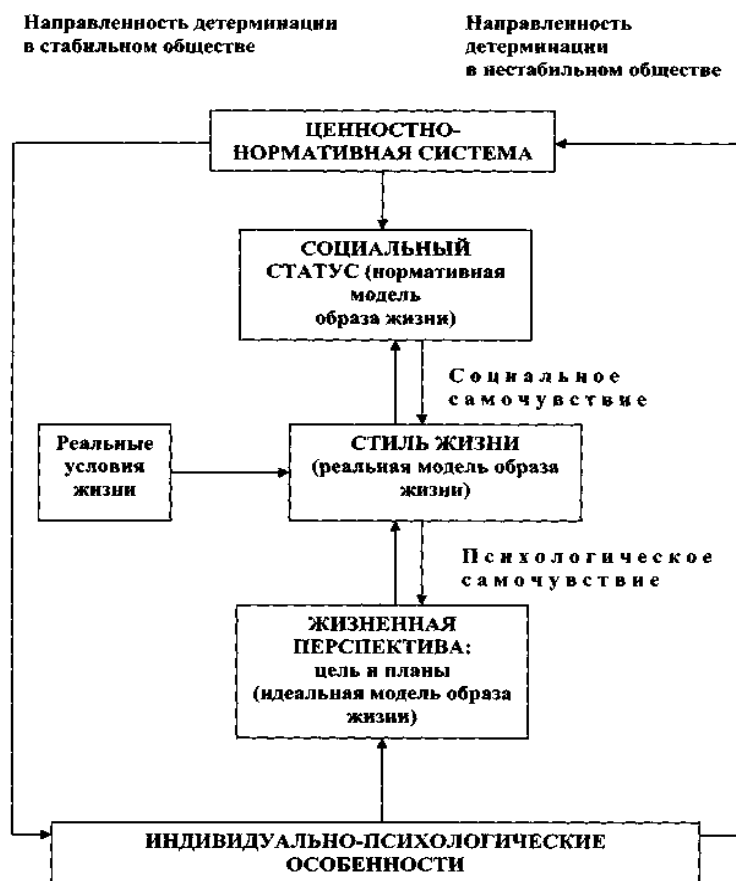

Рисунок 3.2. Концептуальная модель детерминации образа жизни

следований, методы и методология которых были предложены Н. В. Паниной (в данной монографии им посвящен пункт 3.2 настоящего раздела), был сделан вывод о том, что в условиях трансформирующегося общества «основными характеристиками образа жизни в целом становятся неопределенность и неустойчивость» [138, с. 50], причиной которых является социальная невостребованность. Ключевую роль

в формировании и организации нового демократически ориентированного общества, создании присущих ему социальных институтов Н. В. Панина отводила личностным особенностям субъектов социальной интеграции. На формирование типа социально-экономической и политической системы оказывают влияние и «совокупные эффекты деятельности дезорганизованных индивидов (зарождающиеся ценностно-нормативные подсистемы)» [138, с. 50].

Личностные особенности субъектов социальной интеграции определяются их потребностями, выражающимися в степени неудовлетворенности своим положением в обществе и системой общественных отношений в целом, то есть социальным самочувствием. Социальное самочувствие, по определению Н. В. Паниной и Е. И. Головахи, — «это эмоционально-оценочное отношение индивида к системе социальных отношений и к своему месту в этой системе» [28, с. 20]. Также личностные особенности субъектов определяются их общей психологической устойчивостью, то есть наличием ресурсов психологического и психического здоровья, необходимого для успешного преодоления аномии и стабилизации общества.

Для оценки перспектив развития общества, его стабилизации и развития по демократическому пути Н. В. Панина считала необходимым изучение ресурсов психологического и психического здоровья, которые могут быть охарактеризованы системой показателей психологической устойчивости индивидов, социальной группы. К таким показателям относятся: уровень тревожности, степень жизненной удовлетворенности и интернальность.

Повышение уровня тревожности является нормальной психической реакцией на стрессовую ситуацию. Однако длительное пребывание индивидов в состоянии неопределенности, вызванной изменением нормативно-ценностной системы общества, приводит к тому, что возникает явление массовой депривации. На уровень тревожности влияет состояние физического и психического здоровья, отношение к своему здоровью (его самооценка), а также индивидуальные

жизненные обстоятельства и условия. В связи с неустойчивостью социально-бытовой сферы переходного общества на уровень тревожности влияют социально-демографические факторы: пол, возраст, в меньшей степени уровень образования, тип поселения, в котором проживает индивид, что является одной из особенностей переходного общества. В условиях декларированного направления развития украинского общества по демократическому пути на уровень тревожности влияют политические и социально-экономические факторы. Исследования Н. В. Паниной доказали, что у приверженцев либерально-демократических взглядов в политике и рыночных в экономике уровень тревожности ниже, чем у людей, имеющих противоположные убеждения. Следовательно, они обладают большей психологической устойчивостью.

Жизненная удовлетворенность тесно коррелирует со степенью тревожности. Она в меньшей степени зависит от внешних факторов, чем от определенности жизненной перспективы. «Общий оптимизм, проявляющийся в системе отношений человека к различным аспектам своей жизни, позволяет сохранить и общую психологическую устойчивость» [138, с. 116].

Не менее важным компонентом психологической устойчивости как фактора преодоления аномии Н. В. Панина считала формирование интернального типа личности под влиянием изменений нормативно-ценностной системы, которые происходят под воздействием процессов трансформации в украинском обществе. В психологии давно стало аксиомой, что локус контроля является достаточно устойчивым свойством личности. Интерналам свойственна уверенность в себе, стремление к лидерству, решительность, креативность и стремление к консенсусу. Главной их чертой является чувство ответственности за себя и окружающих, вовлеченность в общественную жизнь. Исследования Х. Хекхаузена выявили, что экстерналам более свойственен конформизм, догматизм, авторитарность, беспринципность, депрессивность и склонность к цинизму. Одним из основных

постулатов нормативно-личностной концепции является тезис о том, что «переход к демократическому обществу не может быть полноценным без изменения психологической основы построения нового общества – развития личностной ответственности людей как за собственную судьбу, так и за социальные решения и действия» [138, с. 118]. Данные исследований, проведенных Н. В. Паниной в 1991 и 2000 годах, засвидетельствовали повышение уровня интернальности среди молодежи Украины в первое десятилетие трансформационного процесса [147].

На изменение психологической устойчивости в целом оказывает влияние уровень социального самочувствия населения как реакции массового сознания на аномиию. Он выражается степенью аномической деморализованности, цинизма, социальной невостребованности. Тип реакции на аномиию определяют «ценностные ориентации субъектов социальной интеграции (социально-политические, экономические, национально-государственные, общеэтические и т.п.), позволяющие проанализировать направленность развития общественной системы с точки зрения общепринятых демократических ценностей» [31, с. 94].

Социальная востребованность является, по мнению Н. В. Паниной, наиболее обобщенным показателем социального самочувствия. Взаимозависимость степени удовлетворенности человека своим положением в обществе в целом, степени удовлетворенности от того, что он дает обществу, и тем, что он от него получает, выражается интегральным показателем социальной востребованности. Исследования Н. В. Паниной свидетельствуют о том, что в условиях украинского общества следует говорить о тотальной социальной невостребованности и даже о социальной отчужденности. В трансформирующемся украинском обществе «разрушение нормативных моделей, даже основанных на массовой поддержке, при отсутствии новых нормативных образцов с гарантированной институциональной поддержкой привело к повышению социальной отчужденности у представителей всех основных социальных групп» [138, с. 123].

Аномическая деморализованность индивидов и социальных групп является следствием социальной невостребованности, порожденной аномией, и особенно остро проявляется в тех социальных группах, в которых происходит дезинтеграция целевых и инструментальных структур. Данный вывод Н. В. Панина сделала, проведя аналогию исследований Р. Мертона [14] по реализации «американской мечты» о материальном преуспевании для каждого с реализацией постсоветской «демократической мечты» о повышении благосостояния украинского народа путем быстрого построения демократического общества. Уровень аномической деморализованности имеет обратную зависимость от уровня образования и культуры населения. Принятие демократических и рыночных социально-политических ориентаций индивидами и группами способствует формированию новой ценностно-нормативной системы, тем самым ведет к снижению уровня аномической деморализованности населения.

Исследуя реакции личности и групп на аномию, Н. В. Панина сделала вывод о существовании реакций нормативного и ненормативного типа. К ненормативным реакциям на аномию следует относить социальный цинизм. «Под цинизмом подразумевается такая реакция на аномию, при которой отсутствие норм становится индивидуальной нормой сознания и поведения. Одной из важнейших составляющих цинизма является высокая степень недоверия не только к нормам, но и к людям в целом» [138, с. 138]. В нормативно-личностной концепции социальный цинизм рассматривается как определенный тип ценностно-нормативной подсистемы. Так как для построения демократических институтов недостаточно декларирования целей их построения, а необходимо формирование демократических средств достижения этих целей, то путь развития данной подсистемы бесперспективен. Ненормативный тип реакции на аномию приводит к ее усилению и способствует формированию анархического общества [138, с. 139].

Нормативная реакция на аномию приводит к формированию двух типов ценностно-нормативных подсистем: тра-

диционно-архаической и авторитаристской. Прогностическая ценность исследования Н. В. Паниной данных типов подсистем будет рассмотрена в четвертом разделе данной монографии.

Не столько реакцией на аномию, сколько общей социопатией, по мнению Н. В. Паниной, является проявление изоляционизма, национальной нетолерантности и ксенофобии индивидами и социальными группами. Преодоление этих проявлений служит основой построения открытого демократического общества. Многолетние эмпирические исследования, проведенные Н. В. Паниной, подтверждают правоту этого утверждения.

Исследования постсоветской трансформации украинского общества с позиций нормативно-личностной концепции позволили Н. В. Паниной выявить основное социально-психологическое качество массового сознания, его амбивалентность. В 1991–1992 годах была выявлена выраженная амбивалентность «социально-политических ориентаций, в которых направленность преимущественно на демократические преобразования социальных структур сочетается с поддержкой тоталитарных мер для решения обострившихся социальных проблем» [138, с. 50], что существенно осложняло продвижение трансформирующегося украинского общества по пути к формированию институтов демократического, гражданского общества [38]. Во время проведения исследований Н. В. Паниной также были выявлены особенности социально-экономических ориентаций, сочетавших в себе черты посттоталитарных и рыночных.

Дальнейшие исследования позволили Н. В. Паниной сделать вывод о том, что аномическая деморализованность населения Украины, неудовлетворенность своим положением в обществе и социальная невостребованность порождают его амбивалентность по отношению к институциональным образованиям, «легальность или легитимность которых не обеспечены правом или моралью» [35, с. 16]. Речь идет о феномене двойной институционализации украинского общества, основанном на «согласии людей жить в таком ин-

ституциональном пространстве, где действуют и старые, и новые институты, обеспечивающие своим противоречивым сосуществованием наличие всех необходимых для социальной интеграции и стабильности атрибутов институциональности» [35, с. 17].

3.2. Теория и методология социологического исследования трансформационных процессов в трудах Н. В. Паниной

Первый общенациональный мониторинг на постсоветском пространстве был осуществлен под руководством Т. И. Заславской и Ю. А. Левады Всероссийским центром исследований общественного мнения (ВЦИОМ). Проект получил название «Мониторинг социальных и экономических перемен» и, по сути, являлся ежемесячным сравнительным исследованием, которое проводилось по единой выборке и системе социальных показателей. Социальный мониторинг — это «целостная система отслеживания происходящих в обществе перемен на основе исследования и анализа массовых представлений о них для того, чтобы обеспечить общество достоверной, своевременной и достаточно полной информацией» [84, с. 298]. Для эффективного анализа и прогнозирования жизнедеятельности общества мониторинг должен быть непрерывным [15]. Социологи постсоветских стран применяют термин «мониторинг» для обозначения исследований, осуществляемых с целью изучения тенденций социальных изменений. В мировой социологии «в таких случаях чаще всего употребляют термин «трендовые» (trend) или «сериальные» (time-series) исследования» [33, с. 27].

Социологический мониторинг приобретает особенное значение во время социетальной трансформации общества, когда принципиально изменяются его социальные структуры и институты. Постоянного наблюдения и анализа требуют общественные и групповые эффекты социальных изменений. Рациональная и целенаправленная деятельность в об-

ласти социального управления, разработка стратегии социальных реформ невозможна без систематической адекватной оценки и учета характера, а также направления процессов, происходящих в трансформирующемся обществе. Именно к такому выводу в начале 90-х годов пришла Н. В. Панина, изучая процессы социальных изменений, которые происходили в постсоветской Украине [163, с. 164–165].

В соответствии с нормативно-личностной концепцией Н. В. Паниной «психологическое состояние населения в переходном обществе является одним из определяющих факторов социальных трансформаций» [140, с. 41]. Для апробации концепции в 1992 году Н. В. Панина провела исследование «Социальное самочувствие и психологическое состояние населения Украины». Результаты этого исследования послужили эмпирической основой диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук «Образ жизни и психологическое состояние населения Украины в условиях перехода от тоталитаризма к демократии», которую Н. В. Панина защитила в 1993 году [138]. Одним из ключевых пунктов научной новизны данной диссертационной работы явилась «исходная методическая и эмпирическая база для мониторинга, позволяющего отслеживать особенности посттоталитарного развития общества» [138, с. 159]. В последующие годы на основе изучения опыта проведения трендовых исследований в мире, в том числе и в России, Н. В. Панина разработала методологические основания и методику национального мониторингового социологического исследования. Они были апробированы и усовершенствованы в процессе реализации проекта ежегодного мониторинга «Украинское общество на рубеже XXI столетия» с 1994 по 2001 год в Институте социологии НАН Украины под общим руководством В. М. Вороны. Ответственными исполнителями, авторами программы и анкеты являлись Н. В. Панина и Е. И. Головаха [157, с. 11]. Впоследствии была доказана целесообразность дополнения исходной системы показателей набором таких, которые включаются в исследование в зависимости от изменения общественно-

политической и экономической ситуации. В 2002 году система показателей была реформирована и расширена, создан обновленный инструментарий, который в основной своей части сохранял преемственность с предыдущим этапом. Принципы организации исследования и построения системы основных социальных показателей были сохранены, что дало возможность сравнительного анализа данных исследования за все годы его проведения. Кроме того, «структура социологических показателей обновленного проекта была согласована с соответствующей структурой показателей государственной статистики, что сделало возможным получение социальных индикаторов, которые необходимы для разработки, реализации и корректирования разнообразных социальных программ и управленческих решений» [197, с. 565]. Проект получил название «Украинское общество: мониторинг социальных изменений».

Результаты первых трех мониторинговых исследований (1994, 1995, 1996 годы) были опубликованы в бюллетене «Политический портрет Украины» [167; 195; 196]. Начиная с 1997 года результаты исследований публиковались отдельными брошюрами, а с 1999 года они сопровождаются аналитическими статьями ученых Института социологии НАН Украины. В 2006 году руководителями проекта было принято решение проводить исследование по четным годам, ввиду того что общественные изменения происходят достаточно медленно и невозможно зафиксировать величину тренда: результаты ежегодных исследований фиксировали величины изменений, которые находились в рамках погрешностей измерения.

В 2004 году Н. В. Панина осуществила окончательную коррекцию инструментария, который и сейчас используется в исследовании Института социологии НАНУ [53]. В настоящее время анкета опроса состоит из двух частей: собственно мониторинговая, базовая часть, вопросы которой повторяются с периодичностью в два года, и поисково-исследовательская часть, вопросы которой включаются в анкету разово и позволяют провести углубленный анализ отдельных социальных процессов и явлений [176, с. 486].

Основные принципы организации мониторинга и разработки системы его показателей были сформулированы с учетом специфики декларированных новообразованным государством целей постсоветских преобразований и специфики проведения массовых опросов в нестабильном обществе.

С 1991 года украинское общество пребывает в состоянии постсоветской трансформации, основными нормами и ценностями которой должны стать, в конечном итоге, демократические нормы и ценности. Для этого должны быть достигнуты следующие цели:

- построение открытого общества;
- ориентация на рыночную экономику;
- укрепление демократических основ политической жизни;
- повышение уровня и качества жизни населения [160, с. 58].

Следует отметить, что в настоящее время достигнута только одна из вышеперечисленных целей: в целом украинская экономика советского типа преобразована в рыночную экономику, имеющую свои, национальные особенности.

Специфика проведения массовых опросов в нестабильном украинском обществе, особенно на ранних стадиях проведения мониторинга, заключалась, в первую очередь, в недостаточности материальных ресурсов, в недостаточной надежности опросных сетей, в сложности достижения респондентов, наконец, в недостаточном количестве специалистов, имеющих соответствующую подготовку. Чтобы хотя бы частично снять остроту проблемы, Н. В. Панина написала первый украинский наиболее полный учебник «Технология социологического исследования» [165], который с тех пор выдержал три издания и является одной из самых изучаемых книг среди студентов-социологов, а также методическим руководством для социологов-практиков [62, с. 71]. Особенно подробно в данном курсе лекций рассмотрены вопросы составления программы и определения выборки исследования. Н. В. Панина была солидарна с мнением Т. И. Заславской о чрезвычайной важности данных процедур для полноценного проведения социологического исследования.

Первоначально Н. В. Панина сформулировала развернутую цель мониторинга как такую, которая «состоит в отслеживании и фиксации социальных изменений по совокупности показателей, которые отображают динамику массового сознания в связи с изменениями социальной системы в целом и изменениями в отдельных сферах общественной жизни» [157, с. 11]. В 2002 году была сформулирована цель исследования в ее современном варианте — «анализ тенденций социальных изменений в украинском обществе» [146, с. 5]. Обобщенная формулировка цели мониторинга наиболее точно соответствует его функциям, которые принято определять в социологической литературе как диагностическую, прогностическую, проективную, планирования и просветительскую [45]. В просветительской функции мониторинга, особенно украинского, можно выделить две составляющие: информационную и научную.

В соответствии с основной целью исследования были определены общие требования к формированию совокупности эмпирических показателей. Во-первых, каждый из них непосредственно или опосредованно должен отражать характеристику состояния общественной системы с точки зрения демократических преобразований. Во-вторых, изменения данных показателей, зафиксированные в мониторинге, должны измеряться индикаторами, которые дают возможность оценки характера и направления изменений социальной системы на векторе «демократизация» [162, с. 14]. Кроме того, показатели должны фиксировать изменение социального самочувствия и уровня благосостояния населения в процессе трансформационных изменений.

Общепризнанными критериями эффективности трех главных составляющих стратегии реформирования общества и государства являются:

— эффективность экономической политики, которую можно измерять степенью поддержки населением социально-экономических реформ, ростом материального благосостояния людей и расширением возможностей реализации их трудового потенциала;

– эффективность преобразований политико-правовой системы, которая отражается в поддержке политических реформ и демократически выбранной власти на основе утверждения в государстве демократических прав и свобод, законности, правопорядка, политической стабильности, межнационального и конфессионального согласия;

– эффективность социальной политики, которая непосредственно измеряется улучшением социального самочувствия, психологического и физического состояния (здоровья) людей на основе расширения доступа к благам современной цивилизации в основных сферах жизнедеятельности [159, с. 6].

В соответствии с принципами структурно-функционального подхода Н. В. Панина разработала структуру показателей мониторинга, которая отражает все сферы жизнедеятельности общества, что дает возможность анализа как общего направления социальных изменений в украинском обществе, так и особенностей социальных процессов в различных сферах жизни индивидов, развития социальных организаций и групп, институтов, формирования новой нормативно-ценностной системы. В настоящее время структура показателей такова:

- «– Экономика;
- Политика;
- Правовое сознание и социальный протест;
- Общественная мораль, конфликты и доверие;
- Межнациональные отношения и язык общения;
- Социальное самочувствие и общественное настроение;
- Здоровье и социальная поддержка;
- Свободное время, досуг;
- Местные условия;
- Экологическая ситуация;
- Жилье;
- Материальный статус семьи;
- Структура семьи;
- Работа и занятость;
- Образование;
- Информационное пространство;
- Транспорт и связь;
- Социальные изменения» [37, с. 7].

История развития любого общества показывает, что социальные изменения, его успешные демократические преобразования в значительной степени зависят от степени их поддержки населением. Особенности социальных изменений в трансформирующемся украинском обществе обусловлены массовым принятием/непринятием демократических принципов организации общественной системы. В соответствии с нормативно-личностной концепцией трансформации общества Н. В. Панина считала, что при создании системы показателей мониторинга необходимо учитывать эмоционально-психологический компонент массового сознания. Для наиболее полного отражения состояния и динамики массового сознания при преобразовании показателей в конкретные индикаторы измерения учитывалась сбалансированность фактологических и эмоционально-оценочных индикаторов в соответствии с их типологией, предложенной Е. И. Головахой:

«— ФАКТЫ — фактологические суждения;
— МНЕНИЯ — рационально-оценочные суждения;
— НАСТРОЕНИЯ — эмоционально-оценочные суждения;
— УСТАНОВКИ — декларативно-установочные суждения» [166, с. 5].

Опыт опросов 1992 и 1994 годов подтвердил известную закономерность, что в условиях переходного общества, которое пребывает в состоянии аномии, обобщенные эмоционально-оценочные суждения отражает высокий уровень не всегда адекватного декларативного негативизма и пессимизма. В связи с этим, начиная с опроса 1995 года, в инструментарий исследования были внесены вопросы, ответы на которые отражают предметно-эмоциональную оценку достаточности или отсутствия социальных благ, была включена «шкала достаточности социальных благ» (хватает — не хватает — не интересуется).

Данные показатели в совокупности отображают особенности декларативного уровня массового сознания в его эмоциональной, рациональной и установочно-поведенческой

составляющих. Н. В. Панина и Е. Г. Головаха акцентировали внимание на той категории показателей, которые соответствующим образом отображают факты и события жизни респондента, его биографию, а также предметные и поведенческие реалии его повседневной жизни. При этом был учтен феномен нетождественности содержания декларативных суждений и реалий социальной жизни людей [198, с. 7–8].

Анкета мониторинга, кроме прямых индикаторов, содержит ряд стандартизованных тестовых методик: шкалу анонимии, шкалу авторитаризма, шкалу цинизма, шкалу жизненной удовлетворенности, шкалу национальной дистанции, шкалу социального самочувствия, шкалу социального напряжения и шкалу тревожности, «которые дают возможность проведения более точного измерения некоторых особенностей массового сознания, имеющих серьезное значение в период социальных трансформаций» [154, с. 455–456].

Н. В. Панина внесла значительный вклад в разработку методов и методологии измерения в социологии. Она обобщила опыт европейских, американских и российских социологов [2; 4; 126], на основе которого разработала принципы применения тестов в массовых опросах [61]. Следует отметить, что уже во время изучения проблем социальной геронтологии с 1981 по 1985 год Н. В. Панина была признанным специалистом в области применения тестовых методик в психологии и социологии, «принимала участие в серии международных сравнительных социологических исследований проблем людей пожилого возраста, организованных ВОЗ и ЮНЕСКО» [17, с. 14].

Н. В. Панина считала, что различия в психологических и социологических тестах определены самим предметом анализа. В психологии — это человек, в социологии — общество. Различия отображаются в рамках теоретического анализа и постановки проблем исследования. Методы измерения близки и, по мнению Н. В. Паниной, определяются «сравнимыми проблемами и трудностями (достаточно абстрактный, частично эксплицированный характер объектов

исследования требует такого схожего подхода, что почти не требуется искусственно «выделять» технические приемы измерения в отдельную проблему» [155, с. 63]. По определению А. Анастаси, «психологический тест — это объективное и стандартизованное измерение выборки поведений» [4, с. 31]. Он дает возможность не только диагностировать личностные качества индивида, но и прогнозировать варианты его поведения. В рамках нормативно-личностной концепции можно утверждать, что, поскольку поведение индивидов как социальных субъектов является реализацией социокультурных норм и требований, ценностей, постольку правомерно использовать тесты в мониторинговом социологическом исследовании, одной из основных целей которого является прогноз социального поведения индивидов.

Опыт применения тестовых методик в украинском мониторинге свидетельствует о том, что они позволяют оценить индивида в соответствии с целью исследования, то есть обеспечивают возможность получения количественной оценки на основе квантификации качественных параметров личности. Преимуществом применения тестов в социологии является и то, что с их помощью можно относительно оперативно и объективно, независимо от установок интервьюера, оценить большое количество людей. Кроме того, они дают возможность сравнивать информационные массивы разных исследований. Однако преимущества тестов проявляются только при строгом соблюдении следующих принципов:

- «— строгая формализация всех этапов процедуры тестирования;
- стандартизация заданий и условий их исполнения;
- квантификация полученных результатов и их структурирование по определенной программе;
- интерпретация результатов на основе нормативов, полученных путем стандартизации методик на обоснованной выборке стандартизации (предварительно полученное распределение значений по изучаемому признаку)» [155, с. 64].

Н. В. Панина считала, что каждый тест, отвечающий критериям надежности и валидности, должен содержать не только

набор определенных задач, но и следующие обязательные компоненты:

- стандартную инструкцию для респондента, содержащую цель и правила выполнения заданий;
- ключ шкалирования, который отображает соотношение пунктов задания со шкалами измеряемых качеств. Он показывает, какой именно пункт заданий, к какой характеристике личности (шкалы) относится;
- ключ кодирования, который позволяет подсчитать, сколько баллов в шкалу добавляет тот или иной вариант ответа;
- ключ интерпретаций полученного индекса, репрезентирующего именно те нормы, с какими соотносят полученный результат.

В условиях стабильного общества, по мнению Н. В. Паниной, можно использовать тесты, которые отражают относительно устойчивые качества личности. Изучение трансформирующегося общества посредством тестовых методик усиливает интерес исследователей к методикам, которые чувствительны к изменениям результата под влиянием контролируемых факторов и позволяют диагностировать состояния индивидов в динамике: тревожность, готовность к протесту, социальное самочувствие и тому подобные.

При разработке принципов конструирования социологических тестов Н. В. Панина акцентировала внимание на значение категорий «тест», «шкала», «индекс». По ее определению, «шкала — это единый числовой ряд измерения любой характеристики, так как тест нацелен на всестороннее измерение выделенной исследователем совокупности характеристик, каждую из которых измеряют определенной шкалой, то обобщающий результат измерения вычисляют как результат известных математических манипуляций с измерениями по цепочке шкал (сумма, среднее арифметическое и так далее), поэтому конечному показателю континуума значений лучше всего присвоить другое унифицированное название, например «индекс» [155, с. 65].

Иными словами, каждый тест должен состоять из набора характеристик измеряемого явления и шкал, по которым

измеряется каждая характеристика. Совокупность этих измерений, интегрированная в единый числовой показатель, является конечным результатом измерения — индексом изучаемого явления.

Впервые в украинской социологии Н. В. Панина сформулировала методологию и принципы построения качественной тестовой методики, применяемой в массовом социологическом опросе. Для ее построения необходимы следующие операции:

- отбор максимального количества характеристик (индикаторов), описывающих исследуемое явление;
- определение шкалы измерения для каждого выделенного индикатора. Систематизация индикаторов по типу шкалы (унификация разновидностей и точности шкалы) — выделение блоков (субтестов);
- интеграция индикаторов: построение общего индекса (или типа) в рамках каждого блока. Конечная цель — построение интегрального индекса исследуемого показателя;
- стандартизация шкалы на основе предварительного тестирования группы респондентов: сведение полученных данных к нормальному распределению (по потребности — искусственная нормализация шкалы);
- оценка внутренней согласованности;
- оптимизация методики на основании анализа корреляций между индикаторами: исключение наименее информативных, ранжирование индикаторов по валидности относительно конечного результата;
- вторичная оптимизация: конструирование вариантов методики (модификаций), которые отличаются по объему. Оптимальный по надежности вариант модифицируют в более сжатый, надежность которого ниже, зато объем меньший;
- оценка надежности и валидности всех модифицированных вариантов [155, с. 66].

Анализ особенностей применения тестов как измеряющих методик в социологическом исследовании позволил Н. В. Паниной сформулировать основные принципы выбора из числа уже существующих или конструирования новых

тестов для применения их в массовых опросах во время проведения эмпирического социологического исследования:

– универсальность — методика должна измерять самые существенные индикаторы исследуемого явления, что дает возможность ее использования практически в каждом социологическом исследовании, в котором проводится анализ данного явления;

– интегральность — обоснованное сведение различных измерений разных характеристик исследуемого явления к одному интегральному показателю, что позволит в дальнейшем осуществлять сравнительный анализ в целом, в том числе и типологию по уровню выраженности исследуемого свойства;

– качественность — методику необходимо «паспортизировать» статистическими показателями надежности и валидности;

– стандартизованность — установление «норм» уровня измеряемого параметра, что позволит соотносить полученные в конкретных исследованиях данные с определенными нормами;

– «чувствительность» — шкала интегрального индекса, полученного в результате измерения, должна соответствовать достаточно высокой точности измерения, что дает возможность регистрировать разные по степени проявления изменения в реальном состоянии населения;

– компактность — объем методики должен быть настолько компактным, чтобы ее можно было использовать в массовых опросах, не «перегружая» основного инструментария исследования;

– объективность — латентность цели измерения, которая позволяет в значительной степени избежать умышленной фальсификации респондентом результатов тестирования [155, с. 67].

Таким образом, Н. В. Панина обосновала возможность и необходимость применения тестовых методик в украинском социологическом мониторинге.

Тестовые методики, перечисленные выше, были включены Н. В. Паниной в анкету мониторинга для эмпиричес-

кой оценки тенденций развития украинского общества на базе анализа динамики социально-психологического состояния населения как основы формирования ценностно-нормативной системы.

В качестве концептуальной основы построения показателей ею было принято определение ценностей как «значимости явлений и предметов конкретной социальной действительности с точки зрения их соответствия (или несоответствия) потребностям личности» [147, с. 8].

Изучая аномические реакции населения на социальные изменения, происходившие в Украине, Н. В. Панина разработала целостную систему показателей морального, психического и психологического здоровья:

– *аномическая деморализованность*, которая напрямую связана со стабильностью ценностно-нормативной системы общества;

– *авторитаризм*, т.е. демократические/авторитарные ориентации;

– *социальный цинизм*, характеризующий отношение человека к принятым в обществе социально-нравственным нормам поведения;

– *жизненная удовлетворенность* (интегральная оценка людьми своей жизни в прошлом, настоящем и будущем);

– *тревожность*, позволяющая судить о психофизиологической основе морально-психологического состояния;

– *национально-изоляционистские установки*, позволяющие определить направленность ценностных ориентаций на открытость или закрытость общества;

– *социальное самочувствие*, позволяет анализировать уровень благополучия людей, избегая влияния ситуативных эмоциональных состояний [55, с. 111].

Для измерения этих показателей Н. В. Панина адаптировала и апробировала в условиях трансформирующегося украинского общества уже известные в социологической науке шкалы.

Впервые уровень аномической деморализованности населения Украины был исследован Н. В. Паниной в 1992 году [153].

Для этого была использована *шкала аномии*, являющаяся модифицированным вариантом Anomy Scale Макклоски-Сроула [224]. Среднее значение по девяти пунктам шкалы позволяет построить Индекс аномической деморализованности и измерять «психологическую реакцию людей на социальную ситуацию, когда одна система норм и ценностей, которая объединяет людей в сообщество, разрушена, а другая еще не сформировалась» [40, с. 5].

Уровень распространенности в украинском обществе авторитарных установок, изменение ценностных ориентаций населения в направлении демократического/недемократического выбора позволяет оценить *шкала авторитаризма*. Н. В. Панина адаптировала к украинским условиям 7-пунктный вариант модифицированной California F Scales [214].

Для определения уровня *социального цинизма* в системе тестовых методик украинского мониторинга была применена адаптированная 7-пунктная Scale Cynicism из Миннесотского многоаспектного личностного опросника (MMPI), который был разработан С. Хаттуэйем и Дж. МакКинли в конце 30 – начале 40-х годов (США) [218].

Общий эмоциональный фон жизни человека, его *жизненную удовлетворенность*, преобладание личностного пессимизма или оптимизма в системе тестовых методик Н. В. Панина предложила измерять при помощи сокращенного ею до восьми пунктов теста Хавигхарста-Тобина Index Life Satisfaction. Эта методика при помощи самооценки личностных качеств респондента позволяет провести измерение общего психологического состояния [225]. Н. В. Панина доказала, что данный тест целесообразно «применять при изучении социально-психологических феноменов, так или иначе связанных с анализом психологической адаптированности людей» [137, с. 114]. Данная методика была впервые применена Н. В. Паниной для исследования жизненной удовлетворенности людей пожилого возраста.

Для измерения реактивной (ситуативной) тревожности Н. В. Панина апробировала В-форму *шкалы тревожности* Спилберга (State-Trait Anxiety Inventory), адаптированную

Ю. Л. Ханиным для оценки уровня тревожности как реакции на стрессовые ситуации [199].

В 1990 году Н. В. Панина осуществила апробацию и модификацию методики Э. Богардуса — шкалы социальной дистанции [215]. В украинском мониторинге она получила название *шкала национальной дистанции*. Для того чтобы вопросы опросника адекватно воспринимались украинскими респондентами, были уточнены или смягчены предложенные Э. Богардусом формулировки. Н. В. Панина сконструировала семибалльную шкалу социальной дистанции, которая позволяет определить значение дистанции для представителей различных национальностей от максимальной национальной толерантности до крайней национальной нетерпимости.

По данной шкале рассчитывается Индекс национальной дистанцированности — средний балл по семибалльной шкале социальной дистанции по отношению к представителям каждой национальности (ИНД). Интегральный индекс национальной дистанцированности (ИИНД) рассчитывают как усредненное значение по отношению ко всем национальностям за исключением украинцев, русских и украинской диаспоры [29, с. 4]. Этот индекс позволяет судить о степени национальной отчужденности, национального изоляционизма и распространенности ксенофобии в украинском обществе.

Н. В. Панина придавала особое значение данному показателю. Он дает возможность оценить степень формирования новых идентичностей, степень укорененности новой для постсоветского пространства системы ценностей, способствующей развитию ценностно-нормативной основы демократических преобразований в трансформирующемся обществе [141; 148; 152; 156; 164; 226; 227; 228].

Для изучения общественной атмосферы и особенностей восприятия людьми своего положения в обществе ею были созданы авторские методики, которыми широко пользуются социологи Украины и ближнего зарубежья: «Интегральный индекс социального самочувствия» и «Индекс дестабилизации протестного потенциала».

Как инициатор и ведущий методолог проекта многолетнего мониторинга социальных изменений, осуществляемого Институтом социологии НАНУ, Н. В. Панина в системе показателей мониторинга ключевую роль отводила *индексу социального самочувствия* — его динамике и социально-групповой дифференциации. Она считала, что «социальное самочувствие населения в период глобальной социальной трансформации является наиболее обобщенным индикатором реакции населения на социальные преобразования, с одной стороны, а с другой — предпосылкой (основой) трансформации ценностно-нормативной системы, которое определяет тип формирующегося общества» [28, с. 20].

Подход к изучению социального самочувствия, разработанный Н. В. Паниной, позволяет измерять один из важнейших показателей благополучия людей, избегая влияния ситуативных эмоциональных состояний. Перечень эмпирических индикаторов охватывает одиннадцать основных сфер социальной жизнедеятельности индивида:

- «— Сфера социальных отношений;
- Сфера социальной безопасности;
- Сфера национальных отношений;
- Социально-политическая сфера;
- Профессионально-трудовая сфера;
- Информационно-культурная сфера;
- Рекреационно-культурная сфера;
- Материально-бытовая сфера (1 уровня);
- Материально-бытовая сфера (2 уровня);
- Сфера межличностных отношений;
- Личностная сфера (качества личности)» [28, с. 21–23].

Блага каждой из одиннадцати сфер описывают четыре индикатора, что дает возможность сформировать 44-пунктный опросный лист. Была обоснована достаточность применения 20-пунктного опросного листа в мониторинговых опросах.

Для измерения компонентов социального самочувствия авторы методики сконструировали *шкалу достаточности социальных благ*, которая ранее не была применена ни в

психологических, ни в социологических тестах. Применение математико-статистических процедур, предусмотренных общими правилами обработки тестов, позволило построить Интегральный индекс социального самочувствия. Н. В. Панина провела статистическую оценку надежности и валидности данной тестовой методики и обосновала ее применимость в мониторинговых опросах. Начиная с 1995 года методика измерения социального самочувствия населения Украины была включена в инструментарий мониторинга.

Измерять уровень стабильности системы власти, действующей на момент измерения, то есть во время проведения мониторингового исследования, Н. В. Панина предложила по разработанной ею в 1998 году *шкале социальной напряженности* [161]. Шкала позволяет определять уровень социальной напряженности на основании вычисления Индекса дестабилизационности протестного потенциала (ИДПП). Шкала включает перечень акций социального протеста, среди которых человек отмечает только те, в которых он готов принимать личное участие. Каждая из акций протеста имеет свой коэффициент дестабилизационности, рассчитанный на основании экспертных оценок. Совокупность акций протеста, в которых человек готов принять участие с учетом коэффициента дестабилизационности каждой акции, делает возможным определение ИДПП конкретного человека. «Распространенность в обществе индивидов с его высоким уровнем является показателем социальной напряженности. Этот показатель позволяет судить об уровне стабильности системы власти, действующей на момент измерения» [40, с. 6].

Следует отметить, что показатели и тестовые методики включались в анкету мониторинга не в каждом опросе. На целесообразность использования методик влияла общественная ситуация в Украине. В опросах всех лет применялась шкала жизненной удовлетворенности и с 1995 года — шкала социального самочувствия.

Уже во время проведения пилотного исследования в 1992 году Н. В. Панина совместно с Н. Н. Чуриловым сфор-

мировала репрезентативную выборку. В каждом опросе принимало участие 1800 респондентов, которые репрезентировали взрослое население Украины по полу, возрасту, образованию, типу поселения и области.

По типу построения выборка является трехступенчатой, стратифицированной, случайной, с квотным скринингом на последней ступени. На первой ступени осуществляют отбор населенных пунктов (точек опроса), на втором — отбор адресов (исходных точек маршрута), на третьем — подбор респондентов. Квотный скрининг на последней ступени дает возможность в подвыборках каждой области Украины сохранять пропорции населения по типу поселения (областной центр / город / село), полу, возрасту и уровню образования, характерными для данной области и данного типа населенного пункта. Такой подход позволяет при анализе данных производить перегруппировку областей с целью уточнения региональных особенностей общественного мнения относительно различных актуальных проблем [166, с. 11–13].

Мониторинговый опрос ввиду объемности анкеты Н. В. Панина считала целесообразным проводить методом самозаполнения. Для проведения полевого этапа использовались опросные сети фирмы «Социс» (полевой этап) и Института социологии НАНУ (методика, методология и контроль качества работы на всех этапах опроса).

Презентацию результатов мониторинга Н. В. Панина считала не менее важным этапом, чем проведение самого исследования. Ежегодно информационные материалы представляют в обобщенных по сферам жизнедеятельности блоках, которые содержат индикаторы, отражающие актуальное состояние и тенденции развития украинского общества. Формулировки вопросов, приведенных в таблицах, соответствуют вопросам анкеты, которую заполняют респонденты. Там же содержится полный спектр вариантов ответов, процентное распределение и среднее значение показателей или индекс, рассчитанный на их основе. На основе данных

мониторинга ежегодно публикуются аналитические и информационные материалы, аналитические записки, направляемые в органы власти и управления Украины, проводятся круглые столы и пресс-конференции. Для адекватного отображения материалов социологических исследований вообще и мониторинга в частности Н. В. Панина подготовила специальную брошюру о социологии для журналистов и политиков, которая выдержала уже три издания [135].

По данным 2011 года «результаты исследований изложены в 158 публикациях, в том числе в 32 монографиях, 133 статьях в специализированных журналах, 6 статьях в реферируемых журналах (в том числе 6 зарубежных). Работы авторов процитированы в более чем 176 научных журналах, общий индекс цитирования публикаций составляет 132 (согласно базам данных Scopus), *h*-индексы = 5. По данной тематике защищены 9 докторских и 24 кандидатских диссертаций» [22].

О мировом уровне украинской разработки свидетельствует тот факт, что подобный по масштабности проект — Европейское социальное исследование, к которому социологи Украины присоединились в 2004 году, был основан лишь через десять лет (в 2002 г.) [42, с. 6].

Значение мониторинга общественного мнения, проводимого Институтом социологии НАН Украины на протяжении более чем двадцати лет, для украинской социологической науки трудно переоценить. «Научная методология, применяемая для исследования украинских реалий, отраженных в многолетних эмпирических мониторинговых исследованиях Института социологии НАН Украины, а также в международных сравнительных исследованиях при участии Института социологии, дает возможность получения уже сегодня достоверных знаний об украинском обществе, его состоянии и тенденциях развития, которые имеют не только научный интерес, но и просто являются необходимыми для эффективного управления различными сферами жизни украинского общества» [23, с. 6].

3.3. Анализ изменений социально-психологического состояния населения Украины в ракурсе нормативно-личностной концепции трансформации общества Н. В. Паниной

В рамках нормативно-личностной концепции Н. В. Паниной еще в 1994 году была выдвинута гипотеза, суть которой заключается в том, что в течение трансформационного процесса население Украины все более будет овладевать ценностями, господствующими в развитых европейских странах, будет формироваться интернальный тип личности [140, с. 41], что, в свою очередь, приведет к изменению социальных практик и формированию новой институциональной структуры общества. Для подтверждения этой гипотезы автором монографии был осуществлен анализ социально-психологического состояния населения Украины по данным мониторинга Института социологии НАН Украины [52; 58].

Первая часть исследования проведена к двадцатилетию независимости Украины и основана на материалах мониторинга Института социологии НАН Украины 1992–2010 годов. Была проанализирована динамика основных показателей социально-психологического состояния населения Украины за указанные годы (*табл. 3.1*).

Как было отмечено ранее, аномическая деморализованность населения является реакцией на состояние аномии, характерное для общества, находящегося в состоянии нестабильности. Значение индекса аномической деморализованности от 9 до 12 баллов означает ее повышенный уровень. Значения выше 12 баллов — высокий. На протяжении всех лет наблюдения население демонстрирует высокий уровень аномической деморализованности, наихудший показатель был зафиксирован в 1999 году — 14.0 баллов. Далее наблюдалось постепенное небольшое снижение этого показателя, особенно он снизился в 2005 году на волне надежд, рожденных «оранжевой революцией». Только эконо-

Таблица 3.1
 Социально-психологическое состояние населения Украины

Показатели	1992	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2008	2010
Индекс аномической деморализованности (шкала: 0–18 баллов)	13.6	—	—	—	—	—	14.0	13.8	13.6	—	—	—	12.4	12.7	13.1	12.9
Индекс тревожности (шкала 20–80 баллов)	45.5	—	—	49.3	—	50.7	46.1	—	—	—	—	—	46.0	46.1	45.4	45.5
Жизненная удовлетворенность (шкала 1–5 баллов)	2.7	2.6	2.4	2.3	2.2	2.1	2.2	2.3	2.1	2.4	2.4	2.5	2.7	2.8	2.9	2.9
Индекс дестабилизационности протестного потенциала (ИДПП)	—	3,2	3.2	3.0	2.9	4.2	4.0	3.7	4.6	3.0	—	2.6	4,6	3,7	3,8	4.2
Интегральный индекс национальной дистанции (шкала 1–7 баллов)	—	4.4	—	4.5	—	4.6	4.5	4.7	4.8	5.3	—	5.3	5.3	5.1	5.2	5.2
Интегральный индекс социального самочувствия ИИСС 20 (шкала 20–60 баллов)	—	—	35.1	35.1	34.7	33.7	34,6	34.8	35.0	34.8	35.5	37.3	36.8	38.3	39.4	38.6

мический кризис 2008 года вызвал некоторый его «всплеск», который пошел на спад уже в 2010 году. Данный факт можно интерпретировать как повышение способности населения Украины к организации своей личной жизни в условиях социальной дезорганизации.

Надежду на дальнейшую социальную адаптацию индивидов в украинском социуме дают результаты анализа изменений индекса тревожности, который позволяет измерять функциональное психологическое состояние человека. Индекс тревожности от 31 до 46 баллов считается нормальным, 47–50 баллов — повышенным, высокой тревожности соответствуют значения индекса от 51 до 60 баллов. Анализ показал, что за время наблюдений тревожность возростала в 1992–1998 годах от верхней границы нормальной до практически нижней границы повышенной тревожности. В последующие годы индекс тревожности практически не изменялся, а по данным 2008 и 2010 годов, несмотря на влияние экономического кризиса, этот показатель незначительно снизился, хотя и остался сравнительно высоким.

Не менее важным показателем является уровень жизненной удовлетворенности, имеющий тесную взаимосвязь с личностными качествами, а его изменения происходят под влиянием внешних факторов. Коэффициент корреляции между показателями уровня тревожности и жизненной удовлетворенности равен 0,51 [31, с. 76], что означает высокую степень взаимосвязи. Показатель жизненной удовлетворенности с 1992 года постепенно снижался с 2.7 балла и был самым низким в 1998 году — 2.1 балла. По данным 2008–2010 годов, он вырос почти до среднего значения. Это означает, что население Украины постепенно выходит из состояния безнадежности и социальной депривации.

Основным показателем уровня социальной напряженности выступает «Индекс дестабилизационности протестного потенциала» (ИДПП). «Критическое» его значение равно 4.4 балла, оно «сигнализирует» о готовности населения к массовым акциям протеста. За всю историю мониторинга высокий уровень социальной напряженности наблюдался

дважды: в 1998 году — 4.2 балла — на фоне общего ухудшения социально-экономической ситуации в государстве и в 2005 году — 4.6 балла — под влиянием бурных событий «оранжевой революции». Данные 2010 года говорят о том, что повышение социальной нестабильности до уровня 1998 года обусловлено главным образом экономическими факторами: потерей работы, снижением уровня заработной платы и ее массовой невыплатой, ростом цен на продукты питания и коммунальные услуги и т.д.

Тревожным признаком является существенный рост интегрального индекса национальной дистанции на протяжении всего периода наблюдений. Он отражает тенденцию углубления национального изоляционизма в Украине. По расчетам Е. И. Головахи, которые были сделаны в 2008 году, «общий результат трансформации массового сознания таков, что за годы независимости в Украине удельный вес психологически открытых (толерантных) людей снизился более чем втрое. Особую обеспокоенность вызывает распространение ксенофобных установок: количество их носителей за десять лет (1998—2008. — Т. 3.) возросло в четыре раза» [194, с. 643]. Ситуация в 2010 году не изменилась.

В целом данные, приведенные в таблице 3.1, свидетельствуют о том, что в процессе трансформационных преобразований последнего десятилетия (даже несмотря на влияние экономического кризиса 2008—2010 годов) население Украины продемонстрировало определенный рост общего адаптивного потенциала.

Как было изложено выше, в нормативно-личностной концепции Н. В. Паниной для понимания направления трансформационного процесса необходим анализ динамики социального самочувствия населения Украины [52]. Представленные данные позволяют детально проанализировать изменения социального самочувствия населения Украины за время наблюдений начиная с 1995 года, когда в инструментарий мониторинга была включена методика его измерения. Напомним, что диапазон шкалы социального самочувствия ИИСС-20 — от 20 до 60 баллов, где 40

баллов — среднее значение шкалы (условный нуль). Для определения общего уровня социального самочувствия населения Украины принята такая группировка: значения ниже 37 баллов характеризуют низкий уровень; 37–43 балла — средний; выше 43 баллов — высокий.

Особого внимания требуют данные исследования 1998 года, в котором было зафиксировано самое низкое значение ИИСС за все годы наблюдений — 35.1 балла (коэффициент вариации 0,21). В Украине в 1995–1998 годах не наблюдалось существенных социальных преобразований и принципиальных политических изменений, экономическая ситуация была достаточно сложной: с одной стороны, успех осуществления денежной реформы и введения национальной валюты, с другой — массовые задержки зарплаты и сокращение количества рабочих мест. Нельзя не согласиться с утверждением Н. В. Паниной и Е. И. Головахи, что «даже относительно стабильные социальные условия могут провоцировать определенные массовые реакции, если ситуация в стране постепенно ухудшается или не становится лучше на протяжении длительного периода» [36, с. 414]. Низкое значение индекса социального самочувствия отразило высокую степень дезадаптации населения Украины, которое в массе своей еще не сумело сориентироваться в новых социальных условиях.

Принципиально значимым для анализа является показатель ИИСС, зафиксированный в апреле 2004 года, — 37.3 (коэффициент вариации 0,22). Впервые значение индекса превысило 37 баллов, преодолев нижнюю границу среднего уровня социального самочувствия. Надо отметить, что период с начала 1999 по апрель 2004 года был периодом социально-экономического роста, улучшения материального благосостояния населения, относительно спокойной была политическая ситуация, что позволило населению Украины чувствовать себя более уверенно и постепенно приспосабливаться к условиям жизни в трансформирующемся обществе.

Под противоречивым влиянием событий «оранжевой революции» вместе с повышением протестных настроений

несколько возросла неуверенность и растерянность людей. Как чувствительный барометр ИИСС зафиксировал эти изменения: уровень его снизился до 36.8 балла (коэффициент вариации 0,23). В дальнейшем наблюдался его рост.

Мониторинговое исследование 2008 года проводилось весной, до наступления кризисных явлений, и зафиксировало самый высокий уровень социального самочувствия за все годы наблюдения — 39.4 балла (коэффициент вариации 0,23). Впервые ИИСС вплотную приблизился к среднему значению. В 2009 году, когда экономический кризис уже полгода бушевал в стране, значение ИИСС составило 38.9 (коэффициент вариации 0,22). В апреле 2010 года оно незначительно снизилось до 38.5 (коэффициент вариации 0,23), но так и не опустилось до уровня 2006 года — 38.3 (коэффициент вариации 0,23), что свидетельствовало об усвоении адаптивных навыков значительной частью населения [59].

Противоречивые тенденции социального развития за период наблюдений были отражены в динамике изменений представлений граждан Украины о том, каких именно социальных благ им не хватало (*табл. 3.2*).

Неудачная государственная политика в области здравоохранения, многолетнее его финансирование по остаточному принципу, невозможность получить надлежащую бесплатную медицинскую помощь и необходимые обследования привели к тому, что количество людей, которым не хватает «необходимой медицинской помощи», в 2010 году превышало половину взрослого населения Украины (хотя и снизилось за период наблюдений на 17%). Почти половина респондентов (46,5%) тогда же ответили, что им не хватает здоровья. Этот показатель почти не изменился на протяжении всех лет наблюдения, что говорит о необходимости кардинальных изменений в социальной политике государства.

На состояние здоровья населения Украины также негативно влияет тот фактор, что вследствие материальных трудностей люди не имеют «возможности полноценно проводить отпуск» (58,8% в 2010 году, улучшение относительно самого

«тяжелого» 1998 года только на 10%). На состояние здоровья населения Украины влияет плохое питание. В 1998 году 77,2%, а в 2010 году — половина населения не имела возможности «питаться в соответствии со своими вкусами». Улучшение существенное, но и последний показатель свидетельствует о невозможности обеспечения нормального питания для половины населения Украины. Кроме того, треть населения в 2010 году (улучшение относительно 1998 года вдвое, но тогда люди вообще были на грани выживания) даже не имели «возможности приобретать необходимые продукты».

С 1995 года практически не изменилась ситуация с обеспечением потребностей населения в правовой защите: около половины граждан отмечали, что им не хватает юридической помощи в защите своих прав и интересов. По сравнению с 1995 годом сократилась доля людей, которым не хватало «современных политических знаний». Почти четверть респондентов отмечали, что их это не интересует.

Анализ показал, что самой основной неудовлетворенной потребностью населения Украины являлся недостаток надлежащей работы: только в 2008 году наблюдалось некоторое снижение напряженности этой потребности. Было выявлено, что многие люди не имели возможности «работать с полной отдачей». Это связано прежде всего с тем, что вследствие нестабильности на рынке труда в случае сокращений работники вынуждены трудиться не по специальности или призванию, а там, где нашли работу, даже такую, которая не соответствует их квалификационному уровню. Много также людей, которые хотели бы, но не могут иметь дополнительный заработок.

К сожалению, ситуация с дополнительной работой остается напряженной в течение всего периода наблюдений. Можно сделать вывод, что, несмотря на некоторую стабилизацию в 2010 году экономической ситуации в стране, рынок труда находится в состоянии депрессии, которая обусловлена значительной недостаточностью рабочих мест.

Жизнь в период трансформационных изменений является лучшим «учителем» в области формирования взвешенных

Таблица 3.2

Процент граждан Украины, которым не доставало
 определенных социальных благ в 1995–2010 годах

<i>Чего из перечисленного ниже Вам не хватает?</i>	1995	1998	2000	2004	2005	2008	2010
Умения жить в новых общественных условиях	46,9	45,5	43,2	38,3	35,2	34,9	33,2
Здоровья	48,3	56,8	52,0	49,0	51,3	45,8	46,5
Подходящей работы	41,5	54,8	56,0	45,5	45,9	37,0	46,5
Необходимой одежды	48,3	46,6	43,7	32,3	31,1	21,0	23,7
Хорошего жилья	43,2	39,4	35,4	36,3	40,9	34,1	35,1
Современных экономических знаний	46,7	44,2	42,3	46,3	46,3	38,2	38,5
Уверенности в собственных силах	30,6	33,5	34,7	29,9	33,8	29,7	28,2
Необходимой медицинской помощи	69,2	62,8	61,9	55,8	58,8	48,4	52,1
Модной и красивой одежды	48,8	48,7	44,0	41,3	38,5	32,3	35,6
Необходимой мебели	42,2	37,6	32,0	33,0	35,2	27,0	27,4
Современных политических знаний	31,9	33,6	28,7	34,6	31,2	27,5	24,7
Решительности в достижении своих целей	27,7	31,1	31,2	29,2	30,9	27,2	27,9
Юридической помощи в защите своих прав и интересов	51,9	52,4	50,0	57,2	51,3	48,4	49,4
Возможности полноценно проводить отпуск	60,1	68,0	63,6	59,0	59,9	53,6	58,8
Возможности иметь дополнительный заработок	40,9	55,6	55,9	39,3	47,6	41,8	47,2
Возможности приобретать самые необходимые продукты	52,8	60,6	57,8	37,4	43,6	32,2	32,4
Инициативы и самостоятельности в решении жизненных проблем	27,9	24,5	27,8	22,7	26,3	22,4	23,9
Полноценного досуга	46,5	53,3	51,9	44,9	46,1	44,1	45,7
Возможности работать с полной отдачей	35,0	44,5	45,5	30,2	32,2	27,1	32,7
Возможности питаться в соответствии со своими вкусами	66,4	77,2	72,8	61,1	63,0	48,9	49,8

материальных потребностей. Безусловно, материальное положение жителей Украины улучшилось за годы независимости, но и люди под давлением обстоятельств научились соотносить желания и возможности, формировать так называемый отложенный спрос: в кризисный период существенно сократилось количество людей, которым недоставало «хорошего жилья», «необходимой одежды», «модной и красивой одежды», «необходимой мебели».

Вместе с тем наблюдается постепенное приспособление населения к жизни в рыночных условиях. О позитивных последствиях трансформационных процессов, которые медленно, но идут в нашем государстве, свидетельствует повышение инициативности населения; можно говорить и о снижении патерналистских настроений. На 13,7% по сравнению с 1995 годом уменьшился удельный вес людей, которым не хватает «умения жить в новых общественных условиях». Люди стали более образованными: за этот период на 8,2% сократилось количество тех, кому не хватает «современных экономических знаний».

Вторая часть исследования проводилась с использованием материалов мониторинга Института социологии НАН Украины 1992–2012 годов. Целью исследования была проверка гипотезы о степени влияния на социальное самочувствие населения социально-экономического кризиса и изменений в нормативной сфере жизни украинского общества в период трансформации.

Новым Президентом Украины в 2010 году был задекларирован курс на проведение масштабных общественно-экономических реформ. Едва адаптировавшись к прежним «правилам игры», еще не оправившись от экономического кризиса и его последствий, население вынуждено было снова приспособляться.

О дезориентированности населения в нормативно-правовом поле свидетельствует небольшое, но повышение Индекса аномической деморализованности населения. Если в 2010 году он имел значение 12.9, то в 2012 году вырос до 13.3, почти до уровня 2001 года — 13.6 балла.

Наиболее чувствительным показателем степени влияния социальных изменений на население страны, как известно, является индекс социального самочувствия. Данные первой части исследования позволяли сделать вывод о том, что экономический кризис не привел к резкому падению значения ИИСС, что свидетельствовало об усвоении адаптивных навыков значительной частью населения. Данные второй части исследования свидетельствуют о том, что эти навыки еще не приобрели устойчивый характер: в 2012 году ИИСС был равен 37,4 балла (коэффициент вариации 0,24). Мы наблюдаем его падение до уровня 2004 года — 37,3 балла (коэффициент вариации 0,22), когда он впервые преодолел нижнюю границу среднего уровня социального самочувствия.

Об ухудшении социального самочувствия населения Украины в период масштабного реформирования в важных сферах жизнедеятельности свидетельствуют данные, приведенные в *табл. 3.3*, где современная ситуация с удовлетворением конкретных социальных потребностей людей сравнивается с результатами опроса о недостаточности социальных благ в 2008–2010 годах.

Хронически неудовлетворенной потребностью населения Украины является недостаток подходящей работы: за 2008–2012 годы процент людей, которым ее не хватало, вырос на треть. Мы видим, что кризис 2008–2010 годов имел более весомое влияние на этот показатель, чем время реформ. Официальный уровень безработицы по данным Госкомстата Украины составил на апрель 2012 года 1,7%. Он сократился по сравнению с началом 2011 года на 0,5%. Но большинство тех, кому недоставало работы, — это работники рынков, массово закрывающихся под давлением супермаркетов, это малые предприниматели, обанкротившиеся вследствие сокращения покупательной способности граждан, строители и ремонтники. Они, как правило, не регистрируются в центрах занятости. Если во время кризиса существенно возросло количество людей, не имеющих возможности «работать с полной отдачей», то в ходе реформ она тоже выросла, но «всего» на 2,5%.

Таблица 3.3
Процент граждан Украины, которым не доставало
определенных социальных благ в 2008–2012 годах

<i>Чего из перечисленного ниже Вам не хватает?</i>	<i>2008</i>	<i>2010</i>	<i>Разница процентов 2008–2010</i>	<i>2012</i>	<i>Разница процентов 2010–2012</i>	<i>Разница процентов 2008–2012</i>
Умения жить в новых общественных условиях	34,9	33,2	1,7	32,3	0,9	2,6
Здоровья	45,8	46,5	–0,7	50,1	–3,6*	–4,3**
Подходящей работы	37,0	46,5	–9,5**	48,7	–2,2	–11,7**
Необходимой одежды	21,0	23,7	–2,7	24,1	–0,4	–3,1*
Хорошего жилья	34,1	35,1	–1,0	39,0	–3,9*	–4,9**
Современных экономических знаний	38,2	38,5	–0,3	39,7	–1,2	–1,5
Уверенности в собственных силах	29,7	28,2	1,5	34,7	–6,5**	–5,0**
Необходимой медицинской помощи	48,4	52,1	–3,7*	57,7	–5,6**	–9,3**
Модной и красивой одежды	32,3	35,6	–3,3*	36,4	–0,8	–4,1**
Необходимой мебели	27,0	27,4	–0,4	29,0	–1,6	–2,0
Современных политических знаний	27,5	24,7	2,8	29,4	–4,7**	–1,9
Решительности в достижении своих целей	27,2	27,9	–0,7	33,9	–5,0**	–5,7**
Юридической помощи в защите своих прав и интересов	48,4	49,4	–1,0	54,8	–5,4**	–6,4**
Возможности полноценно проводить отпуск	53,6	58,8	–5,2**	60,9	–2,1	–7,3**
Возможности иметь дополнительный заработок	41,8	47,2	–5,4**	51,3	–4,1*	–9,5**
Возможности приобретать самые необходимые продукты	32,2	32,4	–0,2	32,0	0,4	0,2
Инициативы и самостоятельности в решении жизненных проблем	22,4	23,9	–1,5	28,8	–4,9**	–6,4**
Полноценного досуга	44,1	45,7	–1,6	47,5	–1,8	–3,4**
Возможности работать с полной отдачей	27,1	32,7	–5,6**	35,2	–2,5	–8,1**
Возможности питаться в соответствии со своими вкусами	48,9	49,8	–0,9	52,1	–2,3	–3,2

* — разница процентов значима на уровне 5%;

** — разница процентов значима на уровне 1%.

Людей уже меньше интересует удовлетворение от работы, главное, чтобы был дополнительный заработок. Во время экономического кризиса потребность в нем возросла существенно — на 5,6%, но и времена реформ стали не лучшими в этом смысле: количество желающих иметь дополнительный заработок выросло еще на 4,1%. Данный факт косвенно свидетельствует о повышении инициативности населения, можно говорить о некотором снижении патерналистских настроений.

Увеличилось количество рядовых граждан, которым не хватало материальных благ. Во время кризиса большими темпами увеличивалась доля людей, которым не хватало «модной и красивой одежды», а 23,7% людей не доставало даже необходимой одежды. В 2012 году зафиксирован существенный рост количества респондентов, которым не хватало хорошего жилья (39% по сравнению с 35,1% в 2010 году), и на 1,6% возросло количество тех, кому не хватало необходимой мебели.

Количество людей, которым не хватает «необходимой медицинской помощи», за годы кризиса, увеличилось на 3,7%. Резкий рост цен даже на доступные когда-то лекарства, недостаток вакцин для плановой вакцинации новорожденных, дальнейшее развертывание эпидемии туберкулеза, отсутствие медикаментов, шприцов, систем переливания крови в больницах на фоне постоянных разговоров о страховой медицине в планах реформирования медицинской отрасли привели к тому, что во время реформирования страны 57,7% граждан испытывали недостаток необходимой медицинской помощи. Если в 2010 году почти половина респондентов (46,5%) ответили, что им «не хватает здоровья», а этот показатель мало изменился на протяжении всех лет наблюдения, то в 2012 году оно ухудшилось существенно — до 50,1%, что говорит о необходимости кардинальных изменений в социальной политике государства.

На состояние здоровья населения Украины также негативно влияет тот фактор, что вследствие материальных трудностей люди не имеют «возможности полноценно проводить

отпуск» (существенное ухудшение за два года кризиса на 5,2% и при проведении реформ — еще на 2,1 %) и половина населения не может «питаться в соответствии со своими вкусами», а треть по-прежнему не имеет «возможности приобретать необходимые продукты».

Если в 2010 году было зафиксировано, что за период наблюдений, а именно с 1995 года, практически не менялась ситуация с обеспечением потребностей населения в правовой защите: около половины граждан отмечали, что им не хватало юридической помощи в защите своих прав и интересов [59, с. 252], то при реформировании правовой системы (новый Налоговый кодекс, пенсионная реформа, необходимость решения многих вопросов путем обращения в суд или в нотариат) существенно, до 54,4%, выросла доля респондентов, которым не хватало юридической помощи в защите своих прав и интересов.

О некоторой растерянности населения в понимании политической ситуации в стране свидетельствует и существенный, на 4,7% по сравнению с 2010 годом, рост числа людей, которым не хватает современных политических знаний. Ранее было зафиксировано, что в 2010 году доля таких респондентов по сравнению с 2008 годом сократилась на 2,8%.

Вместе с тем наблюдается постепенное приспособление населения к жизни в рыночных условиях, даже во время кризисного состояния общества и его реформирования: в последние пять лет уменьшается удельный вес людей, которым не хватает «уверенности в собственных силах». Пока этот процесс не является статистически значимым, но тенденция уже четко сформирована.

Новые условия хозяйствования в период проведения реформ вызвали увеличение числа граждан, которым не хватает «современных экономических знаний». Но о том, что население сейчас находится в состоянии неопределенности и дезадаптированности, свидетельствуют данные о резком росте в 2012 году (на 6,5%) количества респондентов, которым не хватает «уверенности в собственных силах». Данные 2008 и 2010 годов зафиксировали, что этот показа-

тель медленно, но уменьшается, что вместе с другими показателями позволяло положительно оценивать последствия трансформационных процессов, говоря о формировании личностных качеств нового, интернального типа.

Дезориентация в современных общественных практиках вследствие резкого изменения законодательной базы и условий хозяйствования привела к значительному увеличению количества людей, которые испытывают недостаток инициативности и самостоятельности в решении жизненных проблем.

Известно, что структура социальных потребностей, дефицит в обеспечении которых испытывает население, в значительной степени зависит от принадлежности к социально-демографической группе. Задачей второй части исследования было выявить, какие категории населения Украины наиболее уязвимы при реформировании общества. Полученные данные приведены в *таблице 3.4*.

Предыдущие исследования позволяют утверждать, что разрыв между самочувствием украинских мужчин и женщин на протяжении всех лет наблюдения не сокращается [57, с. 95]. По данным 2012 года, оно пропорционально снизилось по сравнению с данными исследования 2010 года. Но социальное самочувствие мужчин до сих пор находится в пределах средних значений, социальное самочувствие украинских женщин ухудшилось, опустившись ниже границы плохого самочувствия, и составляет 36.6 балла. Это, по нашему мнению, объясняется тем, что женщины в украинском обществе традиционно более ответственно относятся к проблемам своих детей, которые обострились в результате реформирования системы образования и отсутствия надлежащего медицинского обслуживания. Большинство женщин в возрасте 35–40 лет не выдерживают конкуренции на рынке труда, а старшие испытали разочарование вследствие внедрения нового пенсионного законодательства и повышения пенсионного возраста. Если рассматривать уровень удовлетворения социальных потребностей в зависимости от возраста, то следует отметить, что кризис не привел к такой

Таблица 3.4

Значение ИИСС-20 для различных категорий населения Украины

<i>Категории населения</i>	<i>2010</i>	<i>2012</i>
Население Украины	38.6	37.4**
<i>Пол</i>		
мужчины	39.6	38.3**
женщины	37.8	36.6**
<i>Возраст</i>		
до 30	39.4	38.1**
30–55	38.4	37.7*
56 и старше	38.2	36.3**
<i>Семейное положение</i>		
никогда не состоял(а) в браке	39.9	38.4**
состою в зарегистрированном браке	38.8	37.9**
состою в фактическом, незарегистрированном браке	38.0	36.4**
разведен(а) официально	37.5	36.2**
расстался(ась), хотя официально не разведен(а)	38.2	35.0**
вдовец (вдова)	37.2	35.6**
<i>Образование</i>		
начальное, неполное среднее	37.2	35.7**
среднее общее	38.5	37.0**
среднее специальное (техникум, училище, колледж)	38.3	37.5**
первая ступень высшего образования (бакалавр)	38.7	38.3
высшее образование (специалист, магистр, аспирантура, ученая степень)	41.9	40.7**
<i>Национальность</i>		
украинец	38.4	37.1**
русский	39.4	38.9
другая	39.5	37.0**
<i>Место жительства</i>		
Киев	39.9	40.4
большой город	39.4	38.3**
небольшой город	39.3	37.1**
село	36.9	36.2*

* – разница баллов значима на уровне 5%;

** – разница баллов значима на уровне 1%;

наполненность групп соответствует репрезентативной выборке.

значительной дифференциации, которая наблюдалась во время реформирования. При общем существенном снижении социального самочувствия пожилые люди в силу возрастных особенностей острее отреагировали на этот процесс по сравнению с молодежью и гражданами средней возрастной категории.

В основных поселенческих группах социальное самочувствие изменилось во время кризиса и реформирования по-разному. Показатель ИИСС киевлян даже незначительно вырос потому, что они, по сравнению с жителями других регионов, в массе своей более образованны, имеют квалифицированную работу и высокую зарплату, более комфортные условия жизни и возможность полноценного культурного досуга. Если во время кризиса отмечалось, что только жители села «выпадают» за границу среднего уровня ИИСС, а все остальные имеют его на примерно одинаковом уровне, то в 2012 году наблюдается его существенное снижение даже у жителей больших городов. Совсем до верхней границы плохого самочувствия ухудшилось самочувствие жителей небольших городов. Отсутствие кредитования, высокие цены на удобрения, топливо и низкие закупочные цены на продукцию сельского хозяйства, отток в города работоспособных и предприимчивых людей привели к значительному снижению социального самочувствия жителей села.

Также был проанализирован уровень социального самочувствия населения Украины в зависимости от семейного положения. Его снижение в 2012 году по всем категориям граждан выявилось существенным. Хуже всего себя чувствовали люди одинокие: вдовцы (вдовы), разведенные официально и неофициально, даже те, которые никогда не состояли в браке, хотя их положение оказалось не таким тяжелым. Наименьший относительный уровень снижения самочувствия наблюдался у респондентов, состоявших в зарегистрированном браке. Можно сделать вывод о том, что традиционные ценности украинской семьи позволяют людям чувствовать себя более комфортно, более защищенно в семейном кругу.

Уровень образования существенно влияет на социальное самочувствие людей при кризисных состояниях в обществе. Во время реформ также наблюдается его значительное снижение, особенно у людей, которые имеют начальное и неполное среднее образование. Известно, что это в основном жители села пожилого возраста и молодежь, которая не уверена в своем будущем. Даже у специалистов высшей квалификации, несмотря на то что их сокращают в последнюю очередь, большинство из них работает в государственном непромышленном секторе (преподаватели, ученые, управленцы), где пока ситуация не такая тяжелая, как в сфере бизнеса и производства, уровень социального самочувствия значительно снизился, но находится на «твердой» средней позиции.

Если в предыдущие годы национальность граждан Украины практически не влияла на уровень их самочувствия [59], то данные опроса 2012 года выявили тревожную ситуацию. Неожиданно резким оказалось падение социального самочувствия украинцев и людей других национальностей по сравнению с социальным самочувствием россиян. Экономический кризис хотя и привел к снижению уровня социального самочувствия почти всех категорий населения Украины, но уровень снижения ИИСС был не такой катастрофический, как в ходе реформирования страны. Оказалось, что люди за время длительного трансформационного процесса, идущего в государстве уже почти двадцать лет, приобрели навыки жизни в рыночных условиях и частично лишились патерналистских настроений. Более существенно на снижение уровня социального самочувствия повлиял не экономический кризис, а неопределенность «правил игры» и необходимость снова и снова адаптироваться к новым нормам. Для населения, на наш взгляд, реформирование проходило бы не так болезненно, если бы наряду с реформами внедрялись постепенные, понятные для населения изменения в социальной политике.

Анализ изменений социально-психологического состояния населения Украины в ракурсе нормативно-личностной

концепции трансформации общества подтверждает тезис Н. В. Паниной о том, что во время неопределенности в процессе социальной адаптации на первый план выходят личностные качества человека. Наблюдается тенденция к изменению базисного типа личности, растет (но еще пока не доминирует) доля интерналов — людей, готовых брать на себя ответственность за то, как складывается их жизнь, в меньшей степени зависящих от внешних обстоятельств. Осуществленный анализ показал, что трансформационный путь Украины можно условно разделить на два этапа: до 1998 года наблюдался распад нормативно-ценностной системы, следствием которого явилось ухудшение всех показателей, описывающих социально-психологическое состояние общества. В конце 1990-х годов стала наблюдаться тенденция к стабилизации общественной жизни и постепенной социальной адаптации значительной части населения. В общем можно рассматривать 1990-е годы как период массовой дезадаптации, а 2000-е — как период постепенной, во многом непоследовательной и противоречивой адаптации. Исследование показало, что на социально-психологическое состояние населения, а значит и на процесс адаптации в трансформирующемся обществе, проявления экономического кризиса оказывают меньшее влияние, чем изменения нормативной составляющей общественной жизни. Исходя из концепции регулятивных механизмов стабильного общества, предложенной Н. В. Паниной, сегодня еще нельзя говорить о последовательности и необратимости демократических социальных преобразований в Украине.

Раздел 4

Сравнительный анализ концепций постсоветской трансформации общества Т. И. Заславской и Н. В. Паниной

В рамках современного социологического дискурса считается возможным проведение сравнительного анализа концепций общественной трансформации, которые были созданы в разных парадигмах. По мнению российского социолога А. Б. Гофмана, для истории социологии «характерна множественность парадигм, их одновременное сосуществование и борьба. Научное сообщество разделено на направления, течения, школы, сторонники которых привержены различным парадигмам. Но и в этих условиях оно объединяется некоторыми общими научными представлениями, которые все-таки позволяют говорить о нем, собственно, как о сообществе» [41, с. 16].

В мировом социологическом сообществе особое место занимали социологи СССР, которых формально объединяла господствовавшая идеология, а фактически — стремление выйти за ее пределы, используя идеологически нейтральную методологию эмпирических исследований. Именно в этом прежде всего обнаруживается общность подходов Т. И. Заславской и Н. В. Паниной к изучению общества и процессов его постсоветской трансформации.

Следует отметить, что постсоветские социологи в первые годы становления независимых государств, образованных на руинах СССР, находились в более выгодном положении, чем их западные коллеги-транзитологи, поскольку становление их теоретических взглядов было свободно от давления авторитетов, чьи признанные в мировом социологическом сообществе концепции были основаны на изучении социальных реалий, крайне далеких от постсоветской действительности. Поскольку же в годы перестройки Т. И. Заславская, как руководитель ВЦИОМ, и Н. В. Панина, как ведущий научный сотрудник его Центрально-Украинского отделения, уже имели базу данных многочисленных эмпирических исследований по различным аспектам социальных трансформаций, они могли разрабатывать свои собственные концепции с учетом уникального социального опыта институциональных, структурных и социально-психологических изменений, происходивших в конце 80 — начале 90-х годов прошлого столетия. Два этих обстоятельства (теоретическая независимость и эмпирическая оснащенность) в случае Т. И. Заславской и Н. В. Паниной дополнялись личностными качествами исследователей — последовательностью в реализации избранных направлений концептуализации исследуемых социальных феноменов. В результате были разработаны концепции постсоветских социальных трансформаций, хотя и имеющие разные теоретические основания, но во многом взаимопересекающиеся и взаимодополняющие.

4.1. Общее и особенное в деятельностно-структурном (Т. И. Заславская) и нормативно-личностном (Н. В. Панина) подходах к изучению трансформационных процессов

Авторы анализируемых в монографии концепций сами определили, в рамках каких социологических парадигм они были созданы. Т. И. Заславская разработала деятельностно-структурную концепцию социетальной трансформации рос-

сийского общества [86]. Н. В. Панина отмечала, что «на основе фундаментальных положений структурно-функциональной социологии (Т. Парсонс, Р. Мертон и др.), с одной стороны, и нашего многолетнего изучения связей между социальным статусом (его формированием, достижением, изменениями) и их социально-психологическим состоянием — с другой, нами разработана концептуальная модель ценностно-нормативной регуляции социального поведения людей и особенностей детерминации их психологического состояния в условиях стабильного и нестабильного общества» [147, с. 6].

Сравнительный анализ таких разных, на первый взгляд, социологических подходов к изучению трансформационных процессов, происходящих в постсоветской Украине и России, следует начать с выявления общего и особенного в исторических предпосылках их возникновения и развития.

Следует отметить, что общим в научной биографии Т. И. Заславской и Н. В. Паниной являлось то, что они начинали свою деятельность не как профессиональные социологи. Как было указано в разделе 2, Т. И. Заславская начала научную карьеру как специалист в области изучения экономических проблем аграрного сектора, ее работы по развитию экономической теории развития советского общества получили всеобщее признание. Она явилась родоначальником экономической социологии в СССР, что во время «перестройки» послужило отправным пунктом к разработке концепции социетальной трансформации постсоветского российского общества, которую можно рассматривать как общую модель посткоммунистического трансформационного процесса во всех странах бывшего «соцлагеря». Первые научные работы Н. В. Паниной, как отмечалось в предыдущем разделе монографии, были посвящены исследованию проблемы адаптации людей пожилого возраста к статусу пенсионера. В этих работах существенное место занимал анализ личностных и социально-психологических факторов адаптации. Благодаря такому подходу Н. В. Панина смогла раскрыть механизм социальной адаптации с учетом,

с одной стороны, общесоциальных и групповых воздействий на личность (социальных ожиданий) и особенностей психологии людей, переживающих сложный период принципиального изменения статуса и круга исполняемых ролей, — с другой. Для изучения этого сложного явления она применяла методы психологического тренинга в группах пожилых людей, данный опыт был использован и при осуществлении массовых опросов, результаты которых предшествовали кристаллизации основных положений нормативно-личностной концепции на основе изучения причин и характера адаптивного поведения населения Украины в период постсоветских социальных изменений. Оба исследователя привнесли в социологию особые подходы, характерные для смежных общественных наук.

Общим в предпосылках развития данных концепций является и то, что обе они зарождались во время изучения авторами стабильного советского общества, что в дальнейшем позволило осуществлять сравнительный анализ состояния общества на различных этапах его трансформации. Совпадают и временные рамки работы авторов над анализируемыми концепциями.

Т. И. Заславская и Н. В. Панина были инициаторами мониторинговых исследований в России и Украине. Благодаря организаторским способностям и личному авторитету Т. И. Заславской в 1988 году был создан ВЦИОМ, под ее руководством работала группа ученых, которые разработали методику и методологию проведения мониторинговых опросов в России. Н. В. Панина лично разработала методику и методологию проведения украинского мониторинга, пилотное исследование было проведено под ее руководством в 1992 году на базе Института социологии НАН Украины. Мониторинговые исследования послужили не только эмпирическим источником изучаемых концепций трансформации постсоветских обществ, но и явились надежной базой для их апробации и верификации.

Оба ученых уделяли внимание принципам разработки программы социологического исследования. Т. И. Заслав-

ская разработала программу проведения конкретного социологического исследования на примере трудовой мобильности. Н. В. Панина написала первый в Украине учебник «Технология социологического исследования», на котором воспитано не одно поколение социологов в Украине.

В трудах Т. И. Заславской и Н. В. Паниной неоднократно акцентировалось внимание на важности научной разработки репрезентативной выборки социологического исследования. Н. В. Панина совместно с Н. Н. Чуриловым разработала выборку мониторингового исследования в Украине, которая уже более двадцати лет является неизменной.

Проблемы развития социологии, роль социологов в преобразовании российского и украинского общества, социологическая культура были в центре внимания Т. И. Заславской и Н. В. Паниной [54; 74; 79; 80]. Критерием социологической культуры они считали не только бережное и вдумчивое отношение к социологической классике, но и поиск возможности ее развития с учетом конкретных условий жизнедеятельности российского и украинского обществ, их социокультурных и социоструктурных изменений. Велик вклад Т. И. Заславской и Н. В. Паниной в институционализацию социологической науки в России и Украине: первая являлась вице-президентом, а затем и президентом Советской социологической ассоциации (1972–1986, 1986–1991 годы). Н. В. Панина была председателем комиссии по профессиональной этике Социологической ассоциации Украины. Она разработала действующий в настоящее время Кодекс профессиональной этики социолога, утвержденный V Съездом САУ в 2004 году [104; 149].

В определении, какой именно процесс наблюдается в России и Украине, у Т. И. Заславской и Н. В. Паниной не было расхождений: происходит постсоветская трансформация общества. Определяя процесс социальных изменений в странах бывшего соцлагеря, они обе употребляли термин «посткоммунистический». Если Н. В. Панина под этим термином понимала географическое пространство, то Т. И. Заславская придавала ему политическую окраску, указывая,

что общим для этих стран была власть коммунистических партий.

В социологической науке существуют различные классификации теорий в зависимости от методологических принципов исследования социальной реальности. По мнению Ж. Т. Тощенко, «структура социологического знания может рассматриваться, во-первых, как теоретическая и эмпирическая социология, во-вторых, как фундаментальная и прикладная, в-третьих, по объектно-предметному принципу» [192, с. 11], то есть как макро- и микросоциология. Сравнение нормативно-личностной концепции трансформации украинского общества Н. В. Паниной и деятельностно-структурной концепции социетальной трансформации российского общества Т. И. Заславской по данным признакам позволяет сделать выводы, изложенные ниже.

Известно, что в социологии существуют социоцентрический и антропоцентрический (гуманитарный) подходы к изучению социальных явлений. Нормативно-личностная концепция Н. В. Паниной является примером антропоцентрического подхода: отправным ее пунктом выступает индивид, совокупность индивидов, способы и степень успешности их адаптации к трансформационному процессу в условиях тотальной аномии. Изменение же социальной реальности в данной концепции рассматривается как результат осмысленных социальных действий индивидов, обусловленных их социально-психологическими и психическими качествами. Структурно-деятельностная концепция Т. И. Заславской также является антропоцентрической: на макро-, мезо- и микроуровнях трансформационного процесса действуют соответствующие акторы. Их действия в разной степени влияют на ход изменений, являясь одновременно их причиной и следствием. Человек (актор, индивид) рассматривается как ресурс общественного развития и как носитель человеческого потенциала, развитие которого в концепции Т. И. Заславской является импульсом общественных изменений. Расположение акторов на перекрещивающихся между собой уровнях «следует понимать как попытку соединить

общесоциетальный, институциональный и собственно социологический или даже социально-психологический подходы» [97, с. 98]. В то же время в концепции Т. И. Заславской можно обнаружить и признаки социоцентрического подхода: в трансформационном процессе «функционирование социальных механизмов регулируется, с одной стороны, соответствующими общественными институтами (формальными и неформальными правилами игры), с другой — социальным статусом и культурными особенностями акторов: органов управления, организаций, групп, индивидов (интересами и возможностями игроков» [76, с. 8].

В разделе 2 было уточнено, что Т. И. Заславская в своей концепции предложила оригинальную схему осмысления посткоммунистических трансформаций, ею были разработаны базовые понятия концепции, такие как «социальная трансформация», «социальный механизм трансформации общества», «социально-трансформационная структура общества», «трансформационная активность», «инновационно-реформаторский потенциал общества». Социетальная трансформация общества, согласно концепции Т. И. Заславской, реализуется через изменения системы базовых общественных институтов, социальной структуры и человеческого потенциала. Эти три компонента взаимосвязаны сложными социальными механизмами: изменение одного приводит к неизбежному изменению двух других, а так как предметом макросоциологии является анализ общества в целом, социальных систем, социальных структур и институтов, массовых социальных процессов, то очевидно, что концепция социетальной трансформации общества Т. И. Заславской относится к разряду макроконцепций. В то же время микроконцептуализация развития отдельных составляющих трансформационного процесса подтвердила основополагающее значение возрастания человеческого потенциала для позитивного развития социальных изменений российского общества.

Микросоциология исследует поведение индивидов, мотивацию их индивидуальных действий и взаимодействия в

группах, организациях, обществе, социально-психологические реакции на социальные изменения, межличностные отношения. Следовательно, нормативно-личностная концепция постсоветской трансформации украинского общества Н. В. Паниной относится к микросоциологическим концепциям и теориям. Это ни в коей мере не умаляет ее значения, так как к этому уровню социологического знания относятся теории социального обмена, символического интеракционализма, этнометодология и другие известные концепции и теории. Более того, существует мнение, что предметная область микросоциологии, то есть «реальное, живое сознание и поведение — самые «богатые» по своим проявлениям общественные процессы. Фактически они отражают на эмпирическом уровне состояние общественного сознания и общественной деятельности в целом во всем его многообразии, противоречивости, случайности и необходимости. Именно они выступают чутким показателем состояния, хода развития и функционирования общественных процессов. Поэтому их исследование представляет важный инструмент для принятия научно обоснованных решений во всех без исключения сферах общественной жизни — от экономической до духовной» [193]. В настоящее время наблюдается сближение макро- и микросоциологии, что возводит социологическое знание на качественно новый уровень. «Микроуровень, уровень социального взаимодействия рядовых граждан становится ареной большой истории. Каждый же из участников взаимодействия способен повлиять на его ход и тем самым изменить направление социального процесса. Социология в этих условиях из науки, изучающей макроструктуры общества, становится областью исследования механизма складывания социального процесса в переплетении бесчисленных линий взаимодействия конкретных индивидов» [107, с. 29].

Принято считать, что макросоциология тесно связана с теоретическим уровнем социологического знания, в то время как микросоциология — с эмпирическим, прикладным его уровнем. Из приведенных выше примеров следует, что наи-

более известные микросоциологические теории, основанные на эмпирических материалах, содержат глубокие теоретические выводы. И наоборот: создание макросоциологических теорий чаще всего сопровождается эмпирическими исследованиями. В двух предыдущих разделах монографии был сделан акцент на роли и значении эмпирических исследований в создании концепций трансформации общества Т. И. Заславской и Н. В. Паниной. Было показано, что основные идеи этих концепций зародились на основе анализа данных эмпирических исследований. Наиболее значимые теоретические выводы данных концепций прошли апробацию и верификацию в ходе эмпирических исследований. Можно сделать вывод о том, что деятельностно-структурная концепция социетальной трансформации российского общества Т. И. Заславской и нормативно-личностная концепция трансформации украинского общества Н. В. Паниной относятся одновременно к теоретическому и эмпирическому уровню социологического знания.

Концепцию социетальной трансформации общества Т. И. Заславской по классификации П. Штомпки можно рассматривать как объяснительную. Разрабатывая подобную теорию «исследователи-эмпирики больше не ограничиваются поиском фактов и сбором данных, а предлагают *модели генерализации* в своих областях, сформированные путем накопления исследовательских данных: теории девиантности, коллективное поведение, социальные движения, этничность, СМИ, социальный капитал, постматериалистические ценности и т.д.» [209, с. 67].

В то же время концепцию Н. В. Паниной можно отнести к аналитическим, которые, по определению П. Штомпки, «соединяют теорию и эмпирию путем продуцирования гипотез и обобщения понятий, типологизируют, классифицируют, играют вспомогательную, инструментальную роль» [209, с. 69].

Следует отметить, что социетальные концепции, к которым относится концепция социетальной трансформации российского общества Т. И. Заславской, отличаются от про-

чих тем, что не представляется возможным целиком операционализировать *все* основные положения и понятия. Операционализации поддаются лишь отдельные составные части концепции, например, изменения человеческого потенциала, которые представляют один из трех векторов трансформационного процесса. В то время как нормативно-личностная концепция Н. В. Паниной операционализована почти полностью, практически каждый теоретический вывод нашел свое отображение в соответствующем индикаторе.

Неизбежность, длительность и глубину аномии, обусловленной опережающим разложением старых общественных институтов по сравнению с образованием новых, Т. И. Заславская определяла как одну из главных отличительных особенностей трансформационного процесса [86, с. 445–446]. Н. В. Панина считала, что аномия вызвана прежде всего разрушением ценностно-нормативной системы общества, которая является основой социальной интеграции. Именно «кристаллизация новой ценностно-нормативной системы общества на основе особенностей индивидуального сознания его членов, индивидуальных ценностных предпочтений и ценностных ориентаций» [147, с. 7] приводит к изменению поведения людей, обусловленного возникновением новых социальных статусов и ролей, тем самым способствуя становлению новых социальных институтов. Таким образом, общую направленность трансформационного процесса определяют ценностные предпочтения различных слоев и групп населения. В свою очередь, ценностные ориентации во многом определяются общим социально-психологическим состоянием и социальным самочувствием участников трансформационного процесса.

Базовым понятием концепции социетальной трансформации общества Т. И. Заславской является человеческий потенциал. Данное понятие «концентрирует внимание не на достигнутом уровне развития общества, а в первую очередь на присущем ему внутреннем динамизме, способности к саморазвитию» [92, с. 14]. Внимание Т. И. Заславской было

сосредоточено на том, что человеческий потенциал отражает уровень цивилизационного развития общества, его социальное качество. Н. В. Панина в нормативно-личностной концепции не оперирует данным понятием. Однако в условиях тотальной аномии все составляющие человеческого потенциала или имеют тесную связь, или напрямую зависят от уровня социального самочувствия и жизненной удовлетворенности, подверженности аномической деморализованности и цинизму, от патерналистских или интернальных установок, от личностных качеств индивида.

Т. И. Заславская выделяет четыре компонента человеческого потенциала: социально-демографический, социально-экономический, социокультурный и деятельностный. Как было показано в разделе 3, в концепции Н. В. Паниной социально-демографические показатели определяют социально-психологическое и психическое состояние, нормативно-ценностные установки граждан Украины. Более молодые и образованные, живущие в городах менее подвержены аномической деморализованности, тревожности и цинизму, демонстрируют интернальные установки. Они готовы дополнительно работать для обеспечения платежеспособного удовлетворения своих потребностей. Гражданские права и свободы являются для них ценностью, ради которой они готовы повышать уровень своих политических и экономических знаний. Такого рода личностные качества определяют причины роста социально-экономического, социокультурного и деятельностного компонентов человеческого потенциала: ресурсы человеческого потенциала обеспечиваются совокупностью социально-психологических качеств и психическим состоянием его носителей.

Т. И. Заславская исследовала социальное поведение акторов макро-, мезо- и микроуровня трансформационного процесса, их поведенческие стратегии, в ряду которых выделяла достижительные, адаптационные, регрессивные и разрушительные. Данные стратегии она классифицировала по целям, мотивам и способам их реализации, не акцентируя внимания на социально-психологической и ценностно-

нормативной составляющей. Принцип «сквозного», без дифференциации на слои и уровни, исследования социального поведения индивидов (групп) в зависимости от успешности/неуспешности адаптации к социальным изменениям, личностным качествам и принятию/непринятию новой системы норм и правил, лежит в основе концепции Н. В. Паниной. На всех ступенях социальной лестницы индивиды вынуждены адаптироваться к изменившимся «правилам игры». Стратегии социального поведения индивидов и групп зависят от того, какой тип личности сформировался в результате адаптации: от нормативности/ненормативности реакции на аномию, от уровня тревожности, национального изоляционизма, жизненной удовлетворенности и социального самочувствия в целом. Верность этого положения подтвердили результаты эмпирического исследования Т. И. Заславской успешных экономических акторов: ею был сделан вывод о том, что «ключевое значение сегодня имеют индивидуальные адаптации экономических акторов к устанавливаемым властью формальным и неформальным правилам игры» [91, с. 23].

С позиций нормативно-личностной концепции, в рамках нормативных реакций на аномию формируются достигательные стратегии («повышение индивидуального статуса, мотивируемое стремление к росту благосостояния, профессиональному продвижению, политической карьере, улучшению качества и образа жизни, повышению социального престижа» [95, с. 16]). Это убедительно показано на примере исследования Т. И. Заславской успешных экономических акторов мезоуровня трансформационного процесса в России. Следует отметить, что высокая степень социального цинизма в сочетании с неполнотой и несовершенством правовых норм и ориентацией на асоциальные ценности при наличии личной активности и достигательных стратегий приводит к расширению неправовых практик, в частности к развитию «теневой» экономики.

Если оценивать выделяемые Т. И. Заславской адаптационные стратегии («стремление к социальному выживанию,

сохранению прежнего или хотя бы минимально приемлемого социального статуса» [95, с. 16]) с позиций нормативно-личностной концепции Н. В. Паниной, то они тоже обусловлены нормативной реакцией на аномию. От того, какие личностные качества будут доминировать, зависит повышение или снижение эффективности общественных практик.

Разрушительные стратегии поведения «имеют агрессивный характер. Они направлены против других, а иногда и против себя» [95, с. 16]. Интересно, что характеристику этих стратегий сама Т. И. Заславская дает в соответствии с понятийным аппаратом нормативно-личностной концепции Н. В. Паниной: «подобное поведение чаще всего мотивируется жадой наживы, не ограничиваемой моральными нормами, а также оживляющимися в трудные времена ксенофобиями» [95, с. 16]. Дано прямое описание ненормативных реакций на аномию, состояния глубокой аномической деморализованности. Крайняя же степень аномической деморализованности и критическое снижение уровня социального самочувствия приводит к возникновению регрессивных стратегий поведения, результатом которого является социальная эксклюзия, потеря социальных связей, резкое понижение социального статуса и идентичности.

4.2. Прогностический потенциал концепций Т. И. Заславской и Н. В. Паниной и перспективы их дальнейшего развития

Анализируемые концепции обладают значительным прогностическим потенциалом. Как было указано в разделе 3, на основе исследований массового сознания в украинском обществе в рамках нормативно-личностной концепции Н. В. Панина сделала вывод о существовании двух типов реакции на длительную аномию — нормативной и ненормативной, которые обуславливают характер и причины социального поведения индивидов (групп). На основе этого вывода были сделаны теоретические предположения о том,

что для Украины и России «существуют три пути выхода из ситуации массовой аномической деморализованности. Первый — традиционализм, возвращение к архаической системе ценностей как интегрирующей основы общественной жизни. Второй — авторитаризм как попытка решить проблемы общества за счет жесткой централизации. Третий — движение по декларированному Россией и Украиной демократическому пути на основе последовательного построения политического плюрализма, создания правового государства и развития свободы экономики» [30, с. 7]. На основе этого анализа и с учетом данных социологических исследований в России и Украине Н. В. Панина в 90-е годы прошлого столетия спрогнозировала более высокую вероятность традиционалистского сценария для Украины и авторитарного — для России. Через несколько лет эти сценарии воплотились в массовую поддержку Виктора Ющенко и Владимира Путина как политиков, олицетворявших именно эти направления политического развития украинского и российского обществ.

Движение по демократическому пути обоих государств оказалось весьма проблематичным из-за неразвитости гражданского общества, в котором политический плюрализм имеет весьма ограниченные рамки, а дальнейшее развитие свободной рыночной экономики сдерживается повсеместным расцветом неправовых практик, коррупции. Если в России сформировалась «управляемая демократия», для которой характерно «причудливое сочетание автократии и демократии, политических свобод и их ограничения, формального наличия и практического отсутствия оппозиции правящему режиму» [30, с. 7], то в Украине при наличии дееспособной оппозиции образовалась «кланово-олигархическая» демократия, характеризующаяся ограничением гражданских и политических свобод, избирательным действием правовых норм.

Анализ социального самочувствия, социально-психологического и психического состояния населения Украины за все годы независимости свидетельствует о том, что смена

поколений носителей социальных норм и ценностей, повышение их личной активности привели к формированию интернального типа личности, поведение которой носит социально активный характер. Его появление Н. В. Панина спрогнозировала еще в 90-х годах прошлого века на основе анализа структуры ценностей, социального самочувствия и морально-психологического состояния молодежи в условиях тотальной аномии [140; 147]. Анализ результатов исследования, проведенного Т. И. Заславской среди представителей экономических акторов современного российского трансформационного процесса, позволил сделать вывод о том, что именно такими личностными качествами обладают успешные предприниматели и менеджеры.

Соглашаясь с И. Роксборо в том, что в наше время модернизацию следует понимать как возрастание способностей к преобразованию [231], Т. И. Заславская определила сущность трансформационных процессов как «возрастание способности общества к социальным преобразованиям», а «главное направление модернизации — как повышение конкурентоспособности общества в глобализирующемся и непредвиденно изменяющемся мире» [83, с. 12]. Оценка уровня и динамики конкурентоспособности трансформирующихся обществ дает представление об успешности или неуспешности их развития, несколько зафиксированных «срезов» позволяют выявить тенденции этого развития и спрогнозировать его дальнейшее направление. Констатируя, что надежной методологии такой оценки в социологической науке еще не существует, Т. И. Заславская предложила оценивать уровень конкурентоспособности, устойчивости и динамизма современных трансформирующихся обществ по продвижению по трем осям, характеризующим социальное пространство трансформационных процессов российского общества. Для этой цели она конкретизировала понятие осей трехмерного социального пространства, которое было проанализировано в разделе 2 данной монографии. В 2008 году Т. И. Заславская в результате детального изучения человеческого потенциала российского общества пришла к выводу,

что современные трансформационные процессы протекают в трехмерном социетальном пространстве, осями которого служат:

1) не просто уровень развития человеческого потенциала изучаемых обществ, а «уровень человеческого потенциала обществ как макросубъектов и макроакторов саморазвития и трансформации»;

2) не обобщенное качество социально-групповой структуры, а «*легитимность и динамизм социально-групповой структуры*, позволяющие обществам успешно реализовывать свой человеческий потенциал»;

3) не обобщенная эффективность институциональной системы, а «*эффективность институциональных систем*, проявляющаяся в способности политических, правовых, экономических, социальных и иных институтов направлять энергию индивидов, организаций и групп в творческое социально конструктивное русло» [83, с. 13].

При этом Т. И. Заславской был сделан вывод о том, что для успешной динамики необходимо продвижение одновременно по трем векторам: высокий уровень одной или двух из вышеназванных характеристик не обеспечивает успешного трансформационного развития общества, его конкурентоспособности.

Степень влияния предложенных взаимосвязанных характеристик социетального трансформационного пространства на успешность процесса преобразований и повышения уровня конкурентоспособности общества различна. Целенаправленное преобразование базовых институтов в меньшей степени влияет на конкурентоспособность общества, чем стихийное изменение его социально-групповой структуры. Самое большое влияние на успешность трансформационного процесса, по мнению Т. И. Заславской, оказывает слабоуправляемое изменение уровня человеческого потенциала общества.

Т. И. Заславская, как было подчеркнуто в разделе 2, разработала аналитическую схему социального механизма трансформации посткоммунистических обществ. Изучение

строения и принципов его функционирования позволило сделать вывод о том, что «в основе изменения социетальных характеристик общества лежит своего рода «клубок» переплетающихся процессов изменения массовых социальных практик» [83, с. 17]. Таким образом, изучение характера изменения массовых социальных практик в трансформирующемся обществе дает возможность спрогнозировать направление преобразования общественных институтов, изменение социально-групповой структуры и снижение или повышение уровня человеческого потенциала.

Основным фактором изменения повседневных социальных практик Т. И. Заславская считала активность не столько элиты и верхнего слоя, сколько среднего, базового и нижнего слоев, составляющих основную часть общества. Исследования успешных экономических акторов трансформационного процесса в России наглядно показали, что становление новых экономических институтов одновременно явилось и следствием, и причиной их активности. Были сделаны выводы о непосредственном влиянии социальных качеств и ресурсов, которыми обладают субъекты трансформационной активности, на способы их деятельности и поведения.

Анализ российского трансформационного процесса в 2005–2012 годах, изложенный Т. И. Заславской в многочисленных докладах и интервью, был сделан ею на основе собственной концепции социетальной трансформации российского общества. Еще в 2001 году она высказала предположение о возможности трех сценариев развития России: «1) авторитарно-силовой сценарий, предполагающий резкое усиление государства, повышение роли силовых структур, ужесточение контроля за рыночным сектором экономики, расширение репрессивных и сужение демократических практик; 2) консервативно-государственный сценарий, означающий формальное сохранение рыночных отношений и демократических процедур при значительном усилении контрольных функций бюрократии в экономике и других сферах общественной жизни; 3) полукриминальный олигархический сценарий, означающий воспроизводст-

во (в новых формах) квазидемократического и квазирыночного режима, сложившегося в период правления Б. Ельцина, затягивание ситуации смутного времени» [78, с. 9].

История развития российского общества подтвердила правильность ее прогнозов. Так, в интервью ИА УНИАН она отмечала: «За период правления Путина укрепилась олигархическая система, я бы сказала, достаточно низкого пошиба» [63]. Была выстроена жесткая вертикаль власти, при которой страна стала управляемой, но не на демократических принципах, о чем свидетельствовали выборы Президента. При разрастании армии чиновников повсеместно и на всех уровнях наблюдается «тотальная коррупция». Исследования Т. И. Заславской показали, что «Россия — это сочетание олигархического устройства общества с выстроенной системой коррупции» [63]. Происходит дискредитация и уничтожение оппозиции. При этом поощряются ростки изоляционизма и ксенофобии. Эти процессы развиваются на фоне увеличивающегося разрыва в доходах бедных и богатых. С учетом теневой экономики, по данным Т. И. Заславской, коэффициент разницы доходов достигает 30–40. Позже она отмечала, что современное «институциональное развитие российского общества и экономики модернизациям и инновациям не способствует» [96]. По мнению Т. И. Заславской, русская культура все еще несет на себе «отпечаток многовекового рабства большинства населения — сначала царского, а потом советского «крепостничества» [96]. Не окончательно сформировались ценности, присущие развитым демократическим обществам, о чем свидетельствуют международные исследования ценностей, в которых принимает участие Россия. Все это тормозит развитие российской экономики, которая, по мнению Т. И. Заславской, является базовым институтом: «модернизация экономики невозможна без модернизации общества» [68]. Однако самой серьезной преградой на пути трансформационного развития она считала государственный авторитаризм и то, что всепроникающая вездесущая коррупция делает «разговор о правовом государстве бессмысленным». По мнению Т. И. Заславской,

«реальной борьбы с коррупцией пока нет и, наверное, еще долго не будет, потому что коррумпирована вся пирамида власти. А значит, «социальные лифты» заработают еще не скоро» [95].

Как было указано выше, в современной социологической науке наблюдается тенденция к интеграции макро- и микросоциологических подходов изучения общества. Т. И. Заславская, разработав концепцию социетального уровня, сконцентрировала свое внимание на всестороннем изучении качеств, в том числе и личностных, акторов трансформационного процесса, на изучении человеческого потенциала российского общества. Н. В. Панина в ракурсе нормативно-личностной концепции трансформации украинского общества начала изучать институциональные и структурные его изменения. Известно, что в любом обществе, находящемся в процессе кардинальных социальных изменений, происходят два противоположных процесса: институционализация новых социальных институтов и деинституционализация старых. Н. В. Панина считала, что институционализацию следует определять как «процесс становления новых социальных институтов в трех аспектах:

1) процесс становления и принятия обществом новых социальных правил (законов, нормативных структур, традиций и ритуалов);

2) создание организационных структур, ответственных за артикуляцию и порядок соблюдения данных правил и составляющих социальную инфраструктуру институционализированного поведения;

3) формирование отношения массовых субъектов к социальным правилам и организационным структурам, отражающего согласие людей с данным институциональным порядком» [35, с. 6].

Исходя из этого определения, деинституционализация является процессом разрушения институциональных образований, изменением социальных правил и явно выраженным (или скрытым, латентным) неприятием институциональных требований к социальному поведению.

Чаще всего данные процессы сопровождаются социальным хаосом, дестабилизацией социальной жизни, тотальной социальной дезинтеграцией. Уникальность украинского трансформационного процесса заключается, по мнению Н. В. Паниной, в том, что не только не было социального взрыва, но даже «не сработал социальный механизм, характерный для кризисных государств и обществ: ухудшение социально-экономической ситуации и социального самочувствия населения не привело к росту проявлений социальной нетерпимости и дискриминации людей по этническому принципу» [35, с. 9]. Эмпирические исследования показали, что институциональное пространство украинского общества крайне противоречиво и необъяснимо с позиций ранее существовавших гипотез: «с одной стороны, большинство членов общества не доверяют ни старым, ни новым институтам, испытывают чувство аномической деморализованности, а с другой — сохраняют социальную выдержку, толерантность и веру в перспективу развития общества в русле общецивилизационного процесса» [35, с. 15].

Была сформулирована гипотеза о том, что «лишь при двойной институционализации обеспечивается весьма своеобразная «институциональная гиперполноценность» украинского общества, основанная на согласии людей жить в таком институциональном пространстве, где действуют и старые, и новые институты, обеспечивающие своим противоречивым сосуществованием наличие всех необходимых для социальной интеграции и стабильности атрибутов институциональности» [35, с. 16–17]. Данная гипотеза была проиллюстрирована многочисленными примерами из социальной практики, подтверждающими то, что граждане Украины, испытывая двойную институциональную нагрузку, находят необходимые атрибуты легальности и легитимности. Она также была верифицирована эмпирическими исследованиями, подтвердившими, что двойственность институциональных правил находит отражение в преобладающем психоамбивалентном отношении людей к институциональным основам общественной жизни, которое вызвано состоянием

массовой аномической деморализованности. Феномен массовой амбивалентности украинского общества был изучен Н. В. Паниной совместно с Е. И. Головахой при анализе особенностей политического сознания населения Украины [38].

С другой стороны, специфическая постсоветская институционализация вызвала соответствующие изменения социальной структуры. По аналогии можно назвать это явление «двойной структурализацией». Наиболее активные индивидуумы принимают новые институциональные правила, включаются в новую социальную структуру и, таким образом, достигают более высокого статусного уровня всеми доступными легальными и нелегальными способами. Представители массовых слоев, не обладающие интернальными личностными качествами, пытаются адаптироваться к новым условиям, сохранив прежние статусные позиции. Таким образом «большинство общества находит согласие в принятии такой социальной ситуации, когда старые и новые социальные институты сосуществуют, обеспечивая своим противоречивым влиянием легальность и легитимность существующего социального порядка» [35, с. 21].

Н. В. Панина акцентировала внимание на том, что двойная институционализация является временным явлением, которое тормозит развитие процесса демократической трансформации украинского общества. Ею были намечены основные направления дальнейшего изучения перспектив перехода украинского общества к внутренне непротиворечивой институциональной системе. Такую перспективу Н. В. Панина видела в развитии так называемой неинституциональной политики, которая должна быть основана на всевозрастающей активности самодеятельных социальных движений и организаций. Эта активность в будущем должна привести к освоению неинституционального пространства и формированию социального капитала. Должны появиться новые формы демократической правовой, политической, экономической и духовной культуры.

Реализацию намеченного плана изучения трансформационных изменений украинского общества, носящих соци-

етальный характер, Н. В. Панина начала с анализа политических институтов: векторов политического развития демократической избирательной системы, формирования украинской политической элиты путем электорального выбора, изучения акторов и агентов электорального процесса [151].

Работа по созданию общей концепции трансформации украинского общества не была завершена Н. В. Паниной. Основные ее идеи могут послужить импульсом для дальнейшего научного поиска социологов Украины по созданию общей теории социальных изменений в трансформирующихся обществах.

Сравнительный анализ концепций трансформации постсоветских обществ Т. И. Заславской и Н. В. Паниной позволяет сделать следующие выводы:

Т. И. Заславская, изучая трансформационные процессы в российском обществе, создала макроконцепцию развития его социетального пространства, образованного векторами институциональных изменений, развития социально-групповой структуры и человеческого потенциала. Микроконцептуализация развития отдельных составляющих трансформационного процесса подтвердила основополагающее значение возрастания человеческого потенциала для позитивного развития социальных изменений российского общества.

Нормативно-личностную концепцию трансформации украинского общества Н. В. Паниной по общепризнанной классификации можно определить как концепцию микроуровня. Н. В. Панина наметила перспективу ее развития путем изучения трансформационного изменения институциональной структуры украинского общества и его стратификации, то есть создания соответствующей макроконцепции.

Обе концепции являются примерами приращения теоретического знания, апробированного и верифицированного эмпирическими исследованиями. По классификации П. Штомпки, концепция Т. И. Заславской является объяснительной, концепция Н. В. Паниной — аналитической.

В обеих концепциях дано обоснование того, что состояние аномии характерно для обществ, находящихся в транс-

формационном процессе. Однако в концепции Т. И. Заславской она вызвана структурными изменениями, а в концепции Н. В. Паниной — распадом старой и образованием новой нормативно-ценностной системы трансформирующихся обществ.

Нормативно-личностная концепция Н. В. Паниной может быть рассмотрена как объясняющая социальное поведение акторов трансформационного процесса и уровень развития человеческого потенциала трансформирующегося общества, которые в концепции социетальной трансформации общества Т. И. Заславской являются центральными понятиями, в зависимости от социально-психологических, психических и личностных качеств его носителей. Эти качества определяются при помощи изучения социального самочувствия, жизненной удовлетворенности, уровня тревожности, степени аномической деморализованности, показателей национального изоляционизма и цинизма.

Нормативно-личностная концепция трансформации украинского общества Н. В. Паниной и структурно-деятельностная концепция социетальной трансформации российского общества Т. И. Заславской обладают значительным прогностическим потенциалом.

Концепция социетальной трансформации российского общества Т. И. Заславской применима для оценки, сравнения и прогнозов успешности развития трансформационных процессов различных обществ, в основном, на теоретическом уровне. Практическое ее применение ограничено тем, что теоретические построения данной концепции не полностью поддаются операционализации и последующей эмпирической верификации.

Разработка нормативно-личностной концепции трансформации украинского общества Н. В. Паниной является существенным вкладом в теорию трансформационного процесса. Она позволяет дать оценку, сравнение и прогноз развития трансформационных процессов как в отдельно изучаемом обществе, так и в различных обществах. Она значительно проще в практическом применении, позволяет выявить

причины изменения человеческого потенциала изучаемых обществ, может служить достаточной основой для разработки государственных комплексных программ, направленных на его развитие.

Нормативно-личностная концепция трансформации украинского общества Н. В. Паниной и структурно-деятельностная концепция социетальной трансформации российского общества Т. И. Заславской взаимодополняют научные представления о постсоветской трансформации и намечают пути к созданию фундаментальной теории социальных изменений в трансформирующихся постсоветских обществах.

Результаты сравнительного анализа данных концепций позволяют сделать вывод о том, что трансформационный процесс в России и Украине еще нельзя считать завершенным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Разработка теорий общественных трансформаций является ключевым направлением общей теории социальных изменений в современной социологии. В отличие от теорий социальной эволюции, модернизации и демократического транзита, предполагающих обязательное наличие вектора социальных изменений и основанных на идеологии поступательного развития и прогресса, теории трансформации основной акцент ставят на неоднозначности, разнонаправленности, социокультурной обусловленности и неопределенности результатов декларированных преобразований в современных обществах, переживающих кардинальные изменения в различных сферах социальной жизнедеятельности.

Кризис модернизационного и транзитологического подходов для объяснения и прогнозирования характера и направленности социальных изменений в период глобализации определил приоритетное развитие тех направлений социологического исследования посткоммунистических обществ, которые связаны с разработкой специальных теорий, позволяющих изучать социальную трансформацию как процесс глубинных институциональных, структурных и личностных изменений, не имеющих аналогов в мировой практике.

Не следует воспринимать современные концепции социальной трансформации как альтернативу теоретизированию в духе модернизации и транзита. В данном случае речь идет не о теоретическом антагонизме, как, например, в теориях модернизации и зависимости, глобализации и антиглобализма. Трансформационный подход открывает новые перспективы теоретического осмысления тех социальных изменений, которые в настоящее время не укладываются в

концептуальные схемы, разработанные в рамках неозволюционной парадигмы. В этом контексте концепции социальной трансформации, разработанные Т. И. Заславской и Н.В. Паниной, открывают перспективы для дальнейшего развития различных аспектов теории социальных изменений, в том числе и тех, которые касаются теорий модернизации и демократического транзита.

Создание концепции социетальной трансформации общества Т. И. Заславской является классическим примером движения научной мысли от частного к общему. Сфера ее исследовательского интереса расширялась и изменялась от частных экономических проблем советского села до социально-экономических проблем аграрного сектора. Затем были сформулированы положения о взаимосвязи социально-групповой структуры общества с функционированием его социальных институтов и качеством человеческого потенциала, а также ею было дано определение социального механизма развития социалистической экономики. В постперестроечный период под руководством Т. И. Заславской была создана надежная методологическая и эмпирическая база для исследования социальных трендов в российском обществе, что послужило основой для создания концепции его социетальной трансформации.

Концепция социетальной трансформации российского общества Т. И. Заславской дает целостное представление о современных трансформационных процессах, их движущих силах и механизмах. Она сумела найти подход к проблеме, который опирается на широкие междисциплинарные исследования, носит комплексный характер, в нем используется многоуровневый анализ и исследуется множество социальных субъектов, по-разному влияющих на ход трансформационных процессов.

Теоретические построения концепции Т. И. Заславской находятся в рамках деятельностно-структурной парадигмы, являющейся одной из активно развивающихся социологических моделей решения проблемы трансформации общества. Ею были разработаны базовые понятия концепции: социаль-

ная трансформация, типологическое пространство трансформационного процесса, социальный механизм трансформации общества, социально-трансформационная структура общества, трансформационная активность, уровни и акторы трансформационного процесса.

Концепция социетальной трансформации посткоммунистического общества Т. И. Заславской дает возможность оценки успешности выбранного направления трансформации в различных странах бывшего соцлагеря. Низкий уровень развития человеческого потенциала Украины и России, согласно концепции социетальной трансформации обществ Т. И. Заславской, является следствием непродуманной социально-экономической политики, несформированной социально-групповой структуры и слабости социальных институтов украинского и российского обществ.

Теоретический анализ нормативно-личностной концепции трансформации украинского общества показал, что Н. В. Панина разработала оригинальную концепцию постсоветской трансформации украинского общества. Согласно этой концепции институциональные изменения в переходном обществе обусловлены совокупностью ценностных ориентаций субъектов социальной интеграции и их индивидуально-личностных ресурсов, которые определяют способ адаптации к изменяющимся условиям, что, в свою очередь, влечет за собой изменение стиля поведения и содержания деятельности. Следствием рутинизации новых социальных практик и формирования новой нормативно-ценностной системы в исторической перспективе является возникновение социальных институтов, соответствующих декларированным целям демократического развития украинского общества.

Комплексный анализ теоретико-методологических особенностей социологического исследования трансформационных процессов в трудах Н. В. Паниной позволяет утверждать, что она разработала целостную теорию и методологию социологического исследования трансформационных процессов, которые нашли свое отражение в уникальном проек-

те — социологическом мониторинге изменений в украинском обществе. Н. В. Панина при создании методики и методологии украинского мониторинга опиралась на совокупность научных подходов: системного, структурно-функционального и социокультурного, социально-психологического.

Созданный Н. В. Паниной украинский мониторинг выполняет пять основных функций: а) диагностическую: он позволяет получить социографические материалы, создающие надежную фактологическую базу данных для оценки и анализа стремительных социальных трансформаций, когда принципиально изменяется социальная структура общества, его институты и нормативно-ценностная система; б) прогностическую: на основе данных мониторинга можно спрогнозировать вероятные направления развития трансформационных процессов в Украине: формирование гражданского общества, становление рыночной экономики, модернизация политической системы и так далее; в) проективную: мониторинг дает основу для построения моделей социального развития в период трансформации, в том числе на основе выявления причин возникновения и усугубления социальных конфликтов; г) планирования: мониторинг дает возможность использовать адекватную оценку социальных изменений и их учета в практике повседневного социального управления и разработки стратегий общественных реформ; д) просветительскую, которая имеет две составляющие: 1) информационную: материалы мониторинга используются в вузах при изучении студентами различных социогуманитарных дисциплин — социологии, политологии, экономики, менеджмента и тому подобных, используются журналистами при подготовке теле- и радиопередач, публикаций в газетах и журналах, политики оперируют материалами мониторинга для подготовки проектов законов и проведения дебатов; 2) научную: проведенные исследования служат основой для создания в украинской социологии теории трансформирующегося общества, в первую очередь нормативно-личностной концепции Н. В. Паниной.

Проведенный анализ изменений социально-психологического состояния населения Украины за двадцать лет на-

блюдений в ракурсе нормативно-личностной концепции трансформации общества Н. В. Паниной подтвердил ее тезис о том, что во время неопределенности в процессе социальной адаптации на первый план выходят личностные качества человека. Исходя из концепции регулятивных механизмов стабильного общества, предложенной Н. В. Паниной, сегодня еще нельзя говорить о последовательности и необратимости демократических социальных преобразований в Украине.

Сравнительный анализ столь разных концепций постсоветской трансформации российского и украинского обществ представляет собой попытку автора проиллюстрировать, с одной стороны, то, как макросоциологическая традиция российских центров советской социологии (новосибирского, московского, ленинградского) была продолжена Т. И. Заславской в постсоветский период, а с другой — то, какое развитие в научном поиске Н. В. Паниной получил микросоциологический подход к изучению общества, характерный для киевской научной традиции, основа которой была заложена еще в советское время. Данные концепции, в полном соответствии с современным направлением развития мировой социологической науки, в котором как никогда ранее остро стоит вопрос о более глубоком раскрытии аналитических и смысловых связей между теоретическими разработками ученых, теоретическим современным дискурсом и парадигмальными направлениями, взаимодополняют и взаимообогащают представления о постсоветской трансформации.

Литература

1. *Аберкромби Н.* Аномия / Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С. // Социологический словарь / пер. с англ. С. Ерофеева. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1997. — 420 с.
2. *Аванесов В. С.* Тесты в социологическом исследовании / Аванесов В.С. — М. : Наука, 1982. — 199 с.
3. *Аллард Э.* Сомнительные достоинства концепции модернизации / Э. Аллард // Социологические исследования. — 2002. — № 9. — С. 60–79.
4. *Анастаси А.* Психологическое тестирование : в 2 кн. / Анастаси А. ; пер. с англ. ; под ред. К.И. Гуревича, В.И. Лубовского. — М. : Педагогика, 1982. — Кн. 1. — 318 с.
5. *Антонюк В. П.* Формування та використання людського капіталу в Україні: соціально-економічна оцінка та забезпечення розвитку : [монографія] / Антонюк В. П. — Донецьк : Ін-т економіки промисловості НАНУ, 2007. — 348 с.
6. *Арон Р.* Этапы развития социологической мысли / Арон Р. ; пер. с франц. ; общ. ред. и предисл. П.С. Гуревича. — М. : Изд. группа «Прогресс»–«Политика», 1992. — 606 с.
7. *Бабенко С.* Сравнительный социологический анализ посткоммунистических трансформационных процессов (программа магистерского курса) / Светлана Бабенко // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2007. — № 4. — С. 180–201.
8. *Бабенко С. С.* Социальные механизмы трансформации постсоветского общества: теоретический анализ концепции / С. С. Бабенко // Проблемы розвитку соціологічної теорії. Соціальні процеси в Україні : IV Всеукр. соціолог. конф., грудень 2004 р., м. Київ : наук. доп. і повідом. — К. : Ін-т соціології НАН України, 2005. — С. 118–123.
9. *Бабенко С. С.* Социальный механизм постсоветской трансформации: деятельностно-структурный подход / С. С. Бабенко // Посткоммунистические трансформации: векторы, направления, содержание / под ред. О. Куценко, С. Бабенко. — Х. : Изд. центр ХНУ им. В. Н. Каразина, 2004. — С. 251–274.

10. *Бабенко С. С.* Соціокультурний потенціал трансформації пострадянського суспільства : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. соціол. наук : спеціальність 22.00.01 «Теорія та історія соціології» / С. С. Бабенко. — Х., 2004. — 21 с.

11. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну / Бек У. ; пер. с нем. В. Седельника, Н. Фёдоровой ; послесл. А. Филиппова. — М. : Прогресс-Традиция, 2000. — 384 с.

12. *Беккер Г.* Человеческий капитал (главы из книги) / Г. Беккер // США: экономика, политика, идеология. — 1993. — № 11. — С. 109–119.

13. *Бергер П. Л.* Капіталістична революція. П'ятдесят пропозицій щодо процвітання, рівності і свободи / Бергер П. Л. ; пер. з англ. — К. : Вища шк., 1995. — 247 с.

14. *Бергер П.* Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман ; пер. с англ. — М. : Медиум, 1995. — 323 с.

15. *Бестужев-Лада И. В.* Социальный прогноз и социальное нововведение / И. В. Бестужев-Лада // Социологические исследования. — 1990. — № 8. — С. 86–92.

16. *Бжезинський З.* Великі перетворення / З. Бжезинський // Політична думка. — 1994. — № 3. — С. 5–15.

17. *Біографія* Наталії Вікторівни Паніної // Наталія Вікторівна Паніна: Життя, наукова діяльність, шлях у майбутнє / [упоряд. Є. Головаха, К. Урсуненко]. — К. : Факт, 2007. — 184 с.

18. *Близнюк В. В.* Людський капітал як фактор економічного розвитку / В. В. Близнюк // Економіка і прогнозування. — 2005. — № 2. — С. 64–74.

19. *Богиня Д. П.* Основи економіки праці : навч. посіб. / Д. П. Богиня, О. А. Грішнова. — К. : Знання-Прес, 2000. — 313 с.

20. *Босков А.* Социальные изменения: основные проблемы возникновения современных теоретических и исследовательских центров // Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении / Г. Беккер, А. Босков. — М. : Изд-во иностр. лит., 1961. — 895 с.

21. *Вебер М.* Избранные произведения / Вебер М. ; пер. с нем. ; [сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова] ; предисл. П. П. Гайденко ; коммент. А. Ф. Филиппова. — М. : Прогресс, 1990. — 808 с.

22. *Вимірювання* соціальних змін в українському суспільстві. Соціологічний моніторинг (1992–2011) [Електронний ресурс] / [Ворона В. М., Головаха Є. І., Паніна Н. В та ін.]. — Режим

доступу : <http://www.kdpu-nt.gov.ua/work/vimiryuvannya-socialnih-zmin-v-ukrayinskomu-suspilstvi-sociologichniy-monitoring-1992-2011>.

23. *Ворона В. М.* Соціологічна наука за умов ринкових відносин / В. М. Ворона // Проблеми розвитку соціологічної теорії: соціальна інтеграція та соціальна нерівність в контексті сучасних суспільних трансформацій : VI Всеукр. наук.-практ. конф., 4 груд. 2009 р., м. Київ ; Проблеми розвитку соціологічної теорії: множинність сучасності та простори ідентичностей : VII Всеукр. наук.-практ. конф., 20–21 трав. 2010 р., м. Київ : матеріали конф. / Київ. нац. ун-т ім. Тараса Шевченка ; за заг. ред. О. Д. Куценко, В. І. Судакова. — К. : Логос, 2010. — 440 с.

24. *Геєць В. М.* Інноваційні перспективи України / В. М. Геєць, В. П. Семиноженко. — Х. : Константа, 2006. — 272 с.

25. *Гидденс Э.* Социология / Гидденс Э. — М. : Эдиториал УРСС, 1999. — 704 с.

26. *Глобалізація в соціологічному вимірі* / [Степаненко В., Бурлачук В., Тарасенко В. та ін.] ; за ред. В. Степаненка, В. Бурлачука. — К. : Ін-т соціології НАН України, 2011. — 319 с.

27. *Голенкова З. Т.* Основные тенденции трансформации социальной структуры современного российского общества / З. Т. Голенкова // Вестник РУДН. — 2001. — № 1. — С. 28–43. — (Серия «Социология»).

28. *Головаха Е. И.* Интегральный индекс социального самочувствия (ИИСС): конструирование и применение социологического теста в массовых опросах / Е. И. Головаха, Н. В. Панина. — К. : Ин-т социологии НАН Украины, 1997. — 63 с.

29. *Головаха Е. И.* Национальная толерантность и идентичность в Украине: опыт применения шкалы социальной дистанции в мониторинговом социологическом исследовании / Е. И. Головаха, Н. В. Панина // Социологический журнал. — 2006. — № 3–4. — С. 102–126.

30. *Головаха Е. И.* Постсоветская anomия: особенности выхода из состояния anomической деморализованности в России и Украине / Е. И. Головаха, Н. В. Панина // Общественные науки и современность. — 2008. — № 6. — С. 5–10.

31. *Головаха Е. И.* Социальное безумие: история, теория и современная практика / Е. И. Головаха, Н. В. Панина. — К. : Абрис, 1994. — 168 с.

32. Головаха Е. И. Социологическое знание и процесс исследования современных социальных процессов / Е. И. Головаха // Проблемы розвитку соціологічної теорії : IV Всеукр. соціол. конф., 21 трав. 2004 р., м. Київ : зб. матеріалів. — К. : Ін-т соціології НАН України, 2005. — С. 13–25.

33. Головаха Е. И. Сравнительные социологические исследования в познании современных социальных феноменов / Е. И. Головаха // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. — 2010. — № 1–2. — С. 26–30. — (Серія «Соціологія»).

34. Головаха Е. И. Трансформирующееся общество. Опыт социологического мониторинга в Украине / Е. И. Головаха. — К. : Ін-т соціології НАН України, 1996. — 143 с.

35. Головаха Е. Постсоветская деинституционализация и становление новых социальных институтов в украинском обществе / Е. Головаха, Н. Панина // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2001. — № 4. — С. 5–22.

36. Головаха Є. І. Загальна характеристика та динаміка соціального самопочуття населення України / Є. І. Головаха, Н. В. Панина // Українське суспільство на порозі третього тисячоліття / за ред. М. О. Шульги. — К. : Ін-т соціології НАН України, 1999. — 687 с.

37. Головаха Є. Моніторингові дослідження Інституту соціології НАН України: методологія, методи, організація опитувань / Є. Головаха, Н. Панина // Українське суспільство. Двадцять років незалежності. Соціологічний моніторинг : у 2 т. Т. 2 : Таблиці і графіки / за ред. Є. І. Головахи, М. О. Шульги. — К. : Ін-т соціології НАН України, 2011. — С. 3–14.

38. Головаха Є. Особливості політичної свідомості: амбівалентність суспільства та особистості / Є. Головаха // Політологічні читання. — 1992. — № 1. — С. 24–29.

39. Головаха Є. Соціальні зміни в Україні та Європі: за результатами «Європейського соціального дослідження» 2005–2007 років / Є. Головаха, А. Горбачик. — К. : Ін-т соціології НАН України, 2008. — 133 с.

40. Головаха Є. Українське суспільство 1992–2008 : соціологічний моніторинг / Є. Головаха, Н. Панина. — К. : Ін-т соціології НАН України, 2008. — 85 с.

41. *Гофман А. Б.* Семь лекций по истории социологии : учеб. пособие / Гофман А. Б. — 9-е изд. — М. : Книж. дом «Университет», 2008. — 240 с.
42. *Грищенко К.* 20 лет Институту социологии НАН Украины / К. Грищенко // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2010. — № 3. — С. 3–14.
43. *Гришнова О. А.* Людський капітал: формування в системі освіти і професійної підготовки / Гришнова О. А. — К. : Знання, 2001. — 254 с.
44. *Грушин Б.* На дальних и ближних подступах к созданию ВЦИОМа / Б. Грушин // Общественный разлом и рождение новой социологии: двадцать лет мониторинга. — М. : Новое изд-во, 2008. — С. 18–24. — (Новая история).
45. *Гуляева Н. П.* Тема 16. Мониторинг социальных процессов [Электронный ресурс] / Н. П. Гуляева. — Режим доступа : http://zhurnal.lib.ru/n/natalxja_p_g/tema98.shtml.
46. *Дилигенский Г. Г.* К проблеме социального актора в России / Г. Г. Дилигенский // Кто и куда стремится вести Россию?.. Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / под общ. ред. Т. И. Заславской. — М. : Моск. высш. шк. социал. и эконом. наук, 2001. — С. 410–418.
47. *Дискин И.* Российская модель социальной трансформации / И. Дискин // Pro et Contra. — 1999. — Т. 4, № 3. — С. 5–40.
48. *Добрынин А. И.* Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования / Добрынин А. И., Дятлов С. А., Цыренова Е. Д. — СПб. : Наука, 1999. — 309 с.
49. *Доманьский Х.* Формирование среднего класса в Польше: движущие силы и препятствия / Х. Доманьский // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2006. — № 3. — С. 52–80.
50. *Дюркгейм Э.* Самоубийство: Социологический этюд / Дюркгейм Э. ; пер. с франц. с сокр. ; под ред. В. А. Базарова. — М. : Мысль, 1994. — 399 с.
51. *Дятлов С. А.* Основы теории человеческого капитала / Дятлов С. А. — СПб. : Изд-во СПбУЭФ, 1994. — 160 с.
52. *Загороднюк Т.* Зміни соціально-психологічного стану населення України в ракурсі нормативно-особистісної концепції

трансформації суспільства / Т. Загороднюк // Українське суспільство. Двадцять років незалежності. Соціологічний моніторинг : у 2 т. Т. 1 : Аналітичні матеріали / за ред. В. Ворони, М. Шульги. — К. : Ін-т соціології НАН України, 2011. — С. 245–256.

53. *Загороднюк Т.* Методологические основания мониторинга социальных изменений в социологии Н. Паниной и анализ динамики социального самочувствия населения Украины / Т. Загороднюк // Матеріали VI Всеукр. наук.-практ. конф. «Проблеми розвитку соціологічної теорії: соціальна інтеграція та соціальні нерівності в контексті сучасних суспільних трансформацій», 4 груд. 2009 р. (м. Київ) та VII Всеукр. наук.-практ. конф. «Проблеми розвитку соціологічної теорії: множинність сучасності та простори ідентичностей», 20-21 трав. 2010 р. (м. Київ) / Київ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка [та ін. ; за заг. ред. Куценко О. Д., Судакова В. І.] . — К. : Логос, 2010. — С. 388–393.

54. *Загороднюк Т.* Наталия Панина: критерии социологической культуры / Т. Загороднюк // Соціологічна культура: числа і смисли : Міжнар. соціол. читання пам'яті Н. В. Паніної / за наук. ред. Є. І. Головахи, О. Г. Стегнія. — К. : Ін-т соціології-НАН України, 2011. — С. 71–82.

55. *Загороднюк Т.* Нормативно-личностный подход к изучению трансформационных процессов в социологии Н. Паниной / Т. Загороднюк // Соціальні виміри суспільства : зб. наук. пр. ; вип. 2 (13). — К. : Ін-т соціології НАН України, 2010. — С. 103–112.

56. *Загороднюк Т.* Регуляция социального поведения в ситуации нестабильности : виртуальный круглый стол / Т. Загороднюк // Социология : теория, методы, маркетинг. — 2011. — № 2. — С. 184, 188, 193.

57. *Загороднюк Т.* Соціальне самопочуття населення України до і під час економічної кризи / Т. Загороднюк // Українське суспільство 1992–2009. Динаміка соціальних змін / за ред. В. Ворони, М. Шульги. — К. : Ін-т соціології НАН України, 2009. — С. 92–98.

58. *Загороднюк Т.* Соціальне самопочуття населення України у період впровадження реформ 2010–2012 років / Т. Загороднюк // Українське суспільство 1992–2012. Стан та динаміка

змін. Соціологічний моніторинг / за ред. В. Ворони, М. Шульги. — К. : Ін-т соціології НАН України, 2010. — С. 325–334.

59. *Загороднюк Т.* Соціально-психологічний стан населення України / Т. Загороднюк // Українське суспільство 1992–2010. Соціологічний моніторинг / за ред. В. Ворони, М. Шульги. — К. : Ін-т соціології НАН України, 2010. — С. 282–288.

60. *Загороднюк Т.* Человеческий потенциал в концепции социетальной трансформации посткоммунистического общества Т. И. Заславской / Т. Загороднюк // Соціальні виміри суспільства : зб. наук. пр. ; вип. 1 (12). — К. : Ін-т соціології НАН України, 2009. — С. 129–138.

61. *Загороднюк Т. Ю.* Методологія застосування тестових методик у моніторингових соціологічних дослідженнях трансформаційних процесів в працях Н. Паніної / Т. Ю. Загороднюк // Соціальні технології: актуальні проблеми теорії та практики : зб. наук. пр. ; голов. ред. Д. М. Ядранський. — Запоріжжя : КПУ, 2012. — Вип. 56. — С. 147–154.

62. *Загороднюк Т. Ю.* Наталия Панина о критериях социологической культуры в трансформирующемся обществе / Татьяна Юрьевна Загороднюк // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. — 2011. — № 941. — С. 69–72. — (Серія «Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи»).

63. *Заславская Т.* В период Путина утвердилась олигархия довольно низкого пошиба [Электронный ресурс] : интервью / Татьяна Заславская // ИА УНИАН. — 2008. — 23 мая. — Режим доступа : <http://www.ryzkov.ru/publications.php?id=7862>.

64. *Заславская Т.* ВЦИОМ/Левада-центр: 20 лет в первопроходах [Электронный ресурс] : интервью / Т. Заславская // Радио Свобода. — 2007. — 22 февр. — Режим доступа : <http://www.svobodanews.ru/articleprintview/379302.html>.

65. *Заславская Т. И.* Авангард российского делового сообщества: гендерный аспект / Т. И. Заславская // Социологические исследования. — 2006. — № 4. — С. 26–37.

66. *Заславская Т. И.* Базовые характеристики современного российского общества / Т. И. Заславская // Избранное : в 3 т. Т. 2 : Трансформационный процесс в России: в поисках новой методологии. — М. : Экономика, 2007. — С. 315–427.

67. *Заславская Т. И.* Избранное : в 3 т. Т. 2 : Трансформационный процесс в России: в поисках новой методологии / Заславская Т. И. — М. : Экономика, 2007. — 591 с.

68. *Заславская Т.* Имидж не на вывоз [Электронный ресурс] : интервью / Т. Заславская // Российская газета. — 2012. — № 5880, 10 сент. — (Федеральный выпуск). — Режим доступа : <http://www.rg.ru/2012/09/09/zaslavskaya-poln.html>.

69. *Заславская Т. И.* Мониторинг: итоги первого полугодия / Т. И. Заславская // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 1993. — № 6. — С. 5–8.

70. *Заславская Т. И.* Нам очень хотелось создать настоящую науку / Т. И. Заславская // Российская социология 60-х годов в воспоминаниях и документах / отв. ред. Г. С. Батыгин. — СПб. : Изд-во РГХИ, 1999. — С. 132–155.

71. *Заславская Т. И.* О предмете экономической социологии / Т. И. Заславская, Р. В. Рывкина // Известия СО АН СССР. — 1984. — Вып. 1, № 1. — С. 9–21. — (Серия «Экономика и прикладная социология»).

72. *Заславская Т. И.* О принципах и основных элементах программирования исследования трудовой мобильности / Т. И. Заславская, Р. В. Рывкина // Методологические проблемы социологического исследования мобильности трудовых ресурсов. — Новосибирск : Наука, 1974. — С. 144–207.

73. *Заславская Т. И.* О принципах разработки программы конкретного социологического исследования (на примере трудовой мобильности) / Т. И. Заславская // Избранное : в 3 т. Т. 2 : Трансформационный процесс в России: в поиске новой методологии. — М. : Экономика, 2007. — С. 460–524.

74. *Заславская Т. И.* О роли социологии в ускоренном развитии советского общества / Т. И. Заславская // Социологические исследования. — 1987. — № 2. — С. 3–15.

75. *Заславская Т. И.* О смысле и предварительных итогах российской трансформации / Т. И. Заславская // Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации / под общ. ред. Т. И. Заславской. — М. : Моск. высш. шк. соц. и экон. наук, 2003. — С. 390–397.

76. *Заславская Т. И.* О социальном механизме посткоммунистических преобразований в России / Т. И. Заславская // Социологические исследования. — 2002. — № 8. — С. 3–16.

77. *Заславская Т. И.* О социальных акторах модернизации России / Т. И. Заславская // *Общественные науки и современность*. — 2011. — № 3. — С. 13–25.

78. *Заславская Т. И.* О субъектно-деятельностном аспекте трансформационного процесса / Т. И. Заславская // *Кто и куда стремится вести Россию?.. Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса* / под общ. ред. Т. И. Заславской. — М. : Моск. высш. шк. соц. и экон. наук, 2001. — С. 3–15.

79. *Заславская Т. И.* Проблемы современной российской социологии / Т. И. Заславская // *Избранное : в 3 т. Т. 2 : Трансформационный процесс в России: в поисках новой методологии*. — М. : Экономика, 2007. — С. 554–563.

80. *Заславская Т. И.* Роль социологии в процессе преобразования России / Т. И. Заславская // *Социологические исследования*. — 1996. — № 3. — С. 3–9.

81. *Заславская Т. И.* Современное российское общество. Социальный механизм трансформации : учеб. пособие / Заславская Т. И. — М. : Дело, 2004. — 400 с.

82. *Заславская Т. И.* Социально-трансформационная структура общества / Т. И. Заславская // *Избранное : в 3 т. Т. 2 : Трансформационный процесс в России: в поисках новой методологии*. — М. : Экономика, 2007. — С. 223–259.

83. *Заславская Т. И.* Социальные трансформации в России / Т. И. Заславская, В. А. Ядов // *Социологический журнал*. — 2008. — № 4. — С. 8–22.

84. *Заславская Т. И.* Социальный механизм трансформации российского общества / Т. И. Заславская // *Российское общество на переломе: взгляд изнутри*. — М. : ВЦИОМ, 1997. — С. 283–299.

85. *Заславская Т. И.* Социальный механизм трансформации российского общества / Т. И. Заславская // *Социологический журнал*. — 1995. — № 3. — С. 5–21.

86. *Заславская Т. И.* Социетальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция / Заславская Т. И. — М. : Дело, 2002. — 568 с.

87. *Заславская Т. И.* Социологический мониторинг экономических и социальных перемен в России / Т. И. Заславская //

Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 1993. — № 1. — С. 3–9.

88. *Заславская Т. И.* Социология экономической жизни. Очерки теории / Т. И. Заславская, Р. В. Рывкина ; АН СССР ; Сиб. отделение ; Ин-т экономики и орг. пром. пр-ва. — Новосибирск : Наука : Сибирское отделение, 1991. — 448 с.

89. *Заславская Т. И.* Трансформационный процесс в России: институционализация неправовых практик / Т. И. Заславская, М. А. Шабанова // Экономика в контексте истории и культуры / ред. кол. Я. И. Кузьминов (гл. ред.), В. С. Автономов, О. И. Аналин и др. — М. : ГУ ВШЭ, 2004. — С. 426–467.

90. *Заславская Т. И.* Трансформация российского общества как предмет мониторинга / Т. И. Заславская // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 1993. — № 2. — С. 3–8.

91. *Заславская Т. И.* Успешные экономические акторы как потенциальная модернизационная общность / Т. И. Заславская, М. А. Шабанова // Общественные науки и современность. — 2012. — № 4. — С. 5–23.

92. *Заславская Т. И.* Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе / Т. И. Заславская // Общественные науки и современность. — 2005. — № 3. — С. 3–16.

93. *Заславская Т. И.* Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе / Т. И. Заславская // Общественные науки и современность. — 2005. — № 4. — С. 13–25.

94. *Заславская Т.* Как родился ВЦИОМ / Татьяна Заславская // Общественный разлом и рождение новой социологии: двадцать лет мониторинга. — М. : Новое изд-во, 2008. — С. 11–17. — (Новая история).

95. *Заславская Т.* Поведение массовых общественных групп как фактор трансформационного процесса / Т. Заславская // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перспективы. — 2000. — № 6 (50). — С. 14–19.

96. *Заславская Т.* Социальные факторы развития России [Электронный ресурс] : интервью / Т. Заславская // SPERO. — 2012. — № 12. — Режим доступа : <http://www.opes.ru/1355179.html>.

97. *Здравомыслов А. Г.* Интересы, действия, препятствия / А. Г. Здравомыслов // Кто и куда стремится вести Россию?.. Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного транс-

формационного процесса / под общ. ред. Т. И. Заславской. — М. : Моск. высш. шк. соц. и экон. наук, 2001. — С. 98–107.

98. *Инглехарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества / Р. Инглехарт // Полис. — 1997. — № 4. — С. 6–32.

99. *История буржуазной социологии XIX — начала XX века* / под ред. И. С. Кона. — М. : Наука, 1979. — 344 с.

100. *Капелюшников Р. И.* Человеческий капитал России: проблемы реабилитации / Р. И. Капелюшников, И. М. Албегова, Т. Г. Леонова // Общество и экономика. — 1993. — № 9–10. — С. 3–14.

101. *Катаев С. Л.* Сучасне українське суспільство : навч. посіб. / Катаев С. Л. — К. : Центр навч. літ., 2006. — 200 с.

102. *Келлер Я.* Модернизация — гуманизация общества или коррозия бытия? Критические заметки о теории модернизации / Я. Келлер ; пер. с чеш. И. П. Поповой, Н. В. Романовского // Социологические исследования. — 2002. — № 7 (219). — С. 48–53.

103. *Классовое общество.* Теория и эмпирические реалии / под ред. С. А. Макеева, О. Д. Куценко. — К. : Ин-т социологии НАН Украины, 2003. — 258 с.

104. *Кодекс профессиональной этики социолога* // Избранные труды по социологии : в 3 т. Т. 1 : Вопросы теории, методологии, технологии социологического исследования и профессиональной этики / Панина Н. В. — К. : Факт, 2008. — С. 431–448.

105. *Корицкий А. В.* Введение в теорию человеческого капитала : учеб. пособие / Корицкий А. В. — Новосибирск : СибУПК, 2000. — 112 с.

106. *Коэн А.* Исследование проблем социальной дезорганизации и отклоняющегося поведения / Альберт Коэн // Социология сегодня. — М. : Прогресс, 1965. — С. 519–550.

107. *Кравченко С. А.* Социология: Парадигмы и темы : учеб. [для высш. учеб. заведений] / Покровский Н. Е., Мнацакян М. О., Кравченко С. А. — М. : Анкил, 1997. — 404 с.

108. *Кто и куда стремится вести Россию?..* Акторы макро, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / под общ. ред. Т. И. Заславской. — М. : Моск. высш. шк. соц. и экон. наук, 2001. — 384 с.

109. *Куда идет Россия?..* Альтернативы общественного развития / под общ. ред. Т. И. Заславской, Л. А. Арутюнян. — М. : Интерпракс, 1994. — 320 с.
110. *Куда идет Россия?..* Альтернативы общественного развития / под общ. ред. Т. И. Заславской. — М. : Аспект Пресс, 1995. — 512 с.
111. *Куда идет Россия?..* Власть, общество, личность / под общ. ред. Т. И. Заславской. — М. : Моск. высш. шк. соц. и экон. наук, 2000. — 451 с.
112. *Куда идет Россия?..* Кризис институциональной системы: век, десятилетие, год / под общ. ред. Т. И. Заславской. — М. : Логос, 1999. — 432 с.
113. *Куда идет Россия?..* Общее и особенное в современном развитии / под общ. ред. Т. И. Заславской, Л. А. Арутюнян. — М. : Остожье, 1997. — 386 с.
114. *Куда идет Россия?..* Социальная трансформация постсоветского пространства / под общ. ред. Т. И. Заславской. — М. : Аспект Пресс, 1996. — 512 с.
115. *Куда идет Россия?..* Трансформация социальной сферы и социальная политика / под общ. ред. Т. И. Заславской. — М. : Дело, 1998. — 384 с.
116. *Куда идет Россия?..* Формальные институты и реальные практики / под общ. ред. Т. И. Заславской. — М. : Моск. высш. шк. соц. и экон. наук, 2002. — 384 с.
117. *Куда пришла Россия? Итоги социетальной трансформации.* Международный симпозиум 16–18 января 2003 г. / под ред. Т. И. Заславской. — М. : МВШСЭН, 2003. — 408 с.
118. *Куда пришла Россия?..* Итоги социетальной трансформации / под общ. ред. Т. И. Заславской. — М. : Моск. высш. шк. соц. и экон. наук, 2003. — 408 с.
119. *Кун Т.* Структура научных революций / Кун Т. ; пер. с англ. И. З. Налетова. — М. : АСТ, 2009. — 317 с.
120. *Кутуєв П. В.* Концепції розвитку та модернізації в соціологічному дискурсі: еволюція дослідницьких програм / Кутуєв П. В. — К. : Сталь, 2005. — 500 с.
121. *Куценко В. І.* Людський капітал як фактор соціального захисту населення: проблеми зміцнення / Куценко В. І., Євтушенко Г. І. // Зайнятість і ринок праці : міжнар. наук. зб. — 1999. — № 10. — С. 78–89.

122. *Куценко О. Д.* Деятельностно-структурная парадигма общества как саморазвивающейся системы / О. Д. Куценко // Проблемы розвитку соціологічної теорії. Теоретичні проблеми змін соціальної структури українського суспільства : II Всеукр. соціологічної конф. : наук. доп. і повідом. — К. : Ін-т соціології-НАН України, 2002. — С. 49–54.

123. *Куценко О. Д.* Діяльнісно-структурний потенціал трансформаційного процесу: до розробки концепції класоутворення : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня доктора соц. наук : спец. 22.00.01 «Теорія та історія соціології» / О. Д. Куценко. — Х., 2001. — 35 с.

124. *Куценко О. Д.* Украина в трансформационных процессах: Quo vadis? / О. Д. Куценко // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2007. — № 1. — С. 18–32.

125. *Куценко О. Д.* Фазы и пути системных трансформаций: подоби́я и различия в бывших странах государственного социализма / О. Д. Куценко // Посткоммунистические трансформации: векторы, направления, содержание / под ред. О. Куценко, С. Бабенко. — Х. : Издат. центр ХНУ им. В. Н. Каразина, 2004. — С. 11–82.

126. *Лазерфельд П.* Измерение в социологии / П. Лазерфельд // Американская социология: перспективы, проблемы, методы / пер. с англ. В. В. Воронина, Е. В. Зиньковского ; ред. и вступ. ст. Г. В. Осипова. — М. : Прогресс, 1972. — С. 134–149.

127. *Ламажаа Ч. К.* Социальная трансформация / Ч. К. Ламажаа // Знание. Понимание. Умение. — 2011. — № 1. — С. 262–264.

128. *Лапин Н. И.* Пути России: социокультурные трансформации / Лапин Н. И. — М. : ИФРАН, 2000. — 194 с.

129. *Левада Ю.* От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993–2000 / Левада Ю. — М. : Моск. шк. полит. исследований, 2000. — 576 с.

130. *Левада-Центр.* Весник общественного мнения [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.levada.ru/zhurnal.html>.

131. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии : в 3 т. Т. 1, кн. 1 : Процесс производства капитала / Маркс К. — М. : Политиздат, 1988. — 891 с.

132. *Масловский М. В.* Современные теории модерна и модернизации / М. В. Масловский // Социологический журнал. — 2008. — № 2. — С. 31–44.
133. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура / Мертон Р. — М. : АСТ : Хранитель, 2006. — 873 с.
134. *Миграция* сельского населения / под ред. Т. И. Заславской. — М. : Политиздат, 1970. — 348 с.
135. *Опитування* громадської думки. Для журналістів та політиків / відп. ред., вступ, коментар Н. Паніної. — К. : Дем. ініціативи, 1995. — 54 с.
136. *Осипова Е. В.* Социологическая система Вильфредо Парето / Е. В. Осипова // История буржуазной социологии XIX — начала XX века / под ред. И. С. Кона. — М. : Наука, 1979. — С. 309–331.
137. *Панина Н. В.* Индекс жизненной удовлетворенности / Н. В. Панина // «Life line» и другие новые методы психологии жизненного пути / [сост. и общ. ред. А. А. Кроника]. — М. : Прогресс, 1993. — С. 107–114.
138. *Панина Н. В.* Образ жизни и психологическое состояние населения Украины в условиях перехода от тоталитаризма к демократии / Н. В. Панина // Избранные труды по социологии : в 3 т. Т. 2 : Теория, методы и результаты социологического исследования образа жизни, психологического состояния и социального самочувствия населения / [сост. и ред. Е. И. Головахи]. — К. : Факт, 2008. — 312 с.
139. *Панина Н. В.* Особенности отношения к жизни на поздних этапах жизненного пути / Н. В. Панина // Жизненный путь личности. — К. : Наук. думка, 1987. — С. 236–247.
140. *Панина Н. В.* Проблемы демократизации в условиях посттоталитарной аномии / Н. В. Панина // Избранные труды по социологии : в 3 т. Т. 1 : Вопросы теории, методологии, технологии социологического исследования и профессиональной этики. — К. : Факт, 2008. — 472 с.
141. *Панина Н. В.* Проблемы национальной толерантности в Украине / Н. В. Панина // Украинский вестник агентства Postfaktum. — 1993. — № 4. — С. 13–16.
142. *Панина Н. В.* Социально-демографические и личностномотивационные факторы психологического состояния /

Н. В. Панина // Человек в экстремальной производственной ситуации (опыт социологического исследования ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС). — К. : Наук. думка, 1990. — С. 87–94.

143. Панина Н. В. Социально-психологические особенности адаптации личности к статусу пенсионера / Н. В. Панина // Старение и адаптация. — К. : Ин-т геронтологии АМН СССР, 1980. — С. 112–115.

144. Панина Н. В. Социально-психологические проблемы выхода на пенсию / Н. В. Панина // Социально-экономические проблемы геронтологии : Всесоюз. конф. : тезисы докл. — М. : Ин-т геронтологии АМН СССР, 1975. — С. 60–62.

145. Панина Н. В. Социально-психологические проблемы выхода на пенсию / Н. В. Панина // Социально-экономические проблемы геронтологии. — Тбилиси : Ин-т эксперимент. морфологии АН ГССР, 1976. — С. 88–94.

146. Панина Н. В. Украинское общество: от выборов до выборов : социологический мониторинг 1994, 1998, 2002 / Панина Н. В. — К. : Ин-т социологии НАН Украины, 2002. — 114 с.

147. Панина Н. Молодежь Украины: структура ценностей, социальное самочувствие и морально-психологическое состояние в условиях тотальной аномии / Н. Панина // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2001. — № 1. — С. 5–26.

148. Панина Н. О применении шкалы социальной дистанции в исследованиях национальной толерантности в Украине / Н. Панина // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2003. — № 3. — С. 21–43.

149. Панина Н. Профессиональная этика и социология в Украине / Н. Панина // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2004. — № 3. — С. 5–8.

150. Панина Н. Социальный статус и стиль жизни личности / Н. Панина // Стиль жизни личности. — К. : Наук. думка, 1982. — С. 266–307.

151. Панина Н. Структура факторов политического успеха как показатель политической направленности развития электоральной системы / Н. Панина // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2002. — № 4. — С. 39–62.

152. Панина Н. Факторы национальной идентичности, толерантности ксенофобии и антисемитизма в современной Украине /

- Н. Панина // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2005. — № 4. — С. 26–45.
153. *Паніна Н.* Аномія в посткомуністичному суспільстві / Н. Паніна // Політичний портрет України. — 1966. — № 17. — С. 46–52. — (Бюлетень Дослідно-навчального центру «Демократичні ініціативи»).
154. *Паніна Н. В.* Вступ / Н. В. Паніна // Українське суспільство 1994–2005: динаміка соціальних змін : додаток. — К. : Ін-т соціології НАН України, 2005. — 653 с.
155. *Паніна Н.* Вимірювання в соціології та принципи застосування тестів у масових опитуваннях / Н. Паніна // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 1998. — № 1–2. — С. 53–68.
156. *Паніна Н. В.* Міжнародні відносини та національна толерантність в Україні / Н. В. Паніна // Політичний портрет України. — 1995. — № 14. — С. 54–73.
157. *Паніна Н. В.* Тенденції розвитку українського суспільства (1994–1997 рр.). Соціологічні показники (Таблиці, ілюстрації, коментар) / Н. В. Паніна, Є. І. Головаха. — К. : Ін-т соціології НАН України, 1998. — 131 с.
158. *Паніна Н. В.* Українське суспільство 1992–2002. Соціологічний моніторинг / Паніна Н. В. — К. : Ін-т соціології НАН України, 2002. — 114 с.
159. *Паніна Н. В.* Українське суспільство 1994–2004: соціологічний моніторинг / Паніна Н. В. — К. : ТОВ «Видавництво Софія», 2004. — 64 с.
160. *Паніна Н. В.* Українське суспільство 1994–2005: соціологічний моніторинг / Паніна Н. В. — К. : ТОВ «Видавництво Софія», 2005. — 160 с.
161. *Паніна Н.* Готовність до соціального протесту: динаміка, регіональні особливості і чинники формування / Е. Головаха, Н. Паніна // Українське суспільство: десять років незалежності. — К. : Ін-т соціології НАН України, 2001. — С. 188–200.
162. *Паніна Н.* Методичні та організаційні аспекти соціологічного моніторингу / Н. Паніна, Є. Головаха // Українське суспільство 1994–2004. Моніторинг соціальних змін / за ред. В. Ворони, М. Шульги. — К. : Ін-т соціології НАН України, 2004. — С. 7–20.
163. *Паніна Н.* Моніторинг соціальних змін в українському суспільстві / Н. Паніна, Є. Головаха // Структурні виміри

сучасного суспільства / за ред. С. Макеєва. — К. : Ін-т соціології НАН України, 2006. — С. 162–189.

164. *Паніна Н.* Національна толерантність, національний ізоляціонізм та ксенофобія в Україні / Н. Паніна // Україна — 2002. Моніторинг соціальних змін / за ред. В. Ворони, М. Шульги. — К. : Ін-т соціології НАН України, 2002. — С. 445–469.

165. *Паніна Н.* Технологія соціологічного дослідження : курс лекцій / Паніна Н. — К. : Наук. думка, 1996. — 232 с.

166. *Паніна Н.* Українське суспільство 1992–2006 : соціологічний моніторинг / Паніна Н. — К. : Ін-т соціології НАН України, 2003. — 94 с.

167. *Паніна Н.* Українське суспільство —1994: результати загальнонаціонального опитування / Н. Паніна // Політичний портрет України. — 1995. — № 9. — С. 1–33.

168. *Петрушина Т. О.* Социально-экономическое поведение населения Украины в условиях институциональных перемен / Т. О. Петрушина. — К. : Ин-т социологии НАН Украины, 2008. — 544 с.

169. *Поланьи К.* Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени / Поланьи К. ; пер. с англ. А. А. Васильева, С. Е. Федорова, А. П. Шурбелева ; под общ. ред. С. Е. Федорова. — СПб. : Алетей, 2002. — 320 с.

170. *Попова И. М.* Повседневные идеологии. Как они живут, меняются и исчезают / Попова И. М. — К. : ІС НАНУ, 2000. — 219 с.

171. *Попович М.* Її ім'я буде займати почесне місце в історії української науки / М. Попович // Наталія Вікторівна Паніна: життя, наукова діяльність, шлях у майбутнє / [уклад. Є. Головаха, К. Урсуленко]. — К. : Факт, 2007. — С. 23–24.

172. *Посткоммунистические трансформации: векторы, направления, содержание* / под ред. О. Д. Куценко, С. С. Бабенко. — Х. : Издат. центр ХНУ им. В. Н. Каразина, 2004. — 418 с.

173. *Развитие сельских поселений* / под ред. Т. И. Заславской, И. Б. Мучника. — М. : Статистика, 1977. — 295 с.

174. *Регуляция социального поведения в ситуации нестабильности: виртуальный круглый стол* // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2011. — № 2. — С. 178–201.

175. *Резнік О. С.* Громадянські практики в перехідному суспільстві: чинники, суб'єкти, способи реалізації / Резнік О. С. — К. : ІС НАНУ, 2011. — 336 с.

176. *Результати національних щорічних моніторингових опитувань 1992–2008 років : додаток // Українське суспільство 1992–2008. Соціологічний моніторинг / за ред. В. Ворони, М. Шульги. — К. : Ін-т соціології НАН України, 2008. — С. 484–638.*
177. *Ручка А. О. Курс історії теоретичної соціології / А. О. Ручка, В. В. Танчер. — К. : Наук. думка, 1992. — 223 с.*
178. *Савельев Ю. Социология в поисках сущности современности: систематизация теорий общества модерна и модернизации / Ю. Савельев // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2012. — № 3. — С. 45–67.*
179. *Сандерсон С. Мегаистория и ее парадигмы / С. Сандерсон // Время мира. — 1998. — № 1. — С. 67–71.*
180. *Селеньи И. Построение капитализма без капиталистов. Образование классов и борьба элит в посткоммунистической Центральной Европе / Селеньи И., Эял Г., Тоунсли Э. ; пер. с англ. под рук. И. Беляевой ; отв. ред. О. Куценко. — К. : Ин-т социологии НАН Украины ; Х. : Издат. центр ХНУ им. В. Н. Каразина, 2008. — 320 с.*
181. *Современный словарь иностранных слов. — М. : Рус. яз., 1992. — 740 с.*
182. *Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество / Питирим Сорокин ; [общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонова]. — М. : Политиздат, 1992. — 542 с.*
183. *Социально-демографическое развитие села : региональный анализ / под ред. Т. И. Заславской, И. Б. Мучника. — М. : Статистика, 1980. — 343 с.*
184. *Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений [Электронный ресурс] : докл. Т. И. Заславской и В. А. Ядова на открытии III Социологического конгресса. — 2008. — 21 окт. — Режим доступа : <http://www.polit.ru/2008/10/29soctransformations.html>.*
185. *Социологический мониторинг (беседа с акад. Т. И. Заславской) // Социологические исследования. — 1994. — № 1. — С. 6–12.*
186. *Степаненко В. Пост-индустриализм и жизненный мир: концепция образа жизни в социальной философии американского неоконсерватизма / Степаненко В. — К. : Наук. думка, 1992. — 109 с.*

187. *Суспільна трансформація: концептуалізація, тенденції, український досвід* / за ред. В. В. Танчера, В. П. Степаненка. — К. : Ін-т соціології НАН України, 2004. — 244 с.

188. *Тамаш П.* Трансформація центральноєвропейської системи розвитку в 1989–2000 гг. / П. Тамаш // *Посткомуністическіє трансформації: вектори, измерения, содержание* / под ред. О. Д. Куценко, С. С. Бабенко. — Х. : Изд. центр Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина, 2004. — С. 151–182.

189. *Тарасенко В. І.* Проблема соціальної ідентифікації українського суспільства: Соціотехнологічна парадигма / В. І. Тарасенко, О. О. Іваненко. — К. : Ін-т соціології НАН України, 2004. — 570 с.

190. *Тилли Ч.* Принуждение, капитал и европейские государства. 1990–1992 гг. / Тилли Ч. — М. : Территория будущего, 2009. — 328 с.

191. *Тойнби А.* Постижение истории / Тойнби А. ; пер. с англ. — М. : Прогресс, 1991. — 736 с.

192. *Тощенко Ж. Т.* Парадигмы, структура и уровни социологического анализа / Ж. Т. Тощенко // *Социологические исследования*. — 2007. — № 9. — С. 5–16.

193. *Тощенко Ж. Т.* Социология [Электронный ресурс] / Тощенко Ж. Т. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Прометей : Юрайт-М, 2001. — 511 с. — Режим доступа : <http://yourlib.net/content/view/5258/64/>.

194. *Українське суспільство 1992–2008.* Соціологічний моніторинг / за ред. В. Ворони, М. Шульги. — К. : Ін-т соціології НАН України, 2008. — 656 с.

195. *Українське суспільство –1994, 1995:* результати двох загальнонаціональних опитувань — думки, оцінки і рівень життя населення України // *Політичний портрет України*. — 1996. — № 15. — С. 91–118. — (Бюлетень Дослідно-навчального центру «Демократичні ініціативи»).

196. *Українське суспільство –1996:* думки, оцінки й умови життя населення України // *Політичний портрет України*. — 1996. — № 17. — С. 73–93. — (Бюлетень Дослідно-навчального центру «Демократичні ініціативи»).

197. *Українське суспільство від виборів до виборів.* Соціологічний моніторинг 1994, 1998, 2002 : додаток // *Україна –2002*.

Моніторинг соціальних змін / за ред. В. Ворони, М. Шульги. — К. : Ін-т соціології НАН України, 2002. — С. 562–658.

198. *Українське суспільство: соціологічний моніторинг 1994–2003* / за ред. Н. В. Паніної. — К. : Ін-т соціології НАН України, 2003. — 98 с.

199. *Ханин Ю. Л.* Краткое руководство к применению шкалы реактивной и личностной тревожности Ч. Д. Спилберга / Ханин Ю. Л. — Л. : ЛНИИФК, 1976. — 198 с.

200. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / Хантингтон С. — М. : АСТ : Мидгард, 2007. — 576 с.

201. *Цапф В.* Теория модернизации и различие путей общественного развития / В. Цапф // Социологические исследования. — 1998. — № 8. — С. 14–26.

202. *Человеческий потенциал* (из «Доклада о развитии человека за 1995 год») // Общество и экономика. — 1996. — № 5. — С. 133–171.

203. *Шабанова М. А.* К интерпретации хода и перспектив современного трансформационного процесса / М. А. Шабанова // Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации / под общ. ред. Т. И. Заславской. — М. : Моск. высш. шк. соц. и экон. наук, 2003. — С. 380–386.

204. *Шабанова М. А.* Посткоммунистический трансформационный процесс в России: «механистическая» перспектива анализа / М. А. Шабанова // Социологические исследования. — 2004. — № 1. — С. 142–151.

205. *Шпедер Ж.* Очерк трансформации в Венгрии / Ж. Шпедер, Ж. Элекеш, И. Гарча, П. Роберт // Социологические исследования. — 2002. — № 5. — С. 37–59.

206. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории : в 2 т. Т. 2 : Всемирно-исторические перспективы / Шпенглер О. ; пер. с нем. и примеч. И. И. Маханькова. — М. : Мысль, 1998. — 606 с.

207. *Штомпка П.* Социальное изменение как травма / П. Штомпка // Социологические исследования. — 2001. — № 1. — С. 6–16.

208. *Штомпка П.* Социология социальных изменений / Штомпка П. ; пер. с англ. ; под ред. В. А. Ядова. — М. : Аспект-Пресс, 1996. — 416 с.

209. *Штомпка П.* Формирование социологического воображения. Значение теории / П. Штомпка // Социологические исследования. — 2005. — № 10. — С. 64–72.

210. Ядов В. А. Методология и процедура социологических исследований / Ядов В. А. — Тарту : Тартуский гос. ун-т, 1968. — 281 с.

211. Ядов В. А. Россия как трансформирующееся общество (Резюме многолетней дискуссии социологов) / В. А. Ядов // Общество и экономика. — 1999. — № 10–11. — С. 65–72.

212. Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций / Ядов В. А. — СПб. : Интерсоцис, 2009. — 138 с.

213. Ядов В. О современном состоянии социологии / Ядов В. // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. — 2009. — № 881. — С. 9–11. — (Серія «Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи». — Вип. 24).

214. Adorno T. The Authoritarian Personality (1950) / Adorno T., Frenkel-Brunswik E., Levinson D., Sanford R. — N. Y. : W. W. Norton, 1982. — 500 p.

215. Bogardus E. S. Measuring social distance / E. S. Bogardus // Journal of Applied Sociology. — 1995. — Vol. 9. — P. 299–308.

216. Bourdieu P. The Purpose of Reflexive Sociology (The Chicago Workshop) // An Invitation to Reflexive Sociology / P. Bourdieu, L. J. D. Wacquant (eds.). — Chicago : University of Chicago Press, 1992. — P. 61–215.

217. Castles S. Development, social transformation and globalisation [Electronic resource] / S. Castles. — Access mode : <http://www.theglobalsite.ac.uk/press/012castles.htm>.

218. Dahlstrom W. G. An MMPI Handbook / W. G. Dahlstrom, G. S. Welsch // A Guid to Use in Clinical Practise and Research. — Minneapolis, 1960. — 278 p.

219. Eisenstadt S. N. The Challenge of Multiple Modernities / S. N. Eisenstadt // New Horizons in Sociological Theory and Research: The Frontiers of Sociology at the Beginning of the Twenty-First Century / ed. by L. Tomasi. — Aldershot : Ashgate, 2001. — P. 99–126.

220. Genov N. Transition to democracy and nation-state in Eastern Europe / N. Genov // The Annals of the International Institute of Sociology / E. Scheuch, D. Sciulli. — Leiden : Brill, 2000. — Vol. 7. — P. 148–161.

221. *Human Development Report 2007/2008*. United Nation Development Program [Electronic resource]. — N. York, 2007. — Access mode : <http://hdr.undp.org/en/reports/global/hdr2007-2008>.
222. *Levy M. Modernization and the structure of societies* / Levy M. — Princeton : Princeton University Press, 1966. — Vol. 1, 2. — 160 p.
223. *Machonin P. Social Transformation and Modernization. To Constructing the Theory of Social Changes in the Postcommunist Countries* / Machonin P. — Praha, 1997. — 155 p.
224. *McClosky H. Psychological dimensions of Anomy* / H. McClosky, Jh. Schaar // *American Sociological Review*. — 1965. — Vol. 30(1). — P. 14–40.
225. *Neugarten B. The Measurement of Life Satisfaction* / B. Neugarten, R. Havigharst, S. Tobin // *Journal of Gerontology*. — 1961. — № 2. — P. 135–143.
226. *Panina N. Interethnic Intolerance in Post-Soviet Ukraine* / N. Panina, E. Golovakha // *States of Mind : American and Post-Soviet Perspectives on Contemporary issues in Psychology* / eds. D. Halpern, A. Voyskunsky. — New York ; Oxford : Oxford Univ. Press, 1997. — P. 315–324.
227. *Panina N. Interethnic Relations and Conflict in Ukraine* / N. Panina // *Post-Soviet Puzzles* ; eds. K. Zegers, S. De Spiegeleire. — Baden-Baden : Nomos Verlagsgesellschaft, 1995. — Vol. 4. — P. 101–122.
228. *Panina N. National Tolerance and Relations between Nationalities in Ukraine* / N. Panina // *A Political Portrait of Ukraine*. — 1995. — No. 7. — P. 47–68.
229. *Parsons T. Max Weber's Sociological Analysis of Capitalism and Modern Institution to the History of Sociology* / Parsons T. — Chicago ; London : The University of Chicago Hress, 1966. — P. 244–268.
230. *Pickel A. Transformation theory: scientific or political?* / Pickel A. // *Communist and Post-Communist Studies*. — 2002. — Vol. 35. — P. 105–114.
231. *Roxborough I. Modernization Theory Revisited* / I. Roxborough // *Comparative Studies in Society and History*. — 1988. — Vol. 30, No. 4. — P. 753–761.

232. *Rychard A.* Społeczeństwo w transformacji: koncepcja i próba syntezy analiz / A. Rychard // Społeczeństwo w transformacji. Ekspertyzy i studia / M. Fedorowicz (red.). — Warszawa, 1993. — S. 5–20.
233. *Sachs J.* Postcommunist Parties and the Politics of Entitlements / Sachs J. // Transitions. — 1995. — No. 6(3). — P. 1–4.
234. *Schultz T. W.* Capital Formation by Education / T. W. Schultz // The Journal of Political Economy. — 1960. — Vol. 68. — 571 p.
235. *Stark D.* Path Dependence and Privatization Strategies in East Central Europe / D. Stark // East European Politics and Societies. — 1992. — No. 6(1). — P. 1–2.
236. *Tiryakian E.* Introduction: The Civilization of Modernity and the Modernity of Civilization / E. Tiryakian // International Sociology. — 2001. — Vol. 16, № 3. — P. 277–292.
237. *Touraine A.* Critique of Modernity / Touraine A. — Oxford : Blackwell, 1995. — 398 p.
238. *Wieviorka M.* XVII ISA World Congress of Sociology: Sociology on the move [Electronic resource] / Michel Wieviorka, Hans Joas Ulla Björnberg. — Access mode : <http://www.isa-sociology.org/congress2010>.

НАЦІОНАЛЬНА АКАДЕМІЯ НАУК УКРАЇНИ
ІНСТИТУТ СОЦІОЛОГІЇ

Наукове видання

Загороднюк Тетяна Юріївна
КОНЦЕПЦІЇ ПОСТРАДЯНСЬКОЇ
ТРАНСФОРМАЦІЇ СУСПІЛЬСТВА
Т. І. ЗАСЛАВСЬКОЇ І Н. В. ПАНІНОЇ

Монографія

(російською мовою)

Науковий редактор: *Є.І.Головаха*

Редактор: *О.М.Кузьміна*

Коректор: *Н.П.Мельник*

Комп'ютерна верстка: *О.Ю.Соколова*

Підписано до друку 26.11.2013 р. Формат 60x84/16. Папір офс. № 1.
Друк офсетний. Ум.др.арк. 10,25. Замов. № . Наклад 300.

Видруковано з оригінал-макету, виготовленого в комп'ютерному комплексі
Інституту соціології НАН України. 01021, Київ-21, вул. Шовковична, 12

Надруковано ТОВ "РПФ "Азбука".
04080, Київ-80, вул. Фрунзе, 19/21